

история/география/этнография

Военная история
Боспорского царства

Юрий Виноградов
Владимир Горончаровский

В

оенная история
Боспорского царства

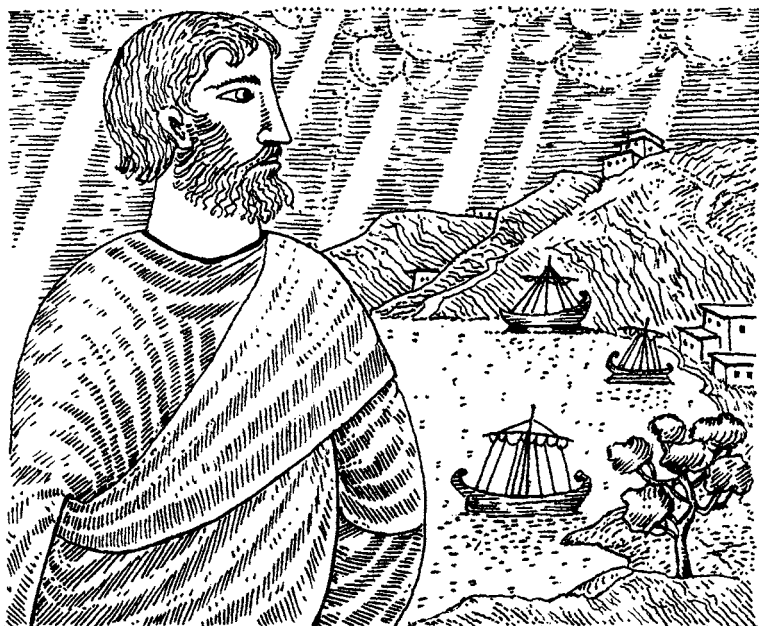

Юрий Виноградов
Владимир Горончаровский

Ломоносовъ
издательство

Юрий Виноградов
Владимир Горончаровский

Военная история
Боспорского
царства

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2017

УДК 94(47).01
ББК 63.3(0)32
В49

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках реализации Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

© Виноградов Ю. А., 2017
© Горончаровский В. А., 2017
ISBN 978-5-91678-386-5 © ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2017

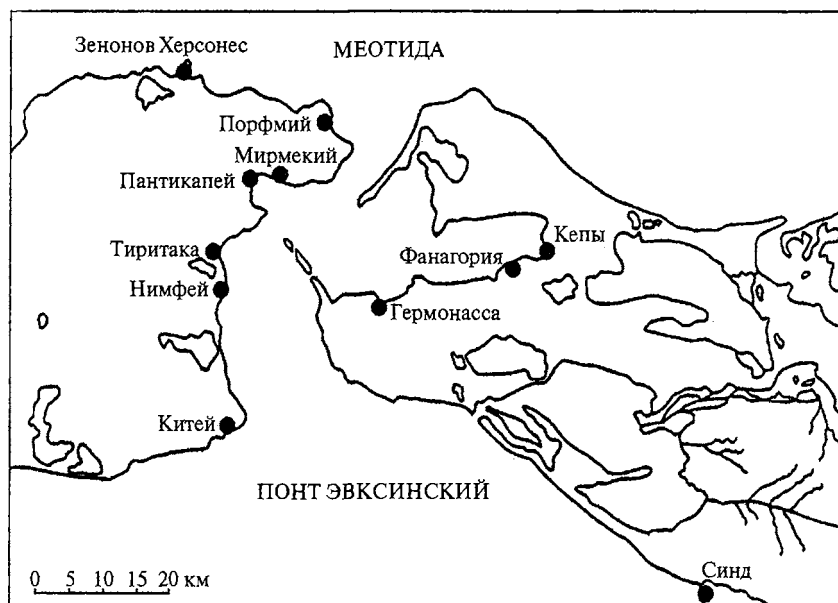

Введение

Войны — фундаментальный фактор мировой истории, или, выражаясь другими словами, «история вопиет войнами». По этой причине можно уверенно говорить, что военная история является важнейшей составляющей мирового исторического процесса, и ее изучение имеет вполне самостоятельный научный и познавательный интерес. Большое значение в этом отношении имеет не только исследование военных кампаний, передвижений войск или хода сражений, но и общее состояние военного дела втянутых в конфликт обществ, то есть способ вооружения, особенности комплектования войск, их структура, тактические приемы ведения боевых действий и т. п. Обозначенные аспекты, разумеется, определяются многими причинами внутреннего развития, а также

внешнеполитическими факторами, сложное переплетение которых также заслуживает специального изучения. С другой стороны, нет никакого сомнения в том, что военное дело самым активным образом оказывало и оказывает влияние на историческое развитие всех государств и всех народов, начиная с самой глубокой древности. Надо признать, что в последние годы интерес к военной истории и военному делу заметно повысился, в полной мере это относится к военной истории античного мира и, в частности, Боспорского царства. Оно возникло в V веке до н. э. на берегах Керченского пролива, носившего в древности название Боспора Киммерийского. Еще за столетие до того здесь, на перекрестке сухопутных, речных и морских путей, как грибы после дождя выросли многочисленные древнегреческие колонии: Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса, Кепы и др. На северное побережье Понта Эвксинского, как в древности называли Черное море, эту далекую окраину обитаемого мира — «ойкумены», эллинов влекли плодородные земли и неисчерпаемые запасы рыбы. Их не могли отпугнуть даже суровые для уроженцев Средиземноморья холодные зимы. На своей новой родине они воспроизводили привычный уклад жизни и политическое устройство, строили такие же дома и поклонялись тем же богам.

Жители небольших городов-государств, основанных в чужих землях, как и в самой Греции, стремились к независимости. Заставить их объединиться сначала в военный союз — симмахию, а затем и в единое государство смогли только чрезвычайные обстоятельства: возросшее давление со стороны соседних кочевых скифов. В этих условиях первостепенное значение приобрел Пантикапей, прародитель современной Керчи. Именно этот город стал столицей династии Спартокидов, начало которой было положено около 437 года до н. э. Правители из этого рода именовали себя архонтами по отношению к греческим городам и царями ряда подчиненных варварских племен. Эта двойственность, не только политическая, но и культурная, и позволяет уподобить Боспор, где, согласно представлениям античных географов, проходила граница между Европой и Азией, римскому богу всякого начала Янусу, который изображался с двумя смотрящими в разные стороны лицами. Тесные политиче-

Боспор Киммерийский и греческие колонии на его берегах

ские и экономические связи со Скифией и остальным античным миром обеспечили первый расцвет Боспорского царства в середине — второй половине IV века до н. э. Последовавшая на рубеже IV—III веков до н. э. гибель «Великой Скифии» под ударами сарматских племен на несколько десятилетий дестабилизировала обстановку во всем Северном Причерноморье. Последним Спартокидам приходилось балансировать между сарматами, поздними скифами Крыма и набирающим силу Понтийским царством на южном берегу Черного моря. Наконец, владыкой Боспора стал понтийский царь Митридат VI Евпатор (121—63 годы до н. э.), великий противник Рима. После трех войн, доставивших славу лучшим римским полководцам Сулле, Лукуллу и Помпею, здесь и завершился его жизненный путь.

Новым боспорским царем Помпей в качестве «друга и союзника римского народа» утвердил Фарнака, сына Митридата, поднявшего мятеж против отца. Вскоре Боспорское царство на триста лет прочно попало под тяжелую руку Рима. В начале I века н. э. местные цари даже приняли новое династическое имя и стали именоваться Тиберии Юлии. В рамках римской внешней политики Боспору отводилась роль государства, с помощью которого можно было контролировать военно-политическую обстановку в Северном Причерноморье и на границах ближайших к нему провинций. Конец такого рода отношениям положили значительные потрясения периода походов ряда германских племен в Северное Причерноморье. В результате хорошо налаженная военная организация Боспорского царства быстро пришла в упадок.

В разработке вопросов, связанных с историей и культурой Боспорского государства, изучению военного дела принадлежит особое место. Дело в том, что античные города Боспора буквально с момента своего основания оказались втянутыми в сложные, подчас враждебные отношения с окружающими варварскими племенами. Специфика местных условий не могла не вызвать серьезную трансформацию как комплекса боспорского вооружения, так и тактических приемов ведения боя. Как и во многих других странах, граничивших с кочевым миром, развитие военного дела здесь находилось в тесном взаимодействии и одновременно противостоянии с кочевни-

ками (номадами). К началу нашей эры этот процесс зашел достаточно далеко благодаря интенсивной инфильтрации выходцев из сарматской среды в состав боспорского населения и усиленной военизации его жизни. В то же время Боспор, ставший вассальным по отношению к Риму государством, отчасти воспринял достижения римского военного искусства.

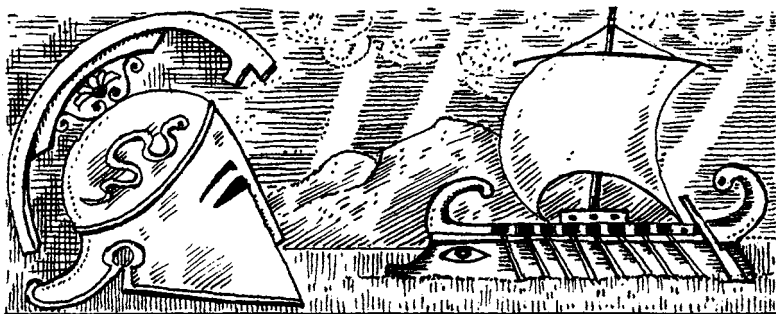
К сожалению, в наших знаниях о военном деле Боспора рубежа эр и первых веков нашей эры до сих пор наблюдаются значительные лакуны, во многом обусловленные состоянием имеющихся источников. Сведения о многочисленных войнах, походах и сражениях этого бурного периода, особенностях военной организации и тактики боя боспорцев и их противников, несомненно, имевшиеся в местной письменной традиции, до нас не дошли. Все, что можно использовать в данном отношении, сохранилось во фрагментарном виде только у греческих и латинских авторов, в основном освещавших лишь те события военно-политической истории Северо-Восточного Причерноморья, которые затрагивали интересы античных государств Средиземноморья. Вполне естественно, что нередко это делалось с тенденциозных позиций, а из существовавших реалий многое опускалось как не заслуживающее внимания или трактовалось неверно. Поэтому огромное значение для решения интересующей нас проблемы приобретают археологические источники: эпиграфические памятники; росписи и рельефы, дающие достаточно богатый и надежно идентифицируемый изобразительный материал, позволяющий судить о многих деталях вооружения и снаряжения боспорских воинов; фортификационные сооружения и следы военных действий в виде руин и пожаров и т. д. При этом отметим, что, пожалуй, одним из наиболее важных источников для изучения военного дела являются находки предметов наступательного и защитного вооружения.

До недавнего времени в научной и популярной литературе военной истории и военному делу Боспора не уделялось должного внимания. По большей мере эти вопросы рассматривались в общих очерках развития военного дела в античных государствах Северного Причерноморья¹. Первой в этом отношении стала книга В. Д. Блаватского «Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья»

(1954). Более детально рассматривалась интересующая нас проблема в кандидатской диссертации Н. И. Сокольского «Военное дело Боспора» (1954). К сожалению, из этой работы в виде статей были опубликованы лишь разделы о боспорских мечях, щитах и оборонительных валах.

За последующие шестьдесят лет из отечественных обобщающих работ, касающихся интересующей нас темы, можно отметить написанный Б. Г. Петерсом раздел «Военное дело» в томе «Археологии СССР», посвященном античным государствам Северного Причерноморья (1984). В сравнительном плане, безусловно, представляет интерес исследование А. М. Хазанова «Очерки военного дела сарматов» (1971). Заслуживает внимания и специальная монография известного польского исследователя М. Мельчарека «The Army of the Bosporan kingdom» (1999), где была предпринята попытка суммировать имеющиеся данные относительно организации и вооружения боспорской армии VI века до н. э. — III века н. э. Вскоре после этого из печати вышли книги, подготовленные авторами этого издания², которое, естественно, во многом на них базируется. Хочется надеяться, что данная научно-популярная книга привлечет внимание новых исследователей к изучению этого интереснейшего предмета. Следует сразу подчеркнуть, что многие содержащиеся в книге выводы и реконструкции являются не более чем гипотезами, нуждающимися в дальнейшем изучении и проверке новыми материалами.

Часть I
Военная история и военное дело Боспора
от времени греческой колонизации
до завершения Митридатовых войн

Глава 1

Боспор Киммерийский во время греческой колонизации

Греки и варвары. Проблемы сосуществования

Вряд ли могут возникнуть сомнения, что на Боспор, как и в другие районы греческой колонизации, была принесена система военного дела, сложившаяся к тому времени в метрополии, то есть в Древней Греции. В полной мере следует признать и то, что основные изменения в характере вооружения, фортификационного строительства и т. д., которые вырабатывались в Древней Греции, распространялись в мире греческих колоний достаточно быстро. Вместе с тем македонская фаланга или даже строй римских манипул в условиях Северного Причерноморья вряд ли могли быть успешно заимствованы и адаптированы. Жизнь на окраине

античного мира в окружении многочисленных варварских племен диктовала свои законы, и это направление политических, экономических, культурных связей определяло в военном деле Боспора очень многое.

В этом отношении необходимо особо подчеркнуть, что колонии на северном берегу Черного моря существовали в весьма специфических условиях, поскольку их соседями оказались не только земледельческие племена, как это было в Западном Средиземноморье (Сицилия, юг Апеннинского полуострова и др.), но и кочевники. Всех их древние греки (эллины, как они себя называли) считали варварами. Само слово «варвар» вошло в современные языки именно из древнегреческого. Но соответствовало ли его значение привычному для нас пониманию — «враг цивилизации» или чему-нибудь подобному? Знаменитый географ древности Страбон предложил, на наш взгляд, вполне приемлемую концепцию происхождения термина «варвар». По его мнению, это слово произошло в силу подражания грубому для греческого уха произношению иноземцев и лишь позднее стало названием всех негреческих народов (Strab. VII, 4, 6). Иными словами, для греков варварами были все другие народы вне зависимости от их экономического, социально-политического или культурного развития; это были и кочевники-арабы, и кельты, населявшие в то время бескрайние пространства европейских лесов, и египтяне, создавшие грандиозную цивилизацию, перед которой греки не скрывали своего восхищения³.

Сопричастность греческих государств региона, в том числе (а вероятно, можно сказать — прежде всего) Боспора Киммерийского, к историческим судьбам великого пояса евразийских степей, ритмам Евразии, о которых много думал и писал Л. Н. Гумилёв, позволяет рассматривать их историю в этом глобальном контексте. Столь большое внимание к кочевническому фактору в истории греческих государств Северного Причерноморья определяется целым рядом обстоятельств, о которых хотя бы кратко необходимо сказать. Прежде всего следует обратить внимание на то, что кочевники по причине своей военной силы и мобильности всегда создавали очень большие проблемы для соседних оседлых народов и госу-

дарств постоянными набегами или даже масштабными завоеваниями. Крупный специалист в области изучения номунизма А. М. Хазанов справедливо указывает на то, что вплоть до нового времени с его революцией в области вооружений оседлые государства были не в состоянии найти сколь-либо надежное решение военной проблемы, связанной с необходимостью противостоять нападениям кочевников. Чаще всего это решение, в какой-то степени обеспечивающее мир и спокойствие, находилось в выплате дани определенной группе номуадов с таким расчетом, чтобы те защищали земельные территории от нападений других номуадов⁴.

Следующее важнейшее обстоятельство заключается в том, что на историю греческих государств региона и, разумеется, на их военное дело особое влияние имели изменения военно-политической обстановки, которые периодически (раз в 200—300 лет) происходили в степях Северного Причерноморья в связи с продвижениями на запад с востока, из глубин Азии, все новых и новых кочевых народов. Совсем не случайно время вторжения кочевников на новые территории в научной литературе получило название «периода завоевания (или обретения) родины», то есть борьбы пришельцев за обладание районом с прежними его хозяевами. Вполне очевидно, что такие передвижения, как правило, приводили к дестабилизации военно-политической ситуации во всем Северном Причерноморье, накладывали заметный отпечаток на последующее развитие всех районов, прилегающих к поясу степей. «Новые номуады» часто приносили с собой из Азии новые приемы ведения боевых действий и новые предметы вооружения: типы луков, стрел, мечей, детали снаряжения боевых коней — седла, стремена и т. д. Каждое вторжение, таким образом, вносило определенные изменения в устоявшуюся за десятилетия систему военного дела как местных варварских племен, так и греческих государств. Заимствование передового опыта в военной сфере у своих соседей, как можно считать, являлось одним из важных элементов адаптации греков-колонистов к грандиозным этническим и военно-политическим переменам, имевшим место в степях северного берега Черного моря; без такой адаптации существование колоний в чуждом для них и часто враждебном

окружении вообще вряд ли могло стать сколько-нибудь продолжительным и продуктивным. Обозначенная закономерность позволяет связать с периодическими продвижениями на запад новых волн азиатских кочевников (скифы, сираки, аорсы, роксоланы, языги и др.) важные этапы в развитии античных государств Северного Причерноморья. Исходя из этого, историю Боспора можно разделить на девять основных этапов.

К сожалению, боспорская история в трудах древних историков и географов освещена весьма фрагментарно, в такой ситуации принципиальное значение приобретают результаты археологического изучения древних городов, сельских поселений, могильников и т. д. Однако современная античная археология позволяет датировать раскопанные памятники в пределах четверти или трети столетия, более точные («узкие») датировки пока невозможны. Предлагаемая периодизация, базирующаяся в основном на данных археологии, закономерно имеет достаточно условные хронологические рамки некоторых из выделенных периодов. Иного сейчас предложить просто невозможно, поскольку встречающиеся в сочинениях древних авторов точные даты событий, имевших в истории Боспора ключевое значение (480/79, 438/37, 310/9, 63 годы до н. э. и пр.), представляют собой, скорее, исключение из общего правила.

Девять периодов истории Боспора можно кратко определить следующим образом:

1. Рубеж VII и VI веков — 480/79 год до н. э. — период появления греков на берегах Керченского пролива, создания здесь нескольких городов-государств (полисов), налаживания их связей с местными племенами. Это время относительно мирной и стабильной ситуации в регионе.

2. 480/79—438/37 годы до н. э. — период дестабилизации, усиления агрессивности скифов, вызванной, очевидно, вторжением новой кочевнической орды с востока. Это время войн и междоусобных столкновений, ответом на которые со стороны боспорских греков стало создание оборонительного союза во главе с Археанктидами.

3. 438/37 год — рубеж IV и III веков до н. э. — период стабилизации в степях, «золотой век» эллинизма в Северном

Причерноморье. В начале этого периода власть на Боспоре перешла к Спартокидам, которые вскоре создали самое большое в регионе государство. В его состав вошли как греческие колонии Боспора Киммерийского, так и некоторые местные варварские племена. Формой правления в государстве стала наследственная монархия. Период отличается теснейшими союзническими связями Боспорского царства с Великой Скифией.

4. Первая половина III века до н. э. — время крушения Великой Скифии и последовавшей дестабилизации военно-политической обстановки в Северном Причерноморье. Главной причиной этих событий стали удары сарматов, продвинувшихся с востока в степи Подонья и Прикубанья. Это период переориентации политики Боспорского государства на союз с новыми владыками степей.

5. Вторая половина III — первая половина II века до н. э. — период относительной стабилизации в степях Северного Причерноморья, особенно ярко проявившейся на Боспоре. Это было время продолжения и развития тесных связей с местными племенами Прикубанья.

6. Середина II века — 107 год до н. э. — новая дестабилизация в степях региона, вызванная продвижением на запад кочевых племен роксоланов, языгов и др. Боспор, как и другие греческие государства Северного Причерноморья, оказался в ситуации острейшего политического и экономического кризиса, выходом из которого стала передача власти царю Понтийского государства Митридату VI Евпатору.

7. 107–63 годы до н. э. — Боспор в составе Всепонтийской державы Митридата. В разразившейся тогда жестокой борьбе с Римом за гегемонию в Средиземноморье Боспор для владыки Понта стал важнейшим стратегическим пунктом для осуществления контроля над всем Северным Причерноморьем. Поражение понтийского царя и его гибель в Пантикапее знаменовали открытие новой эпохи в развитии античных государств региона.

8. 63 год до н. э. — первая половина I века н. э. Этот период выделяется прогрессирующей стабилизацией в регионе, но на Боспоре он был ознаменован острой борьбой за царский престол.

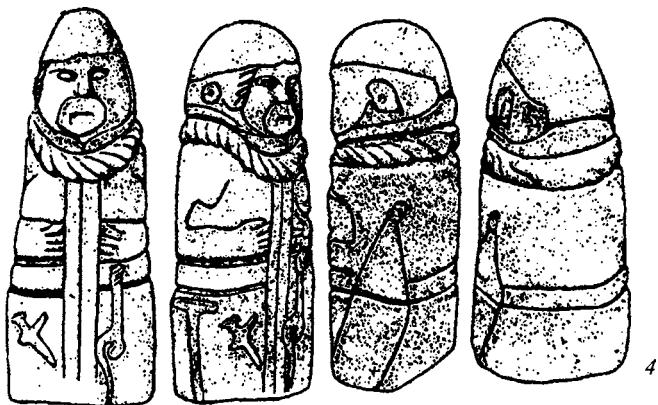
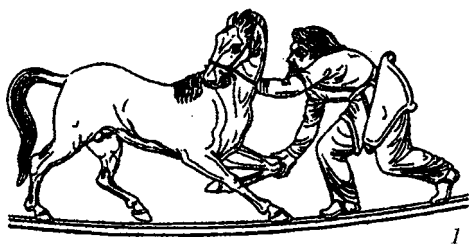
9. Середина I — середина III века н. э. — новый расцвет Боспорского царства, на сей раз под контролем Римской империи. В начале этого периода в причерноморские степи продвинулись кочевники-аланы, но эта этническая перемена не привела к радикальному изменению военно-политической ситуации в степях. Конец девятого этапа связан с вторжением в Северное Причерноморье германских племен готов, открывшим новую страницу в истории античных государств региона.

В дальнейшем повествовании военная история Боспора рассматривается в основном в хронологических рамках обозначенных периодов. Но прежде чем перейти к изложению этих сюжетов, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать военное дело скифов, то есть народа, населявшего Северное Причерноморье и определявшего здесь военно-политическую ситуацию в то время, когда на берегах Керченского пролива появились греческие переселенцы.

Военное дело скифов

Во время греческой колонизации северного берега Черного моря в степях региона господствовали скифы. Многочисленные археологические материалы, а также изображения скифских воинов на предметах искусства позволяют уверенно считать, что прежде всего они были конными лучниками⁵. Любопытно, однако, что единственный скифский лук неплохой сохранности был найден в одном из курганов IV века до н. э. группы Три брата под Керчью⁶. Этот сложный лук состоит из трех деревянных пластин, обмотанных по спирали полоской коры. Скифские стрелы имели длину 0,6–0,7 метра, их наконечники делались в основном из бронзы. Наиболее ранние наконечники (VII–VI века до н. э.) имели листовидную или ромбическую форму, выступающая втулка порой снабжалась острым шипом. Правда, уже тогда появились наконечники трехлопастной или трехгранной формы, вытеснившие более ранние к концу VI века до н. э.

Лук и стрелы укладывались в специальный футляр (горит), имевший трапециевидную или прямоугольную форму. Гори-

Изображения скифских воинов:

- 1 — изображение на амфоре из кургана Чертомлык;
 2—3 — золотые бляшки из кургана Куль-Оба;
 4 — каменное изваяние из Донецкой области

ты изготавливались из дерева, обтягивались кожей, иногда украшались нашивными бляшками и т. п. Хорошо известны золотые обкладки горитов, найденные в скифских царских курганах второй половины IV века до н. э. (Чертомлык, Мелитопольский, Пять братьев и др.).

Вторым широко распространенным видом наступательного вооружения скифов и других варваров Северного Причерноморья были копья длиной 1,7–2,2 метра. Они имели железные наконечники с пером листовидной формы и втулкой для насаживания на древко и использовались не только в ближнем бою, но и для метания по противнику. Для метания использовались также дротики. Последние представляют немалый интерес, поскольку скорее всего являются оружием местного северопричерноморского происхождения, появившимся здесь довольно поздно — в V веке до н. э. По размерам дротики не отличаются от копий, но их наконечники выделяются явным своеобразием. Прежде всего это относится к их размерам — тенденция развития таких наконечников сводится к увеличению длины до 0,4 и даже 0,5 метра. Следует указать на своеобразие формы, поскольку наконечник дротика состоит не из двух обычных для копья частей (втулка и перо), а из трех (втулка, стержень и перо). На втулку, в которой крепилось древко, приходится приблизительно треть длины наконечника, далее следует еще более длинный, постепенно сужающийся к концу стержень, завершающийся небольшим жаловидным пером. Это перо с двумя боковыми шипами имеет очень небольшие размеры, составляющие не более десятой части длины наконечника. Дротик такого типа можно признать очень хорошим метательным орудием, несколько приближающимся к идеальному метательному копью — римскому пилуму⁷. Любопытно, что они использовались не столько степняками-кочевниками, сколько земледельческими племенами Прикубанья и лесостепей Северного Причерноморья.

Мечи были оружием ближнего боя и использовались для нанесения колющих и рубящих ударов. Скифские мечи (акинаки, как их обычно называют) имели длину 0,5–0,7 метра; мечи длиной в 1 метр встречаются редко. Они были дуэлевидными, то есть затачивались с двух сторон. Кинжалы

были короче — 0,3–0,4 метра. При этом они отличались от мечей лишь размером, а не оформлением рукояти. Перекрестие, отделявшее рукоять от клинка, имело, по определению специалистов, «сердцевидную», «бабочковидную» или «почковидную» форму; на поздних экземплярах оно могло быть почти треугольным. Рукоять завершалась навершием брусковидной или овальной формы. В V веке до н. э. появились мечи и кинжалы с так называемыми «антенными» навершиями, которые отличаются загнутыми вверх концами, иногда почти смыкающимися в кольцо.

Щиты у скифских воинов были овальной, прямоугольной или почти квадратной формы. Панцири принадлежали к типу доспехов с металлическим пластинчатым набором или, иными словами, к типу чешуйчатых доспехов. Основание таких панцирей было кожаным, на него нашивались продолговатые металлические пластинки, в основном железные; для нашивания в верхней части каждой из них имелись специальные отверстия. Пластинки нашивались на основу горизонтальными рядами с таким расчетом, чтобы верхний ряд частично перекрывал нижележащий. Изготовленные таким образом чешуйчатые панцири были достаточно гибкими и удобными, они надежно защищали воина от ударов вражеских мечей и копий.

Ранние скифские шлемы (VII–VI века до н. э.) отливались из бронзы. Их полусферическая форма, возможно, восходит к китайским прототипам, то есть имеет очень глубокие восточные корни. В Скифии находки таких шлемов происходят в основном из курганов Прикубанья, поэтому их часто называют шлемами прикубанского типа. Позднее скифская аристократия стала использовать защитное вооружение греческого производства — шлемы и поножи, панцири же всегда оставались своими «родными» — чешуйчатыми.

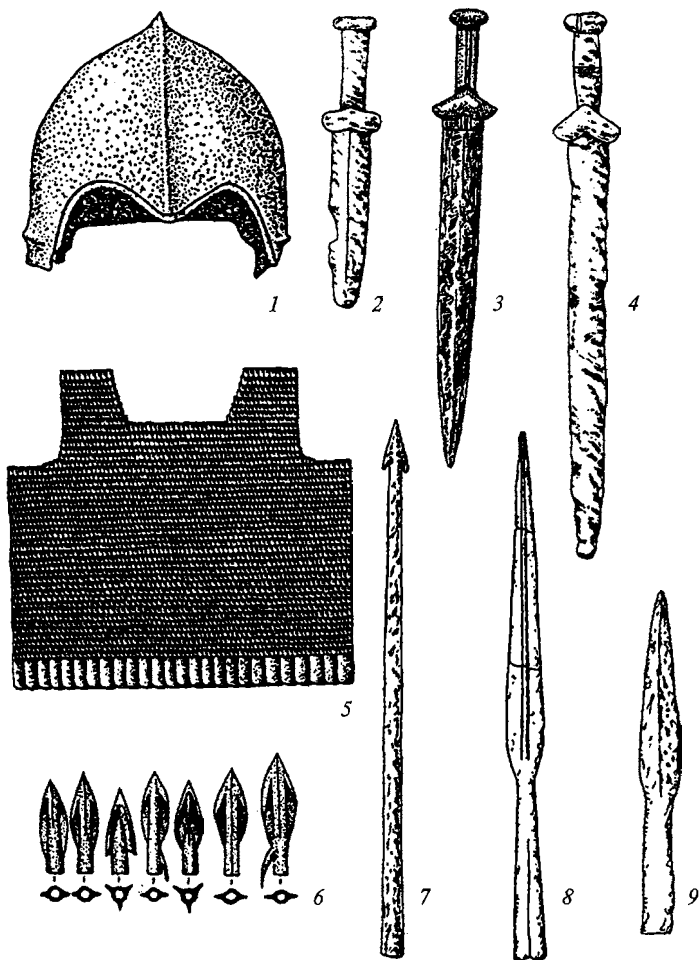
Так в общих чертах выглядело вооружение потенциальных противников греков на северном берегу Черного моря, однако можно сказать и иначе — так вооружались потенциальные союзники в случае возникновения конфликта, при этом отнюдь не только с какими-то враждебными варварскими группировками, но и с соседями-греками. Междоусобные споры, кровавые распри, братоубийственные войны — постоянные

спутники истории Древней Греции, и вряд ли здесь уместна какая-либо идеализация колонистов Боспора. Скорее всего они без особых колебаний приглашали варварские дружины для помощи в борьбе с чем-то досадившими им соплеменниками из других колоний.

Вообще военный потенциал скифов, вне всякого сомнения, следует оценивать как весьма высокий. Среди проведенных ими победоносных войн прежде всего следует назвать войну с персидским царем Дарием, совершившим вторжение в Северное Причерноморье, вероятнее всего, между 515 и 512 годами до н. э.⁸ Эта война хорошо описана в четвертой книге «Истории» Геродота, которого, как известно, за это сочинение называли «отцом истории». Геродот нарисовал впечатляющую картину противостояния персов и скифов, наполненную массой подробностей и ярких деталей, но вместе с тем имеющую немалое количество и неясных, непонятных для современных ученых мест. Не вызывает сомнений, однако, что скифы тогда успешно применили стратегический план, сочетающий заманивание противника в глубь своей территории с тактикой «выжженной земли». Потеряв большую часть войска, Дарий вынужден был уйти из Скифии. Такая же печальная судьба ожидала Зопириона, полководца Александра Македонского, который приблизительно в 331—330 годах до н. э. совершил неудачный поход на Ольвию и погиб от рук скифов⁹. Так что совсем недаром скифы заслужили славу непобедимых. В связи с этим, правда, необходимо привести весьма авторитетное мнение историка Фукидида, писавшего, что «нет народа, который сам по себе мог бы устоять перед скифами, если бы они были едины» (Thuc. II, 97, 5). Единства в действиях скифов, как можно полагать, очень часто не хватало.

Греки на Боспоре. Первые шаги

Боспор Киммерийский в сравнении с другими главными районами греческой колонизации Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес Таврический) интересен рядом особенностей. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что древнегреческие географы именно здесь проводили границу

Вооружение скифов:

1 — бронзовый шлем; 2—4 — мечи; 5 — чешуйчатый панцирь;
6 — бронзовые наконечники стрел; 7 — наконечник дротика;

8—9 — наконечники копий

(1, 3, 6 — по В. А. Ильинской и А. И. Тереножкину;

2, 4, 5, 7—9 — по А. И. Мелюковой)

между Европой и Азией. По их представлениям, она шла по Керченскому проливу (Боспору Киммерийскому), а дальше к северу — по восточному берегу Азовского моря (Меотиды) и по реке Дон (Танаис). По этой причине в научной литературе Восточный Крым стал именоваться Европейским Боспором, а Таманский полуостров с прилегающими территориями — азиатским. Но не эти необычные для нас географические границы представляют главную особенность района.

В первую очередь следует акцентировать внимание на том, что греки основали здесь сразу несколько колоний: в Восточном Крыму — Пантикапей (будущую столицу Боспорского царства), Нимфей и Феодосию, а на Таманском полуострове и его окрестностях — Фанагорию, Кепы и Синдскую Гавань (впоследствии переименованную в Горгиппию). Своим экономическим и политическим влиянием в их ряду, очевидно, сразу стал выделяться Пантикапей, расположенный в чрезвычайно удачном месте. Археологические исследования последних лет продемонстрировали, что эта колония была основана на рубеже VII—VI веков до н. э.¹⁰ Кроме названных семи городов-государств (полисов), на берегах пролива было расположено немало небольших городков (Мирмекий, Тири-така, Порфмий, Китей, Киммерик, Патрей и др.), которые, как представляется, входили в состав того или иного полиса и никогда не были независимыми центрами. В общем, приходится признать, что в античное время район пролива был заселен очень густо.

Второе важное обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, заключается в том, что колонисты здесь оказались в самом тесном соприкосновении с различными варварскими племенами — как земледельческими, так и кочевыми. Керченский полуостров, как известно, на западе подходит к Крымским горам, населенным в то время таврами, отличавшимися крайним консерватизмом, нелюбовью к иностранцам и вообще всему иноземному. Тавры занимались морским разбоем и, по свидетельству Геродота, приносили в жертву своей богине Деве всех захваченных эллинов, а также потерпевших кораблекрушение у крымских берегов (Геродот, IV, 103). Лучше у греков развивались отношения

с земледельческими племенами Прикубанья — меотами и особенно синдами.

Особо следует акцентировать внимание на отношениях с кочевыми скифами, поскольку представляется возможным считать, что на берегах пролива колонисты в первую очередь столкнулись именно с ними. Бесценную информацию в этом отношении оставил Геродот, который в своей «Истории» отметил, что зимой, когда лед сковывает воды Боспора Киммерийского, «скифы... толпами переходят по льду и на повозках переезжают в землю синдов» (Нер. IV, 28). Из контекста этого сообщения вполне очевидно, что скифы переправлялись из Восточного Крыма на Таманский полуостров, поблизости от которого обитали земледельческие племена синдов. Есть основания полагать, что Геродот описал здесь сезонные перекочевки какой-то части скифской орды, обитавшей в степях Северного Причерноморья, на зимние пастбища Прикубанья, всегда очень привлекательные для кочевников.

Нетрудно представить, что эти передвижения номадов через район Керченского пролива могли представлять серьезную угрозу для греческих колоний. Возможно, по этой причине эллины здесь долго не рисковали осваивать земли, далеко отстоящие от их первоначальных поселений; во всяком случае, современная археология фиксирует практически полное отсутствие деревень в глубинных районах Восточного Крыма. Греческие колонисты на Боспоре предпочитали селиться сравнительно крупными поселениями в местах, удобных для обороны, на небольшом расстоянии друг от друга. Постепенно эти поселения превратились в города, в основном сравнительно некрупные, которые тем не менее достаточно быстро обзавелись фортификационными сооружениями.

Показательно, что среди всех колоний северного берега Черного моря самые ранние оборонительные сооружения были открыты археологами именно на Боспоре — в Пантикапее, Мирмекии и Порфмии. В Пантикапее, на самой возвышенной части горы Митридат, совсем недавно были открыты остатки ранних наземных построек и часть фортификационной системы, по-видимому, возведенной первыми колонистами. В высшей степени показательно, что все

эти сооружения были перекрыты полутораметровым слоем пожара, содержащим наконечники стрел скифских типов. Полученные здесь материалы позволили сделать принципиально важный вывод — спустя 40–50 лет после основания, приблизительно в середине VI века до н. э., Пантикапей пережил военную катастрофу¹¹.

В Порфмии и Мирмекии масштабные пожары предшествовали возведению оборонительных стен. Следует подчеркнуть, правда, что в этих поселениях в слоях пожаров не было обнаружено наконечников стрел, обломков оружия и прочих находок, которые позволили бы уверенно судить о разразившихся боевых действиях, однако сама возможность их на Боспоре в первой половине VI века до н. э. вполне вероятна.

В Мирмекии после пожара, происшедшего в конце первой половины VI века до н. э., каменными стенами был укреплен акрополь (наиболее возвышенная часть) поселения¹². Все удобные для подъема наверх места по склону горы были перекрыты мощными каменными кладками необычного «мозаичного» облика (ширина — 1 метр), примыкающими к обрывистым выходам скалы. Эти каменные конструкции, вероятнее всего, представляли собой лишь цокольную часть стен, выше которых шла кладка из сырцовых кирпичей, что вообще очень характерно для архитектуры Древней Греции. Стены, выявленные в результате раскопок, в совокупности образуют систему (общая длина — более 20 метров), состоящую из двух уступов, или бастионов. Оборонительное значение этой конструкции вполне очевидно. Общий облик ранних укреплений Порфмия очень близок мирмекийским, хотя бастионов на исследованном участке не обнаружено. Складывается впечатление, что башен ранние оборонительные системы Боспора не имели, что, кстати, характерно и для метрополии большинства боспорских колоний — города Милета в западной Малой Азии. В общем, следует признать, что эти системы заметно отличаются от совокупности боспорских городских стен более поздних эпох.

Почти нет сомнения, что нападения на греческие поселения Боспора совершали небольшие отряды кочевников, а не крупные армии, — малочисленные группы первых переселенцев им просто не сумели бы противостоять. В такой ситуа-

ции необходимо было научиться договариваться с варварами, и эллины, как представляется, овладели этой наукой в совершенстве, — по одной из версий, сохранившейся в древней письменной традиции, место для основания Пантикапея было получено от скифского царя. Следует оговориться, правда, что в таком контексте несколько странным выглядит сообщение древнего географа Страбона, который, рассуждая об истории Северного Причерноморья, отметил следующее: «Киммерийцев изгнали из страны скифы, а скифов — эллины, основавшие Пантикапей и прочие города на Боспоре» (Strab. XI, 2, 5). Когда греки изгнали скифов с Боспора и было ли это на самом деле, с уверенностью сказать чрезвычайно затруднительно. Во всяком случае, трудно поверить в то, что подобное могло иметь место в момент основания колоний.

С другой стороны, вряд ли могут быть сомнения в том, что варварская стихия всегда оставалась малопредсказуемой, и отдельные конфликты колонистов с туземцами, конечно, имели место с самого раннего времени. Для правильного понимания особенностей взаимоотношений греков со скифами, на наш взгляд, принципиальное значение имеют некоторые суждения Лукиана Самосатского, писателя-сатирика, эрудита и интеллектуала своего времени (ок. 120—190 годы н. э.). В одном из его диалогов, «Токсарид или дружба», отмечается, что на территорию Боспора совершали нападения отдельные отряды скифов, которые названы разбойниками и за действия которых остальные скифы ответственности не несли (Luc. Тох. 49). Ситуацию, которую описал Лукиан, скорее всего следует относить к концу IV — началу III века до н. э., но вряд ли она была характерна только для этого времени — напротив, такое положение представляется очень типичным. Вполне возможно, что отдельные разбойничающие отряды скифов могли представлять опасность для греков даже тогда, когда между Скифией и Боспором существовали нормальные отношения, скрепленные договорами и взаимными клятвами. Для разбойников эти договоры и клятвы, конечно, не имели никакого значения. Результатом действий таких разбойничающих групп, вероятнее всего, стали упоминавшиеся выше крупные пожары в ранних боспорских поселениях. В связи с этим можно привести и такой показательный ар-

хеологический факт, как открытие в Нимфее захоронения мужчины, убитого скифской стрелой, наконечник которой застрял в левой лопатке. Погребение датируется последней четвертью VI века до н. э.¹³

Нападениям варваров или своих соотечественников греки противостояли обычным для себя образом, защищая городские стены или же выступая за их пределы. В последнем случае на поле боя они скорее всего строились фалангой. Такое построение воинов сложилось в Древней Греции к VII веку до н. э., то есть задолго до освоения эллинами северного берега Черного моря, и представляло собой линейный боевой порядок тяжеловооруженной пехоты (гоплитов), сомкнутый в шеренги, число которых в классическое время достигало восьми. Воины строились в шеренги, так сказать, плечом к плечу и одновременно в ряды в затылок друг другу с таким расчетом, чтобы в случае ранения или смерти впереди стоящего его место занял воин, находящийся сзади. Сомкнув щиты и ошетилившись копьями, фаланга медленно двигалась на врага, передвижение бегом, о котором изредка сообщают древние авторы, было, очевидно, исключительным случаем, поскольку построение тогда легко перемешивалось, спутывалось, нарушалась столь необходимая для него монолитность. Очень уязвимые фланги и тыл фаланги должны были защищать отряды легковооруженных воинов и конница. По всей видимости, бой начинался с действий именно легковооруженных воинов, которые метали в неприятеля дротики и камни; вполне возможно, что в самом начале создания фаланги тяжеловооруженные пехотинцы тоже бросали по рядам противника метательные копья, но позднее греки как будто полностью отказались от использования метательного оружия гоплитами, и это, безусловно, увеличило ударную силу их компактного боевого построения. Основным моментом сражений, которые разыгрывались между армиями древнегреческих государств, было лобовое столкновение фаланг, можно сказать, «стенка на стенку». После удара копьями начинался рукопашный бой, и главную роль в нем играли уже не копья, а мечи; преследование разбитого противника осуществляли отряды конницы и, очевидно, опять же легковооруженные воины.

К слабым сторонам построения фалангой, кроме уже отмеченных обстоятельств, вне всякого сомнения, следует отнести и то, что она абсолютно не приспособлена к действиям на пересеченной местности. Но достоинства фаланги в сравнении с боевыми порядками (точнее, почти полным отсутствии таковых) у потенциальных противников из числа варварских народов просто неоспоримы. В полной мере можно согласиться со Страбоном, который, вероятно, не очень преувеличивал, когда писал, что «против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легковооруженное войско оказывается бессильным» (Strab. VII, 3, 17).

Возвращаясь к боспорским колониям, следует признать, что военные акции за пределами укреплений, безусловно, должны предполагать сотрудничество нескольких городов-государств, поскольку сомкнутый строй тяжеловооруженных воинов может быть эффективным только при наличии определенного минимума бойцов. Среднее боспорское поселение даже во время расцвета вряд ли могло выставить больше нескольких десятков воинов, что представляется явно недостаточным для открытого боя, а вот несколько сотен уже можно считать серьезной боевой силой. Необходимость обороны от враждебно настроенного варварского окружения, как можно считать, достаточно скоро стала способствовать развитию здесь военной кооперации, которая со временем привела к созданию оборонительного союза и, по всей видимости, в немалой степени стимулировала сложение единого государства, о чем подробнее речь пойдет ниже.

Эллины высоко ценили свою систему вооружения и тактику ведения боевых действий. Несмотря на недостаток конкретных материалов, имеются основания считать, что классический для Древней Греции набор вооружения гоплита (шлем, панцирь, круглый щит, поножи; копье и меч) был полностью принесен колонистами на Боспор. Ранних греческих шлемов здесь, к сожалению, не сохранилось, однако известно два скульптурных изображения шлемов (из Пантикапея и Фанагории), которые, очевидно, венчали надгробные стелы¹⁴. Оба изображения вырублены из местного известняка, то есть, вне всякого сомнения, изготовлены на Боспоре, что

представляется принципиально важным для реконструкции общего набора вооружения боспорских воинов. Надгробия представляют шлемы так называемого коринфского типа, которые можно датировать не позднее начала V века до н. э.

Такие шлемы были широко распространены в Древней Греции. Они изготавливались из бронзы и хорошо защищали голову воина, полностью закрывали лицо, оставляя горизонтальную прорезь для глаз и вертикальную для облегчения дыхания. Этот тип, как считается, появился в конце VIII века до н. э., его «родиной» был город Коринф, хотя, разумеется, подобные шлемы могли изготавливаться и в других центрах. Ранние коринфские шлемы имели почти цилиндрическую форму, классические же шлемы этого типа (конец VII—VI век до н. э.) приобрели более округлые очертания с выделенным нащечником и несколько оттянутой вперед лицевой частью. За ними закрепилось название группы Мирросса, предложенное немецким ученым Э. Кунце; основание для этого послужил хранящийся в Будапеште шлем, на котором прочерчено имя владельца. Самые поздние коринфские шлемы в Элладе относятся к началу V века до н. э., в них греческие воины вступили в полосу Греко-персидских войн. К этому типу, очевидно, следует относить обе боспорские находки.

Поздние образцы коринфских шлемов сосуществовали с новым типом, сложившимся во второй половине VI века до н. э. и получившим название халкидского. Эти шлемы тоже изготавливались из бронзы, они имели выделенный нащечник, наносник и нащечники; нащечники были двух вариантов — неподвижные и подвижные, то есть прикрепленные к шлему на петлях. Сформировавшись, вероятно, в области материковой Греции (Халкидике), этот тип впоследствии пользовался широкой популярностью. Разумеется, халкидские шлемы, как и коринфские, могли изготавливаться в самых различных центрах. Халкидский тип, в частности, часто воспроизводился на аттических краснофигурных вазах; на них можно видеть и очень похожие шлемы, но имеющие козырек, они получили название аттических. На Боспоре находки халкидских шлемов относятся к сравнительно позднему времени (IV век до н. э.), о чем подробнее будет сказано ниже.

В связи с изображением шлемов в древнегреческом искусстве необходимо обратить внимание на одно любопытное обстоятельство. На памятниках греческой скульптуры, рельефах и росписях коринфские шлемы встречаются достаточно часто и довольно долго, даже тогда, когда в реальной жизни они уже давно были вытеснены халкидскими. Имеются веские основания считать, что такие изображения можно трактовать как признак героизации представленных персонажей. Коринфский шлем в этих композициях как бы возвращал зрителей к далеким и славным временам, ставил современных воинов в один ряд с «бойцами марафонскими», героями Фермопильского ущелья и т. п. Уже говорилось, что на Боспоре известны находки шлемов халкидского типа, но на памятниках боспорского искусства можно видеть только коринфские, и это, конечно, нельзя считать случайным.

Среди защитного вооружения тяжеловооруженного воина большое значение имел большой круглый щит (0,8–1 метр в диаметре), который был создан греками в конце VIII века до н. э. Важнейшее отличие этого щита от более ранних заключается в том, что на внутренней стороне он имел не одну, а две ручки: первая находилась в центральной части, через нее левая рука воина проходила почти по локоть, вторая ручка — у самого края, она удерживалась кистью руки. Порой эта ручка заменялась веревочкой, пропущенной через небольшие петли по всему периметру щита. Современному человеку, привыкшему видеть изображения воинов на произведениях античного или средневекового искусства, кажется вполне очевидным, что щит с двумя ручками существовал всегда, так сказать, изначально. На самом деле это, конечно, не так. Самые ранние щиты, в том числе и на территории Греции, имели одну центральную ручку и представляли собой что-то вроде заслонки, не очень удобной на поле боя, особенно в регулярном боевом построении. Древние греки в конце VIII века до н. э., поместив на щит вторую ручку, произвели настоящую революцию в военном деле. Следует отметить, правда, что не все древние народы — даже те, что имели тесные связи с эллинами, — восприняли от них это изобретение. У скифов, например, щиты оставались «за-

слонками» еще в IV веке до н. э. Необходимо отметить, что нововведение значительно повысило боевые качества щита, позволило изменить всю тактику ведения боевых действий. Некоторые ученые даже считают, что именно новый тип щита создал возможность построения фалангой, сделал греческую пехоту непобедимой на протяжении нескольких столетий.

Круглые щиты гоплитов изготавливались из дерева, иногда полностью покрывались листом бронзы, но чаще обтягивались кожей и обивались по краям металлической пластиной. В центральной части порой крепилась специальная эмблема (изображение лучевой розетки, птиц, животных, личины горгоны Медузы и пр.), которая первоначально скорее всего связывалась с какими-то сакральными представлениями. В архаическое время эмблема изготавливалась из бронзы в виде плоской фигурной пластины и, безусловно, служила дополнительным усилением щита. Во время войн с персами распространился обычай прикреплять к нижней части щита специальный кожаный коврик (фартук), предохранявший ноги воина от неприятельских стрел. В археологических контекстах находки щитов чрезвычайно редки, поскольку органические материалы, из которых они изготавливались, легко разрушаются. При раскопках погребений и святилищ, однако, порой встречаются металлические обивки таких щитов, бронзовые бляхи и т. п., но на Боспоре подобные находки, относящиеся ко времени греческой колонизации района, пока не засвидетельствованы.

Отсутствуют и находки металлических панцирей, хотя их бытование здесь не вызывает особых сомнений. Панцирь — это очень важная часть оборонительного вооружения воина Древней Греции. Наиболее ранняя находка греческого доспеха относится к последней четверти VIII века до н. э. — это бронзовый панцирь из Аргоса так называемого колоколовидного типа, аналогии которому происходят из Центральной Европы. Он состоит из двух половин (передней и задней), скрепленных между собой системой застёжек и шпилек. Любопытно, что на обеих частях весьма условно воспроизведены анатомические детали: мышцы живота и груди — на передней части и соответственно лопатки — на задней.

Нет сомнения, что тогда и позднее в Древней Греции широко бытовали более легкие и дешевые холщовые панцири. Что касается металлического доспеха, то с течением времени он трансформировался в элегантную «мускульную кирасу» (или «анатомический» панцирь), по-прежнему состоящую из двух частей. Такое название панциря, закрепившееся в научной литературе, происходит от четкой моделировки на его поверхности мышц живота, груди и спины. Греческое название этого доспеха, очевидно, торакс.

Набор защитного вооружения греческого тяжеловооруженного воина завершают поножи (кнемиды), которые защищали голень от стопы до колена. Логично предполагать, что их прототипом были какие-нибудь кожаные защитные приспособления, позднее дополненные металлическими деталями. Каноническую форму кнемиды получили с VII века до н. э., когда их высота стала составлять приблизительно 40 сантиметров. Поножи архаического и классического времени изготавливались из бронзового листа. Они плотно облевали ногу и не имели специальных скреп с задней стороны. Как и на панцирях, их поверхность часто имела орнаментацию, передающую форму мышц икры и коленной чашечки, или же украшались иным образом.

По подсчетам Л. К. Галаниной, на Боспоре найдено 15 экземпляров поножей, что составляет приблизительно четверть всех таких находок в Северном Причерноморье¹⁵. Считается, что все они относятся к IV веку до н. э., однако это не совсем так — среди древностей Боспора Киммерийского давно известны великолепные бронзовые поножи, обнаруженные в одном из курганов под Керчью, которые, безусловно, следует датировать второй половиной VI века до н. э.. Именно архаические кнемиды имели богатую орнаментацию. На керченской находке коленная чашечка украшена маской горгоны Медузы; на выпуклостях, соответствующих икроножным мышцам, помещено по волоте; валики, имитирующие длинные узкие мышцы голени, заканчиваются головами бородатых змей. Вдоль края сделаны мелкие отверстия, образующие как бы кайму, что опять же характерно для поножей времени архаики. Вообще же следует подчеркнуть, что данные кнемиды являются одной из самых ранних и, безусловно,

самой эффективной принадлежностью греческого защитного вооружения из обнаруженных не только на Боспоре, но и во всем Северном Причерноморье.

Наступательное вооружение греческих воинов состояло из копья и меча. Копье (дóрю) являлось главным оружием гоплита, его длина достигала 2—3 метров. Железный наконечник копья имел листовидную форму на вытянутой втулке. С противоположной стороны древка некоторые копья имели наконечники-втоки, сделанные из бронзы или железа. Вток служил противовесом, а также позволял легко воткнуть копье в землю для получения упора. Не исключено, что он мог использоваться для защиты в случае поломки копья и потери его передней части.

Железные мечи появились на территории Греции в XI веке до н. э., именно они, а не серпы или кухонные ножи, были здесь самыми первыми железными орудиями. Первоначально эти мечи повторяли форму своих предшественников бронзового века, среди которых было немало довольно длинных экземпляров (0,75 метра и более), но постепенно все отчетливее стала проявляться тенденция к их уменьшению. В настоящее время можно утверждать, что новый тип меча, так называемый ксифос, уже существовал к началу Греко-персидских войн. Он представлял собой двулезвийный меч (длина — 0,6 метра) с прямым или сильно вытянутым листовидным клинком, с металлическим перекрестьем и навершием на конце рукояти. Ножны имели завершение в виде насадки округлой формы. Ксифос мог использоваться для нанесения рубящих и колющих ударов. В отличие от копья он был вспомогательным оружием гоплита.

Приблизительно в одно время с ксифосом появился меч, который назывался махайра или копис. Это был однолезвийный меч с несколько изогнутым клинком, внешне напоминающий более поздний турецкий ятаган. Махайрой можно было наносить рубящие удары; очертания ее лезвия таковы, что в момент их нанесения меч смещался в сторону от наносящего удар, поэтому завершение рукояти изготавливалось в форме крюка, помогавшего удержать меч в руке. Иногда это завершение оформлялось в виде головки птицы или т. п. Происхождение махайры не вполне выяснено — предпо-

ложения об иллирийских, этрусских и других прототипах неубедительны. Наиболее вероятно, что меч такого типа проник в Грецию, а также во Фракию, Италию, Иберию с Востока. В Иберии даже сложился своеобразный тип изогнутого меча — фальката. У нее в отличие от махайры затачивался не только нижний край лезвия, но и треть нижнего, начиная от острия. Таким образом, фальката могла служить для нанесения как рубящих, так и колющих ударов. Негреческое происхождение махайры, возможно, сказалось и в том, что греческие художники (вазописцы, торевты и др.) изображали именно этот меч в сценах, так сказать, несправедливых убийств, кровавой резни и т. п.

Лук и стрелы не получили в Древней Греции широкого распространения. В «Описании Эллады» Павсания говорится, что «у эллинов, за исключением критян, не было обычая стрелять из лука» (Paus. I, 23, 4). Это вызывает определенное недоумение, поскольку лук был достаточно популярен в греческом эпосе (вспомним лук Одиссея и избиение с его помощью женихов Пенелопы), он является одним из атрибутов Геракла, известны даже боги-лучники: Аполлон и Артемида. На вазах геометрического стиля (XI—VIII века до н. э.) выделяются три типа луков: европейский простой; одноизогнутый ложный, то есть состоящий из нескольких пород дерева или дерева и кости; сложный с двойным изгибом, именуемый иногда скифским. Последний, правда, мог быть развитием более древнего лука минойского типа, сохранившегося на Крите. Именно критяне наряду со скифами составляли наемные контингенты стрелков из лука, которые в случае необходимости привлекались различными греческими городами-государствами.

При раскопках святилищ, а также на местах сражений в Греции найдено немало наконечников стрел. По способу крепления к древку их можно разделить на два основных типа — черешковые и втульчатые. Черешковые наконечники, вероятно, появились в Египте в IV веке до н. э., они были очень популярны на Крите, где даже известны монеты с их изображением. Бронзовые литые втульчатые наконечники стрел, происходящие из Греции, имеют близкие восточные аналогии. Они могли попасть сюда разными путями: из Ски-

фии, через Фракию и т. д. Разумеется, стрелы такого типа несли с собой восточные завоеватели — киммерийцы, персы и пр. Совсем не удивительно, что втульчатые наконечники стрел являются достаточно обычной находкой при раскопках греческих колоний на территориях, примыкающих к скифским степям, в том числе и на берегах Керченского пролива.

Вообще же на Боспоре находок наступательного вооружения античного времени известно довольно много, по большей части они происходят из погребений. Наконечники копий при этом представлены вполне обычными для Древней Греции, можно даже сказать, интернациональными типами. Сложней обстоит дело с находками мечей, поскольку при их изучении возникает одно странное обстоятельство, — дело в том, что погребальные комплексы дают почти исключительно мечи местных типов, характерных для варварских племен Северного Причерноморья, о которых говорилось в предыдущей главе, а вот на поселениях, где находки такого рода чрезвычайно редки, преобладают мечи греческого образца.

Среди последних — обломок греческого однолезвийного меча типа махайры, обнаруженный при раскопках Мирмекия¹⁶. Есть основания считать, что такие мечи пользовались особой популярностью среди греческих колонистов Северного Причерноморья, а на Боспоре они известны и в более поздние времена. Мирмекийскую находку можно относить к концу VI века до н. э. или даже к последней четверти этого столетия, что позволяет считать ее одной из самых ранних находок оружия подобного мира в античном мире. Другой тип греческого меча — двулезвийный колюще-рубящий ксифос — в боспорских материалах не представлен, однако его существование здесь вряд ли можно оспаривать.

Обозначенное выше расхождение двух главных категорий археологических памятников (поселения и могильники) в отношении находок мечей, характерное, надо признать, не только для Боспора, но и для другого центра греческой колонизации Северного Причерноморья — Ольвии, заслуживает особого внимания¹⁷. На наш взгляд, распространение мечей местных типов в погребальной практике не обязательно сви-

детельствует о возрастании роли легковооруженной пехоты в боспорском войске, как это предполагает Д. В. Григорьев¹⁸. Варварские мечи в весьма своеобразной, можно сказать, деликатной сфере представлений, связанных с загробным миром, вполне могли иметь особое символическое значение.

Имеющиеся археологические материалы, несмотря на их очевидную малочисленность, позволяют считать, что в греческих колониях Боспора Киммерийского тяжеловооруженная пехота поначалу была основной военной силой, и, повторяя слова французского антиковеда Ж.-П. Вернана, можно сказать, что эти колонии были «гоплитскими городами-государствами»¹⁹. Совсем другое дело, что эта система, адаптируясь к местным условиям, со временем стала трансформироваться.

В отношении организации войск и особенностей ведения греками боевых действий на Боспоре наши знания очень ограничены из-за недостатка конкретных материалов, но опять же есть основания считать, что здесь действия фаланги со временем все в большей и большей мере стали осуществляться во взаимодействии с конницей. Конные отряды, разумеется, могли предоставить греческим городам-государствам союзные варварские племена, но, по всей видимости, этим дело не ограничивалось. В связи с изложенным можно еще раз обратить внимание, что главными противниками греков-колонистов в это время, вероятнее всего, были не крупные кочевнические армии, а отдельные небольшие группы конников, тактика действий которых сводилась к простой формуле: «Неожиданно нападать, грабить, убегать». В такой ситуации фаланга тяжеловооруженной пехоты, конечно, малоэффективна, она скорее всего вообще не могла ничего предпринять против мобильных отрядов конницы, которые к тому же совсем не стремились вступить в сражение, а, напротив, уклонялись от него. Гораздо успешнее противостоять разбойникам могли столь же подвижные отряды, которые были в состоянии встретить врага в открытом поле и в случае необходимости организовать его преследование. Содержание коня и приобретение всего необходимого снаряжения и вооружения всадника, вне всяких сомнений, было делом весьма дорогим, доступным лишь самым состоятельным людям, прежде всего аристократам. Думается, что именно

греческая аристократия боспорских колоний сравнительно быстро стала предпочитать конный строй традиционному пешему порядку фаланги.

В связи с этим вполне логичным представляется, что выходцы из знатных родов самым внимательным образом присматривались к вооружению и особенностям боевых действий конницы кочевников и соответственно восприняли некоторые важные особенности военного опыта кочевников. Все это еще не позволяет согласиться с видным скифологом Е. В. Черненко, считавшим, что уже на самом раннем этапе истории греческих колоний Северного Причерноморья стало преобладать скифское вооружение, а тяжелая пехота была заменена конницей²⁰. Нет, фаланга здесь скорее всего не исчезла столь быстро, но продолжала существовать, успешно сочетая свои действия с отрядами конницы.

Глава 2

Боспор при Археанактидах и Спартокидах

Объединение во главе с Археанактидами
и борьба со скифской агрессией

Приблизительно на рубеже VI и V веков до н. э. военнополитическая обстановка в степях Северного Причерноморья резко изменилась, что, очевидно, следует связывать с вторжением сюда с востока новой группы кочевников. Очень вероятно, что именно эту группу Геродот называл «царскими» скифами, сообщая при этом, что они были самыми сильными и всех остальных скифов считали своими рабами. Любопытно, что «отец истории» в их отношении заметил, что сами они скифами себя не признавали, хотя так их именовали окружающие, а самоназванием этих кочевников скорее всего были сколоты (Геродот, IV, 6).

Вследствие вторжения новых кочевников ситуация для всех греческих государств региона, в том числе и для колоний Боспора Киммерийского, стала к 480 году до н. э. очень опасной. На это время приходится прекращение жизни на всех

известных нам сельских поселениях Восточного Крыма, от нападений пострадали даже некоторые города. Слой пожара и разрушений 490—480 годов до н. э. обнаружен в Пантикапее, и весьма показательно, что из него происходит немало трехгранных бронзовых наконечников стрел скифского типа. Следы масштабного пожара конца первой трети V века до н. э. открыты также при раскопках Мирмекии. Здесь среди развалин жилых построек и груд битой посуды было найдено немало показательных вещей: бронзовые наконечники стрел, часть которых имеет погнутые острия (иными словами, они явно использовались в боевой обстановке), детали снаряжения скифских коней и пр. Вряд ли стоит сомневаться в том, что пожары и разрушения в Пантикапее и Мирмекии были связаны с нападениями скифов.

В этой обстановке боспорские города-государства, как представляется, решили противостоять внешней угрозе совместно. Тогда был создан оборонительный и одновременно религиозный союз во главе с Археанактидами. Идея о таком союзе была впервые высказана талантливым человеком и блестящим ученым Ю. Г. Виноградовым²¹, который, к сожалению, столь безвременно и столь нелепо ушел из жизни. Эта идея сразу была поддержана некоторыми исследователями истории Боспора²².

Что касается Археанактидов, то о них мы знаем из единственного сообщения древнего историка Диодора Сицилийского, который писал, что они царствовали на Боспоре 42 года с 480/79 года до н. э. (Diod. XII, 31, 1). Несмотря на краткость этой информации и возможность ее неоднозначного понимания, можно полагать, что знатный греческий род Археанактидов встал во главе объединения боспорских полисов в очень трудный для них час.

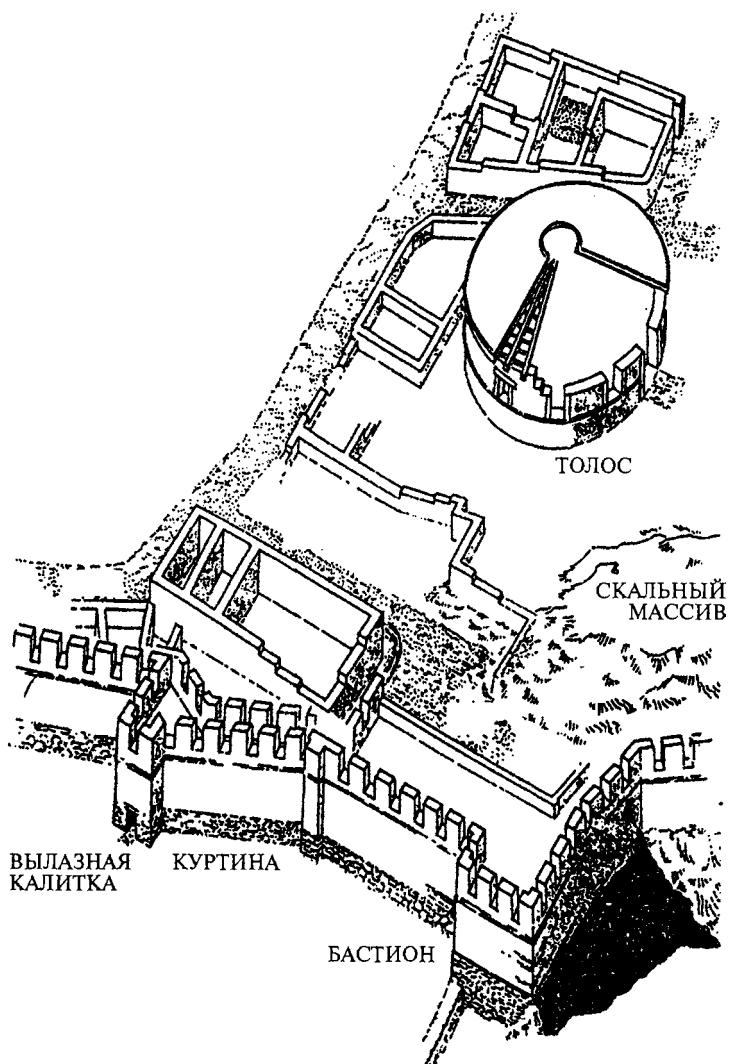
Археологические исследования боспорских городов, проведенные в последние тридцать-сорок лет, позволяют говорить о некоторых весьма важных акциях Археанактидов. В некоторых городах были построены оборонительные стены (Пантикапей, Тиритака, Мирмекий, Порфмий, Фанагория и др.), причем их возводили с большой поспешностью. Укрепления на акрополе Пантикапея, северный участок которых сравнительно недавно был открыт во время раскопок, со-

оружались таким образом, чтобы в их трассу были включены стены разрушенных к тому времени каменных зданий. В результате здесь была создана продуманная система обороны бастионного типа. Нижняя часть оборонительных стен (цоколь) была сложена из камня, выше шла кладка из сырцовых кирпичей. По расчетам В. П. Толстикова, высота стен достигала 7 метров. Раскопками была открыта любопытная конструктивная деталь оборонительной системы — калитка для вылазок около западного угла; ширина ее составляет 0,8 метра.

В другом боспорском городе, Тиритаке, пожар произошел в конце VI века до н. э., после чего здесь была возведена оборонительная стена шириной 1,7–2 метра, в трассу которой, как и в Пантикапее, были включены стены некоторых разрушенных домов. В. Ф. Гайдукевич полагал, что такая стена могла противостоять лишь неожиданным набегам кочевников²³. Новый катаклизм в истории Тиритаки приходится на 480–470 годы до н. э., когда в сильном пожаре погибли все городские дома.

Оборонительная стена, построенная в Мирмекии несколько позднее, чем в Тиритаке, была более монументальной, в ширину она достигала 3 метров. В высшей степени любопытно, однако, что мирмекийская стена не окружала всей площади поселения, а лишь отсекала его прилегающую к акрополю западную часть, то есть опять же была возведена с очень большой поспешностью. Обвод оборонительных стен вокруг всего Мирмекия был построен позднее, когда скифская угроза ослабла.

В стратегической системе обороны Боспора этого времени, как представляется, важную роль сыграл так называемый Тиритакский вал. О его датировке не утихают споры, и многие ученые склоняются к мысли, что он относится к сравнительно позднему времени. Мы же считаем возможным придерживаться традиционной точки зрения и связывать строительство вала со временем Археанактидов. Этот оборонительный рубеж, следы которого еще видны на современной поверхности, имеет 25 километров в длину — он начинается у Азовского моря, идет в южном направлении и обрывается у Тиритаки, но далее к югу видны следы подоб-

Укрепления акрополя Пантикапея
(по В. П. Толстикову)

ного сооружения, оканчивающегося у Черного моря. Иными словами, складывается впечатление, что вал отсекал восточную часть Керченского полуострова.

Само по себе возведение валов и «длинных стен» — типичнейший способ защиты земледельческих народов от нападения кочевников, в качестве примеров чему можно привести Дербент, Великую Китайскую стену, русские засеки и т. д. Не следует забывать и того, что древние греки были прекрасно знакомы с системой укрепления территории с помощью возведения стен на перешейке от моря до моря. Первая такая попытка, естественно, из известных нам, относится к середине VI века до н. э. — это стены, построенные Мильтиадом на Херсонесе Фракийском (Геродот, VI, 36). Боспорские греки в этом деле, конечно, не были пионерами.

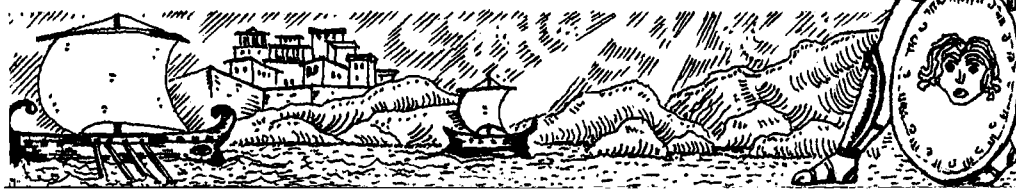
Как представляется, система обороны Боспора Киммерийского при Археанактидах была достаточно продуманной. В зимнее время она, конечно, не могла базироваться только на Тиритакском валу, который подвижные отряды кочевников, в общем, имели возможность обойти по льду. Но могли ли такие зимние рейды нанести большой урон боспорцам? Думается, что нет. Урожай на полях был к тому времени уже убран, а население могло легко укрыться под защитой городских стен, которые, напомним, были открыты раскопками в Пантикапее, Фанагории, Тиритаке, Мирмекии и Порфмии. Тиритакский вал был дополнительной защитой боспорских городов в летнее время и, что особенно важно, единственной защитой боспорских (прежде всего пантикапейских) сельскохозяйственных угодий в весенне-летний и осенний сезоны, когда они действительно могли пострадать от нападения номадов. В этом отношении вал, конечно, имел большое значение. Следующим этапом возведения защитных рубежей в Восточном Крыму стало строительство так называемого Акковского вала, который находился западнее Тиритакского и шел от Азовского моря до Черного, имея около 36 километров в длину.

Рубежи Боспора, надо думать, защищали не только гражданские ополчения союзных городов-государств, но и контингенты дружественных им варварских племен. О развитии самых тесных контактов греков с местными племенами во

время Археанактидов свидетельствуют курганы с погребениями туземных аристократов, которые насыпались в окрестностях всех главных городов (Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Кепы, возможно, Гермонасса). Почти во всех курганах были захоронены воины-всадники²⁴.

В вооружении этих воинов любопытнейшим образом переплелись варварские и греческие черты. В наборе защитного вооружения предпочтение отдавалось греческим шлемам и поножам, а вот металлические панцири были местными, относящимися к типу чешуйчатых доспехов, то есть, как уже говорилось, обычных у скифов и их юго-восточных соседей — синдов и меотов. Комплекс наступательного вооружения целиком соответствовал местным традициям: лук со стрелами, меч типа акинак, копье.

Наиболее показательная группа курганов местной знати, частично относящаяся к времени Археанактидов (в ней имеются и более поздние памятники), расположена под Нимфеем²⁵. Здесь во время археологических раскопок были обнаружены материалы, позволяющие судить о том, как были вооружены союзники боспорцев. Вооружение их было многочисленным и разнообразным; рядом с погребенными, как правило, были положены несколько мечей, кинжалов, копий и, очевидно, лук со стрелами, от последних, естественно, сохранились лишь бронзовые наконечники стрел. Чешуйчатые панцири, столь характерные для местных племен Северного Причерноморья, были составлены из железных и бронзовых пластинок. Комплекс защитного вооружения дополнялся греческим бронзовым шлемом халкидского типа, то есть с выделенным наносником и нащечниками, а также греческими бронзовыми поножами, которые в отличие от более ранних не имеют пышной орнаментации. Каждого знатного воина сопровождало захоронение коня или даже нескольких коней с великолепной уздай, украшенной в скифском зверином стиле. Нет сомнения, что общий облик боспорского всадничества, который реконструируется на основании находок из курганов, в частности Нимфейских, является наглядным проявлением смешения греческой и варварской элиты в единый пласт боспорской (неоднородной по своему происхождению) аристократии. Вкусы этой аристократии

проявляются во многих категориях свойственной ей материальной и духовной культуры, в том числе и в снаряжении коня, наборе вооружения и т. д.

Кратко подводя итог сказанному, следует с полной определенностью признать, что оборонительные акции Археанактидов, направленные на отражение скифской агрессии, оказались вполне успешными. В рамках возглавляемого ими оборонительного союза боспорцы провели ряд крупных мероприятий по укреплению не только городов, но и с помощью Тиритакского вала — целого района в восточной части Керченского полуострова. Ополчения греческих городов-государств и союзные им варварские дружины, очевидно, в основном синдские и меотские, сумели защитить рубежи Боспора, отстоять независимость эллинских колоний, что, несомненно, имело большое значение для их будущего развития. Одним из важных последствий такого завершения греко-скифского конфликта, вероятно, надо признать прекращение регулярных скифских передвижений через район Боспора Киммерийского.

Спартокиды создают державу

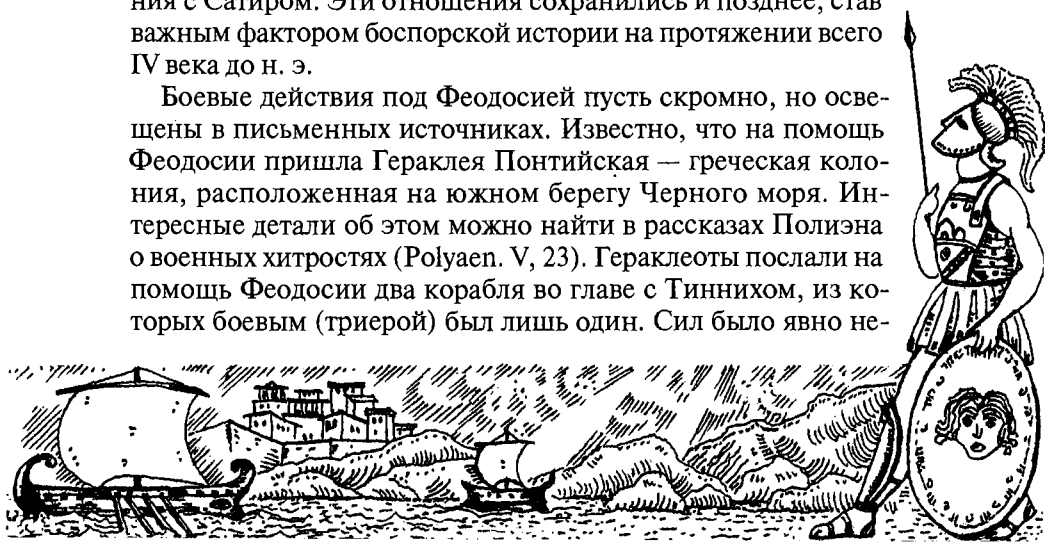
После успешного отражения скифской агрессии положение в районе пролива стабилизировалось приблизительно в третьей четверти V века до н. э. Исчезновение внешней угрозы для оборонительного союза Археанактидов, вероятно, имело не только позитивные, но и негативные последствия, приведшие к тому, что в нем начались разногласия, споры или даже конфликты. Многочисленные исторические параллели убедительно свидетельствуют, что бывшие союзники, увы, часто становятся врагами. Объединение боспорских городов-государств, как представляется, не стало исключением из этого правила, можно даже предполагать, что в условиях возрастания противоречий между его участниками оборонительный союз постепенно слабел и в конце концов прекратил свое существование.

Важнейшая политическая перемена, свидетельствующая о крушении союза Археанактидов, относится к 438/37 году до н. э. Тогда, как об этом сообщает Диодор Сицилийский (Diod.

ХII, 31, 1), власть на Боспоре перешла к некоему Спартоку. При каких обстоятельствах это случилось и кем был Спарток по происхождению, с уверенностью сказать нельзя. Есть основания считать, однако, что свое происхождение Спарток вел из Фракии (на это указывает его необычное имя), а власть над Боспором он получил насильственным путем. С этого времени на берегах пролива на 330 лет утвердилась династия Спартокидов.

Весьма вероятно, что изначально территория владения Спартока ограничивалась территорией Пантикапея, но очень скоро его преемники приступили к расширению границ государства. Сын Спартока — Сатир I сумел захватить Нимфей и начал боевые действия против другого полиса Восточного Крыма — Феодосии. Имеющиеся свидетельства письменной традиции не позволяют уверенно судить о том, каким образом Нимфей был захвачен Сатиром, сопровождалось ли это военными действиями, осадой города и т. п. Ясно лишь одно: Нимфей потерял независимость в результате измены афинянина Гилона — вероятно, весьма влиятельного лица. Необходимо отметить при этом, что Нимфей в последней трети V века до н. э. скорее всего входил в Афинский морской союз и, казалось бы, был защищен от всякого рода враждебных посягательств силой и авторитетом этого могущественного объединения. Вероятнее всего, он был захвачен Сатиром, когда Афины уже утратили свое могущество, а возглавляемый ими союз развалился в результате поражения в Пелопоннесской войне (404 год до н. э.). Афиняне, впрочем, быстро забыли о потере Нимфея и наладили самые дружественные отношения с Сатиром. Эти отношения сохранились и позднее, став важным фактором боспорской истории на протяжении всего IV века до н. э.

Боевые действия под Феодосией пусть скромно, но освещены в письменных источниках. Известно, что на помощь Феодосии пришла Гераклея Понтийская — греческая колония, расположенная на южном берегу Черного моря. Интересные детали об этом можно найти в рассказах Полиэна о военных хитростях (Polyaen. V, 23). Гераклеоты послали на помощь Феодосии два корабля во главе с Тиннихом, из которых боевым (триерой) был лишь один. Сил было явно не-

достаточно, и поэтому Тинних пошел на хитрость. Корабли подошли к городу ночью, под покровом темноты на три лодки было посажено по трубачу, после чего Тинних расставил эти лодки на некотором расстоянии друг от друга и приказал трубачам трубить по сигналу. Расчет был прост — обмануть осаждавших, показать, что на помощь Феодосии подошел большой флот. Приказ Тинниха был исполнен, в нужный момент трубачи дружно затрубили; в лагере боспорцев началась настоящая паника, и они в испуге без всякого порядка покинули свои позиции. Таким образом, Феодосия была спасена. Как видим, первая попытка захвата города провалилась; по одной из версий, Сатир даже умер тогда у стен Феодосии.

На Таманском полуострове Сатиру скорее всего удалось подчинить Фанагорию. Не ограничивая себя действиями только против греческих городов, он начал политику активного вмешательства в дела местных племен Прикубанья. Уже знакомый нам Полиэн (Polyaen. VIII, 55) рассказывает, что Сатир возвратил на престол царя синдов Гекатея, но потребовал за свою услугу, чтобы тот развелся со своей женой меотиянкой Тиргатао и даже убил ее, а в жены взял дочь Сатира. Практика династических браков, как видим, активно использовалась правителями Боспора. Тиргатао, однако, спаслась и подняла против Сатира местные племена, которые подвергли его территории опустошению. Осознав крушение своих планов, Сатир умер (вторая версия его смерти), а его преемникам пришлось откупаться от враждебных соседей богатыми дарами.

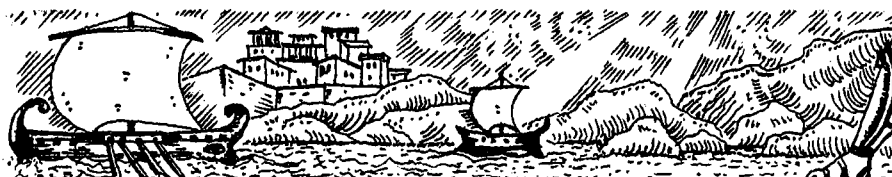
Надпись, сравнительно недавно обнаруженная на Семибратнем городище (столица Синдского государства), позволяет считать, что злополучный Гекатей был изгнан со своего престола вторично. На этот раз ему помог сын Сатира — Левкон I²⁶. Синдскому царю вновь были возвращены его владения, но, очевидно, после его смерти с независимостью синдов было покончено. Боспорские надписи свидетельствуют, что Синдика была подчинена Боспору, и новым царем синдов стал Левкон. В дальнейшем он распространил свою власть на другие меотские племена (торетов, керкетов, дандариев) и даже стал именоваться царем синдов и всех меотов. Нет сомнения, что Левкон сумел подчинить Фе-

одосию; при нем утвердилась пышная титулатура боспорских владык — «архонт Боспора и Феодосии, царь синдов, торетов, дандариев, псессов», «архонт Боспора и Феодосии, царь синдов и всех меотов» и т. п. Так на рубеже V—IV веков до н. э. возникло своеобразное по своей структуре греко-варварское Боспорское государство, в которое вошли как некогда независимые греческие колонии, так и варварские племена.

Однако Левкону, как и его отцу, пришлось столкнуться с противодействием Гераклеи Понтийской, которое, очевидно, опять же имело место тогда, когда боспорцы угрожали Феодосии. На этот раз гераклеоты действовали даже более активно. По свидетельству Полиэна (Polyaen. V, 44, 1), греческий полководец Мнемон провел разведывательную акцию: под видом переговоров о дружбе на Боспор была послана делегация, в которую входил популярный музыкант — кифаред Аристоник. Музыкант должен был дать концерт, а послу по количеству слушателей в театре предстояло рассчитать, так сказать, людской потенциал будущего противника.

После такой разведки начались боевые действия, о которых рассказывает Полиэн (Polyaen. VI, 9). Превосходство гераклеотов на море было полным. Левкон попал в трудное положение еще и потому, что его воины не горели желанием воевать. Оценив ситуацию, он избрал следующий боевой порядок: впереди были поставлены гоплиты, а за ними — скифы. Царь при этом объявил, что если гоплиты допустят высадку с моря неприятеля, то скифы будут стрелять им в спины из луков. Услышав такое, гоплиты мужественно помешали высадке гераклеотов. Признавая налет анекдотичности этого рассказа, хочется обратить внимание на одно важное обстоятельство — воины Левкона названы гоплитами, то есть тяжеловооруженная пехота в это время как будто была главной ударной силой боспорского войска.

Возможно, с боевыми действиями гераклеотов были связаны пожары первой половины IV века до н. э., открытые во время археологических раскопок в некоторых боспорских городах. В Мирмекии, к примеру, сильным пожаром были уничтожены некоторые здания, расположенные на самом берегу бухты. Нетрудно представить, что именно такие при-

брежные постройки должны были подвергаться нападению при высадке неприятельских десантов.

О вооружении боспорской пехоты этого времени можно судить на основании изображений на надгробных стелах, хотя они по большей мере не очень богаты интересующими нас деталями. К примеру, на надгробии юноши из Пантикапея мы можем видеть лишь большой круглый щит, закрывающий тело воина от подбородка до колен²⁷.

Значительно более информативны рельефные стелы, обнаруженные при раскопках античной усадьбы Юбилейное I на Таманском полуострове в 80-х годах прошлого века и уже вошедшие в научную литературу под названием «таманских рельефов». Стелы датируются третьей четвертью IV века до н. э.; они изготовлены из мрамора скорее всего аттическими мастерами, трудившимися на Боспоре. Во всяком случае, местные особенности изображений выступают на них достаточно отчетливо. На первой стеле представлен обнаженный воин с плащом, заброшенным за спину, он смело идет в бой, прикрываясь круглым щитом и сжимая меч в правой руке. Меч не сохранился, но, судя по изображению ножен, он относится к типу ксифосов.

Еще более интересен второй рельеф, на котором представлены два воина — пожилой (с бородой) и молодой (без бороды)²⁸. На головах у них надеты коринфские шлемы; старший правой рукой придерживает круглый гоплитский щит, а левой держит копье, лежащее на его левом плече. На ногах у него — высокие поножи, но при этом он бос. У младшего в правой руке копье, а в левой — ксифос, который он держит за перекрестье рукоятку вниз. Скульптор прекрасно изобразил втоки копий, представляющие собой суживающиеся книзу втулки с вытянутыми остриями, по всей видимости, квадратными в поперечном сечении. Шейки втоков, где втулки соединены с острием, оформлены в виде валиков. Хорошо видны и другие детали вооружения, можно рассмотреть даже изображение шапок-подшлемников, которые изготавливались из войлока или кожи и служили для амортизации ударов по шлему. Подобную подкладку имели также и кнемиды. В общем, имеющиеся изобразительные материалы позволяют считать, что в IV веке до н. э. боспор-

Таманский рельеф:

- 1 — стела с изображением двух воинов;
2 — молодой воин (по В. П. Толстикову)

ская пехота сохраняла основные особенности вооружения и, надо думать, боевое построение фалангой, характерные для более раннего времени.

Из приведенного выше рассказа Полиэна о столкновении Левкона I с гераклеотами, однако, можно заключить, что фаланга, состоявшая скорее всего из граждан боспорских городов, не всегда была надежным орудием в руках монарха. Вероятно, уже при ранних Спартокидах в вооруженных силах все более важную роль начинают играть отряды наемников. Среди них можно предполагать не только гоплитов, но и так называемых пельтастов, занимавших промежуточное положение между тяжело- и легковооруженными воинами.

Подразделения пельтастов широко распространились в Греции IV века до н. э.; название свое они получили от легкого щита особого типа — пельты, имевшей форму полумесяца. Пельта изготавливалась из дерева, возможно, даже была плетеной, покрывалась овечьей или козьей кожей и, как представляется, была лишена металлических обивок. Появление такого щита обычно связывают с Фракией. Наиболее ранние его изображения на аттических вазовых росписях относятся ко второй половине IV века до н. э., но особенно популярными они стали позднее. Очень часто пельта изображалась на так называемых «боспорских» пеликах IV века до н. э., которые изготавливались в Афинах, возможно, в немалой степени специально для продажи на Боспоре. Однако каких-либо остатков таких щитов здесь обнаружено не было.

Пельта была известна и скифам. На одном из шедевров греко-скифской торевтики — золотом гребне, найденном в кургане Солоха, представлена сцена сражения трех воинов. Спешившийся скиф, конь которого убит, отбивается от нападающего на него всадника и расположенного позади всадника пешего воина; этот скиф имеет пельту, его противники — обычные скифские щиты. Это изображение, информативное само по себе, интересно для нас еще и по той причине, что гребень из Солохи, как и большинство предметов греко-скифской торевтики, скорее всего был изготовлен в мастерских Боспорского государства. Во всяком случае, многие специалисты придерживаются такой точки зрения.

Еще раз возвращаясь к рассказу Полиэна о войне Левкона с гераклеотами, хочется обратить внимание, что содержащаяся в нем информация чрезвычайно ценна еще в одном существенном аспекте. Этот рассказ, пусть, как уже говорилось, в несколько анекдотичной форме, отражает реальный боевой эпизод, происшедший на Боспоре. Добавим, что это единственное описание военных действий на берегах Керченского пролива, которое сохранила античная письменная традиция. В высшей степени показательно, что в этом эпизоде верными союзниками Левкона выступили скифы, и у нас есть веские основания считать, что в это время уже существовал боспоро-скифский союз, важной составляющей которого, безусловно, было военное сотрудничество.

Материальными свидетельствами такого союза служат курганы варварской знати (вероятно, в основном скифской), возведенные в это время в окрестностях столицы государства — Пантикапея. Первым в их ряду следует назвать так называемый «курган Ашика» (раскопан А. Б. Ашиком в 1838 году), поскольку он хорошо датируется концом первой четверти IV века до н. э., когда Левкон I достиг немалого успеха в укреплении Боспорского государства. В кургане был погребен воин, при котором находился интереснейший набор вооружения: шлем, панцирь, поножи, меч, лук со стрелами. Подчеркнем, что именно из этого кургана происходят бронзовые поножи с изображением головы горгоны Медузы на коленной чашечке, которые, как уже отмечалось, являются самой ранней находкой подобного вооружения во всем античном Северном Причерноморье. Конечно, вызывает некоторое удивление, что эти архаические поножи оказались в погребении воина приблизительно через 150 лет после их изготовления, но, на наш взгляд, этот археологический факт имеет вполне логичное объяснение. Бронзовые поножи, как и другие предметы вооружения (панцири, шлемы и пр.), безусловно, ценились весьма дорого, передаваясь, подобно своего рода реликвии, из поколения в поколение.

В этом комплексе чрезвычайно интересны и другие находки. Прежде всего это бронзовый шлем, который, как отметил Б. З. Рабинович, «поражает крайней простотой формы»²⁹. Он состоит из трех грубо склепанных пластин, две из которых

свернуты полукругом и образуют боковые стенки, а третья положена сверху. По краю шлема имеются мелкие отверстия для прикрепления подкладки. В отличие от обычных форм этот шлем не сужается кверху, а как будто несколько расширяется. Вероятно, простота формы может свидетельствовать в пользу его местного изготовления, хотя шлем совершенно не подходит под типы скифских, «видимо, представляя собой единичное явление», как считал Б. З. Рабинович. Другие специалисты в области древнего вооружения предполагали, что шлем был сделан из частей разрушенных шлемов или из бронзовых пластин неизвестного назначения, возможно, даже из частей металлических сосудов, проще говоря, из греческого металлолома. В общем, этот шлем представляется в полной мере уникальным.

Панцирь также весьма любопытен, хотя и относится к обычному для варваров Северного Причерноморья типу чешуйчатых доспехов. Дело в том, что, хотя такие панцири изготавливались в основном из железа, панцирь из «кургана Ашика» сделан из бронзовых пластин, при этом пластины здесь были не просто нашиты на основу, а прикреплены бронзовыми заклепками, что абсолютно нетипично для скифской традиции. Железный меч скорее всего принадлежал к типу скифских акинаков, а бронзовые наконечники стрел относятся к хорошо известным в Северном Причерноморье типам, которые можно датировать второй половиной V — началом IV века до н. э.

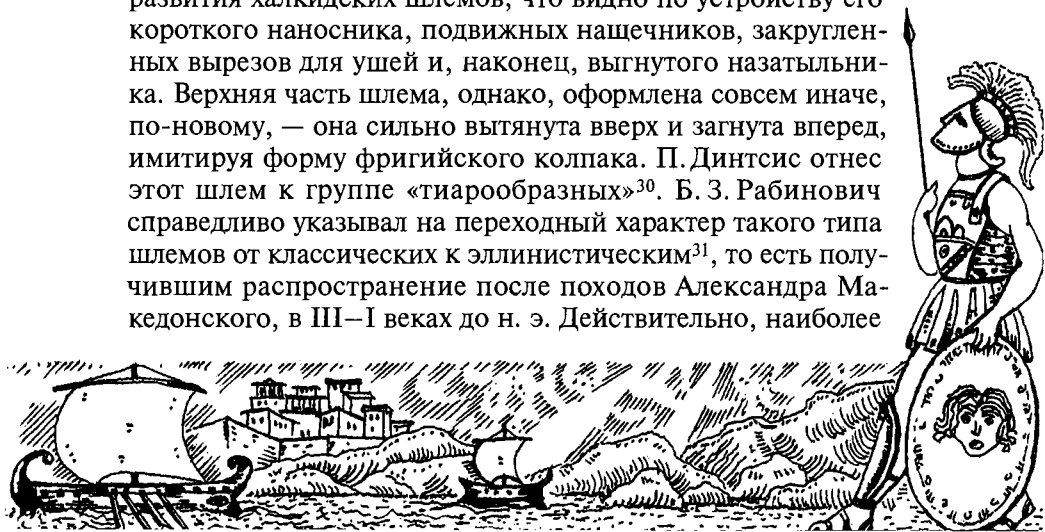
Среди более поздних курганов времени расцвета Боспорского государства при Спартокидах особое значение принадлежит кургану Куль-Оба, в котором в 1830 году было открыто богатейшее погребение скифского военачальника. В специальном отделении саркофага был положен его парадный меч, рукоять и ножны которого имели золотые обкладки. На рукояти изображены фигуры двух животных; на ножнах — грифон, лев, терзающий оленя, леопард и др., на пластине для подвешивания меча можно видеть морского коня (гиппокампа). Кнemiды, изготовленные из позолоченной бронзы, по размерам значительно превосходят обычные греческие поножи и позволяют считать, что погребенный в Куль-Обе воин был настоящим богатырем. Из защитного вооружения

представлен также шлем. Среди наступательного вооружения, кроме меча, в склепе были найдены сотни наконечников стрел, наконечники копий и дротиков. Чрезвычайно важны для нас также происходящие из Куль-Обы находки электрового сосуда и золотых штампованных бляшек с изображениями скифов.

В другом кургане (на «земле Мирзы Кекуватского» — под таким названием он вошел в литературу) был открыт не столь богатый склеп, но предметов вооружения в нем обнаружено немало. Погребенный в каждой руке имел по пучку стрел с бронзовыми позолоченными наконечниками (общее их число около 300). В ногах лежал бронзовый греческий шлем халкидского типа с подвижными нащечниками, а также бронзовые поножи. Здесь же был положен меч, от которого сохранилась обложенная золотом рукоять с представленными на ней неясными изображениями зверей.

На Таманском полуострове элитные погребения с богатыми наборами вооружения времени ранних Спартокидов были открыты в курганах Большая и Малая Близицы. Во время раскопок Большой Близицы в 1865 году был обнаружен склеп с погребением знатного воина; в нем, кроме других находок, обнаружены великолепный бронзовый шлем в виде фригийского колпака, обломки бронзовых позолоченных панциря и поножей, большой железный меч, небольшой кинжал, семь копий и множество бронзовых наконечников стрел.

Особый интерес в этом комплексе, безусловно, представляет меч. Вполне очевидно, что он продолжает традицию развития халкидских шлемов, что видно по устройству его короткого наносника, подвижных нащечников, закругленных вырезов для ушей и, наконец, выгнутого назатыльника. Верхняя часть шлема, однако, оформлена совсем иначе, по-новому, — она сильно вытянута вверх и загнута вперед, имитируя форму фригийского колпака. П. Динтсис отнес этот шлем к группе «тиарообразных»³⁰. Б. З. Рабинович справедливо указывал на переходный характер такого типа шлемов от классических к эллинистическим³¹, то есть получившим распространение после походов Александра Македонского, в III—I веках до н. э. Действительно, наиболее

ранние их воспроизведения можно видеть на монетах царя Македонии. Шлем из Большой Близницы — тоже достаточно ранний, его можно датировать концом IV — началом III века до н. э.

Имеющиеся материалы позволяют считать, что, опираясь на поддержку скифов, владыки Боспора расширяли свои владения и достигли такого положения, что стали играть очень важную роль, так сказать, в международной жизни Северного Причерноморья. При Перисаде I (сын Левкона I) Боспорское государство занимало земли, которые, как сказано в одной из надписей, лежали «между пределами тавров (то есть Крымскими горами) и Кавказскими горами». Благоприятная обстановка IV века до н. э. выразилась в расцвете материальной культуры всех греческих государств региона и в особенности Боспора. Выдающийся исследователь северопричерноморской античности М. И. Ростовцев с полным на то основанием назвал это столетие «золотым веком» эллинизма на северном берегу Черного моря³². Одним из ярких проявлений такой ситуации можно рассматривать активное освоение греками широких сельскохозяйственных территорий. По подсчетам специалистов, общее количество сельских поселений этого времени в обеих частях Боспорского царства составляет более 400. Чрезвычайно показательно, что все они лишены укреплений.

Боспоро-скифский союз, однако, мог быть реальным гарантом стабильности в регионе лишь до тех пор, пока скифы были господствующей военной силой в степях Северного Причерноморья, и здесь очень многое зависело от положения на восточных рубежах Скифии, то есть в районе Дона. Перемещения новых орд кочевников из глубин Азии, как уже не раз говорилось, обычно вели к дестабилизации военно-политической обстановки в степях. В этом отношении хотелось бы обратить внимание на то, что какие-то негативные явления во взаимоотношениях Боспора со скифами возникли уже в конце третьей четверти IV века до н. э.

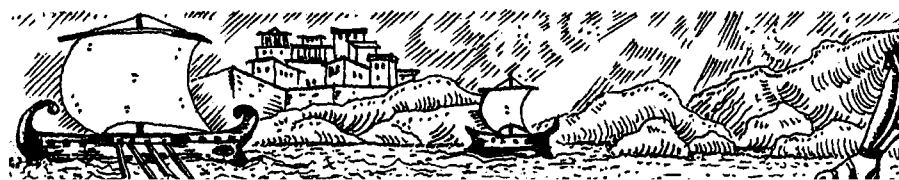
Очень важная информация для понимания начавшихся изменений в регионе, на наш взгляд, содержится в речи Демосфена против Формиона, которую он произнес около 328 года до н. э. (Dem. XXXIV, 8). В ней знаменитый оратор, в част-

ности, говорил о торговой поездке Формиона на Боспор. Эта поездка была крайне неудачной, поскольку вследствие войны, которая происходила между боспорским царем Перисадом и скифами, привезенные Формионом товары почти не находили сбыта. Сам по себе факт военных столкновений между скифами и Боспором в это время вызывает некоторое недоумение, поскольку скифы, если судить по данным античных письменных источников, и до, и после этого события всегда выступали как союзники боспорских царей (Polyaen. VI, 9, 4; Diod. XX, 22–24). Еще более интересен, на наш взгляд, другой аспект этого сообщения, а именно тот, который свидетельствует о крупных торговых затруднениях Формиона. Боспорское государство во второй половине IV века до н. э. занимало значительную территорию и граничило с различными варварскими народами, а значит, локальный конфликт с одним из них, а именно так иногда трактуют сообщение Демосфена, вряд ли мог привести к столь печальным последствиям.

Не исключено, что уже в это время в силу каких-то причин вся система взаимоотношений Боспора с варварским миром испытывала трудности, что, в частности, могло привести к военным конфликтам и отрицательному воздействию на боспорскую торговлю. К сожалению, в силу своей краткости приведенное сообщение Демосфена не может быть основанием для более определенных выводов. Да и сама по себе неблагоприятная ситуация для торговли на Боспоре в это время может рассматриваться как не более чем симптом будущих потрясений. Очень может быть, что уже тогда начались отдельные походы восточных номадов (сарматов) на запад, повлиявшие на увеличение военной напряженности в Северном Причерноморье.

Усобица сыновей Перисада I

Данные археологии убедительно свидетельствуют о том, что Великая Скифия не пережила рубежа IV и III веков до н. э.; ее крушение с полным основанием можно назвать одним из важнейших, эпохальных событий древней истории. Скорей всего эта катастрофа стала результатом целого комплекса

причин, приведших к общему ослаблению Скифии, но главной из них, несомненно, было сарматское продвижение на запад. Очень важным в этом контексте представляется свидетельство Диодора Сицилийского о том, что савроматы (сарматы) «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Diod. II, 43, 7).

Буквально накануне крушения Скифии произошло одно важное событие, в которое были вовлечены и скифы, и сарматы, и Боспорское государство. Речь идет об усобице сыновей царя Перисада I (Сатира, Евмела и Притана), о которой достаточно подробно рассказал Диодор Сицилийский (Diod. XX, 22–24). В самом кратком изложении его повествование сводится к следующему. В 310/9 году до н. э. умер Перисад I, и по старшинству трон перешел к Сатиру. Недовольный этим Евмел начал оспаривать власть у брата, в своей борьбе он нашел поддержку варваров во главе с Арифарном. Понимая серьезность ситуации, Сатир собрал значительные силы: 34 000 воинов, из которых 30 000 составляли союзные скифы (20 000 пехоты и 10 000 конницы), 2000 наемники-греки и 2000 наемники-фракийцы. Под командованием боспорского царя это войско с большим обозом продовольствия выступило в поход.

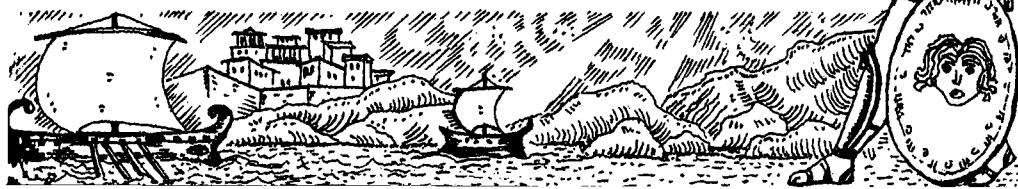
Где произошли военные столкновения и какие варвары поддержали Евмела, из текста Диодора не вполне ясно, но есть веские основания считать, что районом боевых действий стало Прикубанье, а беглого боспорского царевича поддерживало сарматское племя сираков, которое к этому времени, как представляется, продвинулось к восточным рубежам Боспорского государства. Некоторые исследователи полагают, что Евмела поддержало меотское племя фатеев, но эта гипотеза вызывает большие сомнения. Дело в том, что из боспорских надписей известно, что они были подчинены царям Боспора, а это означает, что фатеи никак не могли противостоять армии царя, поддержанной скифами.

С другой стороны, вряд ли можно сомневаться, что объединение сираков в военном отношении было весьма мощным, поскольку сумело выставить войско, превышающее по численности объединенные боспоро-скифские силы, — 42 000 воинов (20 000 конницы и 22 000 пехоты). Войско Сатира,

продвигаясь вперед, перешло реку, которая называлась Фат, и, подойдя к противнику на близкое расстояние, встало лагерем, окружив его со всех сторон повозками. Отметим, что такое устройство лагеря очень характерно для кочевников. Затем произошло сражение, которое в исторической литературе часто называется битвой на Фате.

Сатир, по скифскому обычаю, как это специально подчеркивает Диодор, встал в центре своих боевых порядков. Подобное построение, когда военачальник встает в центре войска, — характерный прием боевого построения не только скифов, но и других народов. Ксенофонт в сочинении «Анабасис» в этом отношении сообщает: «Все военачальники варваров занимают место в центре войска, полагая, что они таким образом находятся в наибольшей безопасности, если с обеих сторон имеют свое войско, и что в случае необходимости передачи приказа войско будет оповещено о нем в половину времени» (Хер. I, 8, 22)³³. Весьма показательно, что в центре враждебных Сатиру сил встал Арифарн, а Евмел находился на левом фланге.

По поводу этого построения известный советский историк и археолог В. Д. Блаватский высказал предположение, что Евмел использовал здесь тактику «косого клина», впервые столь удачно примененную знаменитым полководцем Эпаминондом в битве против спартанцев под Левктрами в 371 году до н. э.³⁴ Тогда Эпаминонд сильно изменил традиционный боевой порядок фаланги, разместив свои силы не равномерно по всему фронту, а с численным преимуществом на левом фланге (отсюда происходит название «косой клин»). Поставив на левый фланг лучшую часть своего войска и создав тем самым не только количественное, но и качественное преимущество, он одержал полную победу над непобедимыми до того спартанцами. Но использовал ли Евмел этот боевой порядок? Надо признать, что такое соблазнительное предположение, в общем, ничем не обосновано, более того, из описания Диодора вполне очевидно, что роль Евмела в командовании войсками во время сражения была весьма скромной, да и судьбу сражения решила совсем не пехота, а конница. Все эти соображения заставляют предпочесть схему хода битвы на Фате, которую предложил киевский скифолог Е. В. Черненко³⁵.

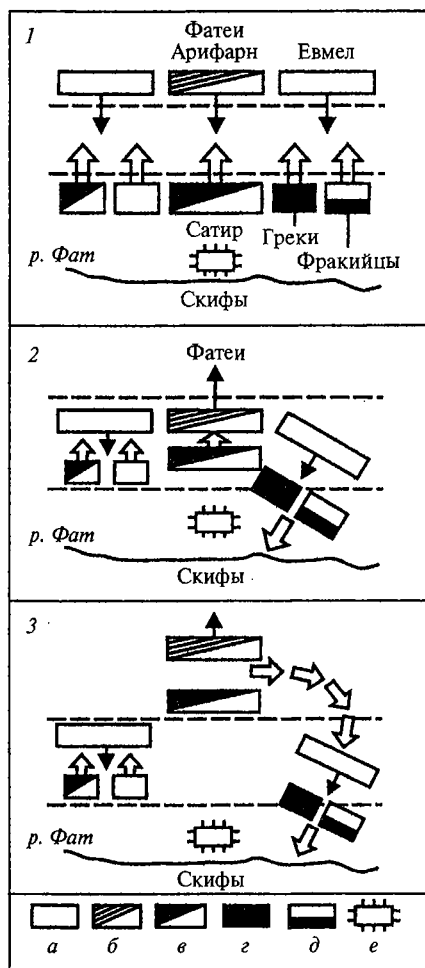

Схема битвы при Фате (по Е. В. Черненко):

- 1 — войско Сатира II и войско Арифарна перед сражением;
 2 — скифская конница Сатира наносит поражение коннице Арифарна и начинает ее преследование. Евмел обращает в бегство наемников; 3 — скифская конница Сатира прекращает преследование разгромленных, меняет направление движения и наносит удар в тыл Евмела; а — пехота; б — конница Арифарна; в — скифская конница; г — греки-наемники; д — наемники-фракийцы; е — укрепленный лагерь Сатира

Сатир с отборными отрядами конницы нанес удар в центр построения неприятеля, где находился царь Арифарн. После упорного боя, стоившего больших потерь обеим сторонам, он обратил сираков в бегство. Поначалу Сатир даже начал преследовать бегущих, но вскоре узнал, что брат Евмел одерживает победу на своем фланге, прекратил преследование и, нанеся еще один удар по врагу, опять имел успех. На этом сражение на берегу реки Фат, по существу, закончилось, полную победу в нем одержал Сатир. Важнейшую роль в этом успехе, безусловно, сыграла скифская конница, которая сначала сокрушила центр боевых порядков Арифарна, а затем, зайдя в тыл неприятелю, одержала верх и на левом фланге.

Уцелевшие воины Арифарна и Евмела укрылись в укрепленной царской ставке, стоявшей на берегу Фата. Глубокая река, обтекая это место, делала его почти неприступным. Неприступность еще более усиливалась благодаря наличию здесь обрывистых утесов и густого леса. Подступы к крепости были к тому же защищены высокими башнями и палисадами.

После победы в сражении Сатир сначала опустошил неприятельскую страну, предал огню местные поселения, захватил большое количество добычи и пленных, а затем предпринял попытку взять крепость штурмом. Эта акция имела лишь частичный успех; но воины Сатира все-таки сумели переправиться через реку и стали вырубать лес, мешавший подходу к укреплениям. Работы быстро продвигались вперед, и тогда осажденные попытались им противодействовать — стрелки Арифарна начали поражать рубящих лес. Тем не менее воины Сатира продолжили свое дело и на четвертый день работы приблизились к укреплениям, но здесь, осыпаемые на тесной позиции тучей стрел, стали терпеть большой урон. Положение попытался спасти предводитель наемников Мениск, его поддержал сам Сатир. В завязавшемся бою он был ранен копьем в руку; рана оказалась столь серьезной (может быть, копьё было отравлено), что этой же ночью царь скончался.

Осада после этого была снята, тело Сатира переправили в Пантикапей к его брату Притану, где были устроены пышные похороны. Приняв царскую власть, Притан не проявил должной активности и не сумел развить достигнутого предшественником успеха. Евмел же и его союзники оправились

от поражения и сумели захватить немало городов и укреплений. Когда Притан наконец явился к войску и выступил против брата, он потерпел неудачу; его армия была отеснена к перешейку около Меотийского озера и сдалась на милость победителя. Оказавшись в отчаянной ситуации, Притан попытался укрепиться в Пантикапее, но безуспешно, и был вынужден бежать в город Кепы, где был убит.

Таким образом, в тяжелой междоусобной борьбе полную победу одержал Евмел. Утвердившись на боспорском престоле, он жестоко расправился со своими противниками, приказав умертвить не только друзей Сатира и Притана, но также их жен и детей. Бегством удалось спастись лишь сыну Сатира, царевичу Перисаду, который нашел убежище у скифского царя Агара. Несмотря на проявленную чудовищную жестокость, в дальнейшем Евмел управлял государством очень умело и дальновидно (помогал некоторым греческим государствам, боролся с пиратами), в результате чего Боспорское государство укрепилось, расширило свои границы. У царя даже возник фантастический план — объединить под своей властью все земли вокруг Черного моря. Но до воплощения его на практике дело не дошло — Евмел погиб от нелепой случайности в 304/3 году до н. э.

Кратко резюмируя сказанное о борьбе за боспорский престол сыновей Перисада I, подчеркнем, что столкновение между братьями следует рассматривать не как простую междоусобицу, не как «небольшую гражданскую войну», по выражению М. И. Ростовцева³⁶, а как столкновение мощных варварских группировок. Разумеется, конфликт начался из-за спора за боспорский престол, но с вовлечением в борьбу варварских племен он явно перерос рамки простой междоусобицы и превратился в явление отнюдь не чисто боспорской истории. Военно-политическая обстановка в конце IV века до н. э., как можно считать, была такой, что и скифы, и сарматы в этой войне сражались не только за интересы боспорских царевичей, но и свои собственные.

В сложившейся ситуации поведение Евмела выглядит вполне логичным. В своих притязаниях на боспорский престол он сделал ставку на поддержку сарматов — объединение в военном отношении, безусловно, очень сильное. Но

и скифы, по всей видимости, поддержали Сатира в борьбе с братом не просто из личных симпатий к нему или только из понимания правоты его дела. В это время борьба с сарматами была, так сказать, их кровным делом. По-видимому, именно по этой причине они предоставили в распоряжение Сатира значительные силы, игравшие в боевых действиях столь важную роль. Не случайным в данной связи представляется и то, что после смерти Сатира Притан принял царскую власть и твердое решение продолжать борьбу с Евмелом лишь после того, как прибыл к войскам (Diod. XX, 24). Стремление войск, состоящих в основном из скифов, к продолжению успешно начатой войны сыграло здесь, по всей видимости, немалую роль. Судьба, однако, была неблагоприятной к Притану и его союзникам.

Совсем не исключено, что Евмел, получивший власть над государством благодаря помощи сарматов, и в дальнейшем в своей внешней политике опирался на союз с ними. Возможно, с их поддержкой следует в какой-то степени связывать его успехи в расширении границ и в укреплении международного престижа Боспора, о чем сообщается в рассказе Диодора. Можно даже предполагать, что события 310/9 года до н. э. были до некоторой степени поворотным пунктом в истории Боспора. В это время традиционно союзнические отношения со Скифией прерываются, и, возможно, начинается процесс переориентации боспорской политики по отношению к варварскому миру с акцентом на связи с сарматами. Состояние источников таково, что почти невозможно судить, насколько этот процесс был продолжен или развит после смерти Евмела. Однако можно предполагать, что сильнейшее в регионе объединение сарматов продолжало играть важную роль в системе связей Боспорского государства с племенами региона и позднее.

Для изучения военного дела Боспора периода сарматской экспансии, как и для более раннего времени, большое значение имеют материалы, полученные при раскопках курганов. Первостепенную важность для понимания происшедших глобальных перемен, на наш взгляд, имеет курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун (южная оконечность Керченской бухты) в 1875 году³⁷. В его центральной могиле были обнару-

жены кремированные останки знатного воина с очень показательным погребальным инвентарем. Наиболее известная находка, происходящая отсюда, — золотой ажурный шлем, украшенный троекратно исполненным цветком каллы между волютами. Эти двойные волюты можно понимать как изображение круто закрученных бараньих рогов, являющихся символом фарна, то есть некой божественной благодати, без которой, по представлениям иранских народов, невозможен путь героя. Хорошо известно, что бараньи рога стали атрибутом Александра Македонского, знаком его богоизбранности, после посещения им оракула Амона в Египте. Некоторые исследователи сближают этот золотой шлем по форме с сарматскими шлемами более позднего времени или с кожаными колпаками кочевников. Вполне возможно, что он надевался поверх меховой шапки.

Другие вещи роднят курган Ак-Бурун с культурами народов, которые заселяли территории к востоку от Скифии (Подонье, Прикубанье). Из предметов вооружения в первую очередь обращают на себя внимание большой меч и кинжал, которые, к сожалению, сохранились очень плохо. Видный исследователь степных древностей К. Ф. Смирнов относил этот меч к мечам синдо-меотского (прикубанского) типа³⁸, что вполне возможно, но совершенно недоказуемо. В состав прочего наступательного вооружения входили 2 копья, 4 дротики и стрелы с железными наконечниками. Наконечник одного копья сохранился в хорошем состоянии, он был искусственно деформирован перед помещением в могилу, неплохо сохранился и один из дротиков.

Комплекс защитного вооружения включал железный шлем, бронзовые поножи и чешуйчатый панцирь (все сохранилось в обломках). Железные пластинки от последнего отличаются крупными размерами и, в общем, не очень напоминают детали обычного чешуйчатого доспеха. Е. В. Черненко по этой причине предполагал, что эти пластины относятся к покрытию щита³⁹. Однако все сомнения напрасны. Исследователи кургана были уверены в том, что они нашли именно панцирь, а у пластин имеется хорошая аналогия — чешуйчатый панцирь, происходящий из сарматского кургана в Подонье. Комплекс наступательного вооружения из кургана Ак-Бурун

имеет большое сходство с прикубанскими памятниками, где в относительно богатых погребениях встречается следующий набор: меч, копья или дротики (от 1 до 7), несколько стрел с железными наконечниками.

Дата Ак-Бурунского кургана достаточно уверенно определяется в пределах конца IV — начала III века до н. э. В связи с этим весьма соблазнительной представляется попытка связать его с описанными выше событиями междоусобной борьбы сыновей Перисада I. В. Ф. Гайдукевич, известный специалист в области древностей Боспора Киммерийского, высказал предположение, что здесь был погребен один из союзников Евмела⁴⁰, и с этим предположением вполне можно согласиться.

Дротики, подобные обнаруженным в кургане Ак-Бурун, как можно полагать, стали на Боспоре достаточно популярным видом метательного оружия. Очень интересно в этом отношении надгробие конца IV—III века до н. э., найденное в Керчи в 1951 году. На нем неплохо сохранилась роспись, где можно разглядеть безбородого юношу-воина, совершающего, вероятно, возлияние. На его ногах изображены кнемиды, обозначенные желтой краской (бронзовые), за спину закинут сравнительно небольшой щит круглой формы. Из наступательного вооружения представлен меч, который, судя по очертаниям рукояти, следует считать махайрой, и три копья или дротика. Большое количество копий (дротиков) в данном случае, возможно, следует связывать с влиянием военного дела племен Прикубанья, что в контексте событий, речь о которых шла выше, представляется вполне закономерным.

Глава 3

Боспор между скифами и сарматами

Боспор после падения Великой Скифии

Победа Евмела при поддержке сарматов, однако, не спасла государство от серьезнейших потрясений, разразившихся приблизительно через сорок лет после описанной войны.

В первую очередь эти потрясения коснулись Восточного Крыма; по этой причине есть веские основания считать, что виной им стали скифы, оттесненные сарматами в Крым из степей Северного Причерноморья и вынужденные отвоевывать себе жизненное пространство на полуострове.

Археологические исследования последних лет позволили установить, что на сельскохозяйственных территориях Европейского Боспора в это время имела место в высшей степени драматичная ситуация. Московский археолог А. А. Масленников отмечает, что в конце первой трети III века до н. э. на сельских поселениях Восточного Крыма в спешном порядке возводились укрепления, но, несмотря на это, все они погибли в 60-х годах этого столетия. На большинстве исследованных селищ этого времени выявлены следы пожаров и разрушений всех построек, которые впоследствии уже не восстанавливались. В слоях разрушений обнаружены бронзовые и железные наконечники скифских типов, пращные камни и пр.⁴¹

Драматическая картина гибели ряда поселений реконструируется вполне отчетливо. Важные наблюдения были сделаны при раскопках поселения Золотое Плато: на полу двух из исследованных домов под рухнувшими стенами были найдены три человеческих скелета, в костях позвоночника одного из них торчал железный наконечник стрелы⁴². Наглядная картина гибели во время нападения была зафиксирована также при раскопках поселения Генеральское-Западное. Археологические наблюдения показывают, что нападающие обстреливали поселение из луков — наконечники стрел обнаружены около оснований стен, часть из них погнуты. Защитники поселения в борьбе с противником скорее всего активно использовали каменные ядра⁴³. Как видим, археологические материалы позволяют заключить, что в 60-х годах III века до н. э. в Восточном Крыму разразилась настоящая война, которая оказалась столь серьезной, что привела к уничтожению всей системы земледелия в районе.

Вполне возможно, что сельское население из неукрепленных поселений, спасаясь от врага, уходило под защиту городских стен. Не исключено, что фиксируемый в это время рост территории городов в немалой степени может быть объяснен

притоком населения с сельских территорий полуострова. Самими города при этом активным образом укреплялись. В III веке до н. э. новая оборонительная стена была возведена в Мирмекии. В Тиритаке, где в конце IV — начале III века до н. э. производилось обновление всей фортификационной системы, мощь отдельных ее звеньев была усилена еще и во второй половине III века до н. э. Во второй половине столетия был перестроен по единому регулярному плану и стал мощной крепостью Порфмий⁴⁴, расположенный на крымском берегу пролива в том месте, где тот имеет наименьшую ширину и где издревле существовали переправы (само название Порфмий, вероятнее всего, восходит к древнегреческому слову «переправа»). Раскопками выявлена прямоугольная сеть улиц, которая делит крепость на восемь кварталов, вытянутых с востока на запад параллельно оборонительным стенам. Толщина стен достигает 2,5 метра; исследована также северо-западная башня, которая фланкировала калитку шириной 1,5 метра, устроенную в западной стене. Не вызывает особых сомнений, что столь кардинальная перестройка Порфмия была вызвана потребностью защиты переправы между европейской и азиатской частями, имевшей для Боспорского государства стратегическое значение.

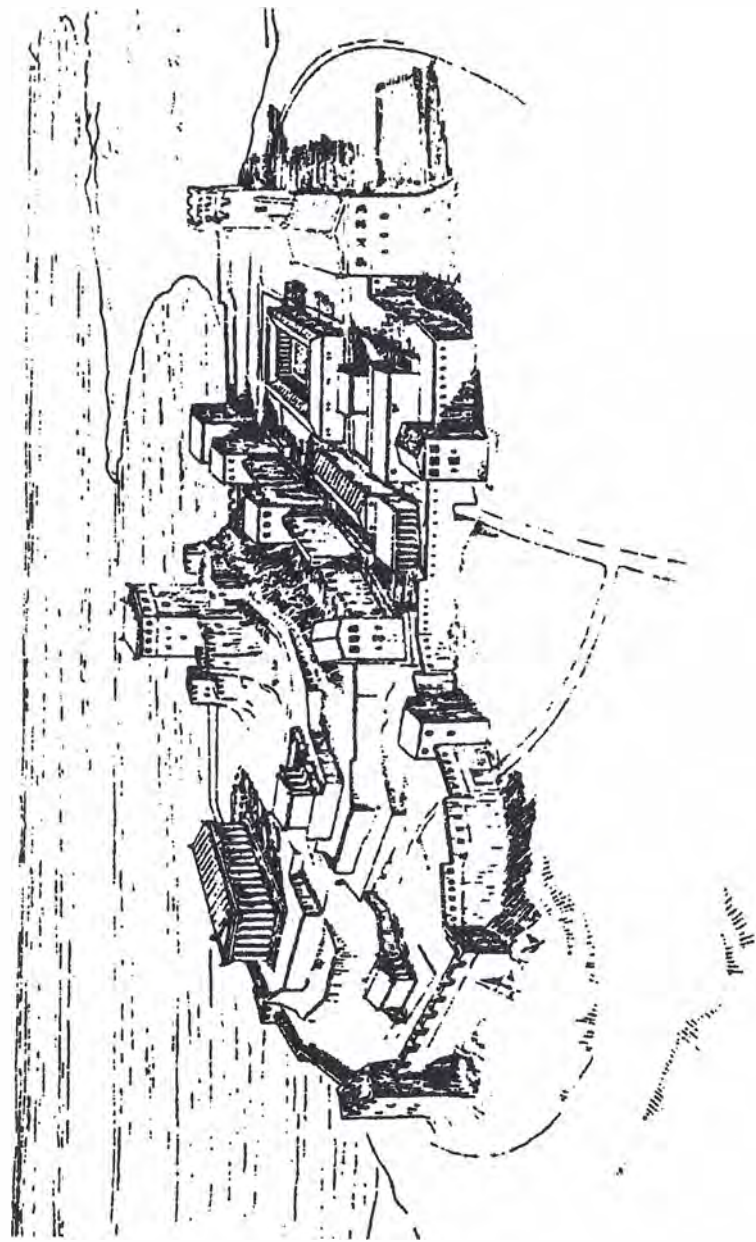
Концом IV или первой половиной III века до н. э. можно датировать возведение оборонительной стены Китея, расположенного на черноморском побережье. На азовском берегу, в Зеноновом Херсонесе, раскопками открыто мощное основание оборонительной стены III века до н. э. Возведение городских стен Пантикапея относится к III—II векам до н. э., но особенно внушительно выглядят укрепления его акрополя. В это же время были построены укрепления в Киммерике (на вершине горы Опук). Оценивая все эти факты, следует признать, что в III — начале II века до н. э. в Восточном Крыму происходит усиленное фортификационное строительство, вызванное, по всей видимости, возрастающей военной угрозой со стороны Крымской Скифии.

Некоторые археологические материалы дают основание полагать, что в рассматриваемое время города Европейского Боспора не просто испытывали военную угрозу, но и подвергались нападениям. При раскопках Нимфея был обнаружен

проезд в оборонительной стене, заложенный большими камнями так, что оказалась оставлена лишь небольшая калитка. Около оборонительной стены были найдены каменные ядра и бронзовые наконечники стрел. Исследователь городища М. М. Худяк относил эту ситуацию к концу IV века до н. э. и связывал ее с событиями междоусобной борьбы сыновей Перисада⁴⁵. Но в рассказе Диодора о столкновении братьев нет ни единого слова о военных действиях на собственно боспорской территории; поэтому, как представляется, наблюдение М. М. Худяка следует рассматривать не в контексте событий 310/9 года до н. э., а в плане общей неспокойной военно-политической ситуации, сложившейся на Керченском полуострове. В той же плоскости, по-видимому, можно трактовать и сильное разрушение Порфмия, произошедшее в середине III века до н. э., перед его кардинальной перестройкой.

Для понимания ситуации, сложившейся тогда на Боспоре, большое значение имеют граффити, сравнительно недавно обнаруженные в святилище Нимфея. Они вообще чрезвычайно ценны, поскольку, как считают исследователи городища, в середине III века до н. э. святилище было ликвидировано. Иными словами, полученные там материалы уверенно могут быть отнесены к раннему этапу сарматских вторжений в Северное Причерноморье.

На штукатурке прочерчены изображения всадников и противостоящих им пеших воинов-лучников⁴⁶. Всадники в конических шлемах и бочонкообразных панцирях, вооружены длинными копьями, что позволяет видеть в них сарматов-катафрактариев. Пешие воины-лучники — это, вероятно, скифы. Напомним, что, по сообщению Диодора Сицилийского, скифское войско, поддержавшее боспорского царя Сатира в конфликте с братом, более чем на половину состояло из пехотинцев (Diod. XX, 22). Нетрудно понять, что в сценах боев, изображенных на штукатурке, побеждают всадники-сарматы, а лучники-скифы терпят поражение. Признавая всю специфичность этих рисунков как источника по боспорской истории и отдаленность этих изображений от событий большой политики того времени, все-таки можно предположить, что сарматы тогда скорее всего были «симпатичней», ближе рядовым жителям Боспора, чем скифы. Они, скажем

Акрополь Пантикапея в III веке до н. э.
(реконструкция В. П. Толстикова)

так, «болели» за сарматов, и сарматские победы над скифами имели отклик в их сердцах, что находило выражение даже в такой форме.

В высшей степени любопытно, что археологические материалы, полученные во время раскопок на памятниках Таманского полуострова, не позволяют считать, будто военнополитическая ситуация здесь была сложнее, чем в Восточном Крыму. Это в особенности интересно по той причине, что именно сюда, к восточным рубежам Боспорского царства, продвинулись сарматские племена, прежде всего сираки. Конечно, и здесь поначалу имели место какие-то военные конфликты — в конце IV века до н. э., например, были разрушены оборонительные стены Семибратнего городища. На страницах научных изданий эти разрушения обычно увязываются с военными действиями междоусобицы сыновей Перисада, а не с предполагаемой сарматской агрессией, и это, возможно, справедливо. К тому же на рубеже IV и III веков до н. э. или в начале III века до н. э. на городище были возведены новые укрепления. Последний факт также чрезвычайно любопытен, поскольку всплеска фортификационного строительства, столь явного в Восточном Крыму, на Тамани в это время как будто не произошло. Помимо Семибратнего городища лишь при раскопках Фанагории был обнаружен небольшой участок оборонительной стены III—II веков до н. э. Бурное фортификационное строительство фиксируется на Азиатском Боспоре позднее, но об этом будет сказано особо.

Следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на близость к районам, куда продвинулись сарматы, положение на азиатской стороне Боспора в целом было отнюдь не хуже, чем на европейской. По всей видимости, в начальный период вторжения сарматов возможность их нападений на территории Боспорского царства была вполне реальна. Однако в дальнейшем, с развитием боспоро-сарматских взаимоотношений, эта угроза скорее всего была сведена до минимума. Весьма показательно, что ни один из греческих городов Таманского полуострова не подвергся нападению. Не уменьшая сложности ситуации в регионе, хотелось бы высказать предположение, что подобное достаточно благоприятное положение в восточной части государства могло создаться

лишь в том случае, если боспорские цари опирались не только на внутренние силы или на помощь со стороны греческих государств, но и на союз с местными варварскими племенами Прикубанья, в первую очередь на союз с сарматами.

Есть основания считать, что в это время Боспорское государство проводило политику самого активного проникновения в глубинные районы Прикубанья и район Донской дельты, где очень ценные материалы были получены при раскопках Елизаветовского городища, самого крупного на восточной границе Скифии. Под угрозой сарматских нападений жизнь здесь прекратилась приблизительно на рубеже IV и III веков до н. э., но ненадолго. Вскоре сюда было выведено крупное боспорское поселение, занявшее «акрополь» городища. Эта попытка упрочения боспорского влияния в дельте Дона не была успешной — поселение просуществовало всего 25–30 лет и погибло, очевидно, в результате нападения сарматов⁴⁷. Тем не менее для понимания основных направлений греко-варварских контактов начала III века до н. э. это поселение чрезвычайно показательно, тем более что полным успехом завершилось основание другого боспорского центра в дельте Дона — Танаиса.

Видный советский археолог, много лет руководивший раскопками Танаиса, Д. Б. Шелов считал, что город был основан в первой четверти III века до н. э.⁴⁸ По сообщению Страбона, его основали боспорцы (Strab. XI, 2, 3). Очень скоро этот город, расположенный, по существу, на пути варварских передвижений с востока на запад, стал важным экономическим центром, самым большим торжищем среди варваров после столицы Боспорского государства — Пантикапея (Strab. VII, 4, 5). Опираясь на него, Боспор твердой ногой стоял в пункте, который давал ему несомненные выгоды в плане торговли с местными племенами, а также позволял своевременно ориентироваться в изменениях военно-политического характера в прилегающих степных областях. Если и ранее Боспорское царство в силу своего географического положения имело реальный и, по всей видимости, легкий доступ в Крым и Поднепровье из европейской части и к Кавказу из азиатской, то теперь в зону его активного влияния вошло и Нижнее Подонье — Приазовье.

Относительная стабилизация военно-политической обстановки во второй половине III — первой половине II века до н. э.

После потрясений времени падения Великой Скифии жизнь постепенно вошла в обычное русло. Из надписи будущего боспорского царя Левкона II явствует, что в середине — третьей четверти III века до н. э. меоты признавали власть боспорских владык, то есть владения Боспора в Прикубанье были весьма обширными. Другим важным признаком стабилизации ситуации стало возобновление жизни на сельских поселениях. Внимательный читатель, конечно, уже заметил, что сельским поселениям при реконструкции военно-политической ситуации или, правильнее сказать, ситуаций, которые складывались в регионе на различных хронологических срезах, придается очень большое значение, и это, на наш взгляд, вполне закономерно. Именно сельские поселения могут служить надежным индикатором усиления или, напротив, ослабления военной угрозы по той простой причине, что они всегда уязвимы при нападениях противника — во всяком случае, намного более уязвимы, чем укрепленные стенами города. Данные современной археологии убедительно демонстрируют, что деревни, как грибы после дождя, разрастались в окрестностях греческих городов в благоприятной внешнеполитической обстановке и, наоборот, исчезали при возникновении серьезной военной угрозы. В этом отношении периоды массового выведения сельских поселений или же их запустения, фиксируемые при археологических исследованиях, следует рассматривать в непосредственной связи с кардинальными переменами обстановки в степях Северного Причерноморья.

Сельских поселений, относящихся к 250—150 годам до н. э., на Боспоре известно не очень много, гораздо меньше, чем для времени расцвета — IV века до н. э. Сразу же необходимо обратить внимание на то, что почти все сельские поселения, открытые в Восточном Крыму, были укрепленными. Укрепления строились даже на самых небольших из них. Наиболее показательный памятник такого рода — Золотое на Азовском побережье Керченского полуострова. Археологическими раскопками здесь выявлена оборонительная линия, состоящая

из мощной стены (толщина — до 2,5 метра) с серией хорошо сохранившихся выступов-бастионов⁴⁹.

Имеющиеся археологические факты, на наш взгляд, позволяют считать, что военная ситуация в Восточном Крыму все еще оставалась достаточно тревожной и жизни на сельских поселениях района угрожал неприятель. Почти нет сомнения, что этим неприятелем были крымские скифы. По всей видимости, со второй половины III века до н. э. в предгорьях Крыма начинается процесс консолидации скифского населения, приведший к окончательному сложению нового государства — Малой или Крымской Скифии, которая, по сообщению Страбона, занимала Крым и область за Перешейком (Перекопом) вплоть до Днепра (Strab. VII, 4, 5).

Союзнические отношения Боспора с сарматами, которые сложились на предшествующем этапе, в это время получили определенное развитие, наложив свой отпечаток на военное дело, о чем будет сказано ниже. Начать же следует с того, что этими влияниями дело не ограничивалось, и в культуре Боспора появились весьма важные новые детали, связанные с событиями, происходившими на далеком Западе.

Европа, в том числе и античные государства Средиземноморья, столкнулась с экспансией кельтов, которых греки называли галатами, а римляне галлами. Эта экспансия началась раньше рассматриваемого периода и развивалась волнообразно — всем известно, что около 385 года до н. э. лишь гуси спасли Рим от полного захвата галлами; пик новой волны пришелся на 80–70 годы III века до н. э. В 281 году до н. э. 20 000 галатов переправились в Малую Азию, где приняли самое активное участие в военных событиях, став серьезной угрозой для греческих государств региона. В 279 году до н. э. кельты предприняли поход на Македонию и Грецию, совершив нападение на знаменитое святилище в Дельфах, и были с большим трудом отбиты греками. Утвердившись во Фракии, они создали там свое государство с центром в Тилисе, просуществовавшее с 280 по 213 год до н. э. Это государство, как представляется, оказало немалое влияние на развитие событий в Северном Причерноморье, поскольку противостояло сарматскому проникновению на запад. Данные современной археологии позволяют считать, что только после его круше-

ния кочевники смогли продвинуться из-за Дона и прочно освоить районы Поднепровья.

Материальными свидетельствами военных столкновений, разразившимися в это время в Северном Причерноморье между сарматами и кельтами, на наш взгляд, являются кельтские шлемы, которые археологи порой находят в сарматских погребениях или так называемых кладах, в основном в районе Подонья и Прикубанья⁵⁰. Эти шлемы, которые в научной литературе именуются «типом Монтефортино», вероятно, по большей части изготавливались в Этрурии. Их еще называют шлемами типа «шапки жокея», поскольку они действительно несколько напоминают жокейскую кепку, но надевали их козырьком назад; «козырек», конечно, защищал шею воина.

В античном мире прекрасные боевые качества кельтских отрядов были быстро оценены по достоинству, их авторитет в военной сфере был очень высок, и совсем не удивительно, что многие правители эллинистических государств охотно приглашали их на службу. Но можно ли что-нибудь сказать о присутствии кельтских наемников на Боспоре? Недавние археологические открытия свидетельствуют, что они, вероятнее всего, входили в состав египетского посольства, посетившего Боспор в первой половине III века до н. э. В святилище Нимфея, в том самом, где на штукатурке были изображены всадники-сарматы, сражающиеся со скифскими лучниками, сохранилось великолепное изображение корабля «Исида», на котором, как считается, прибыло посольство из Птолемеевского Египта ко двору боспорского царя Перисада II⁵¹. Вдоль борта этого корабля установлены характерные кельтские щиты (типа тюрееос), позволяющие предполагать, что здесь присутствовали и их владельцы-кельты. Следует оговориться, однако, что непосредственного отношения к военному делу Боспора эти кельтские наемники, конечно, не имели.

Несколько слов необходимо сказать об упомянутых щитах. Большие овальные щиты («тюрееос» в переводе с древнегреческого можно определить как «подобный двери») с вертикальным ребром вдоль центральной части получили широкое распространение во время кельтской экспансии в III веке до н. э. в Европе, а затем и в Малой Азии. Их изготавливали из дерева (длина примерно 1,1 метра, ширина 0,4–0,6 ме-

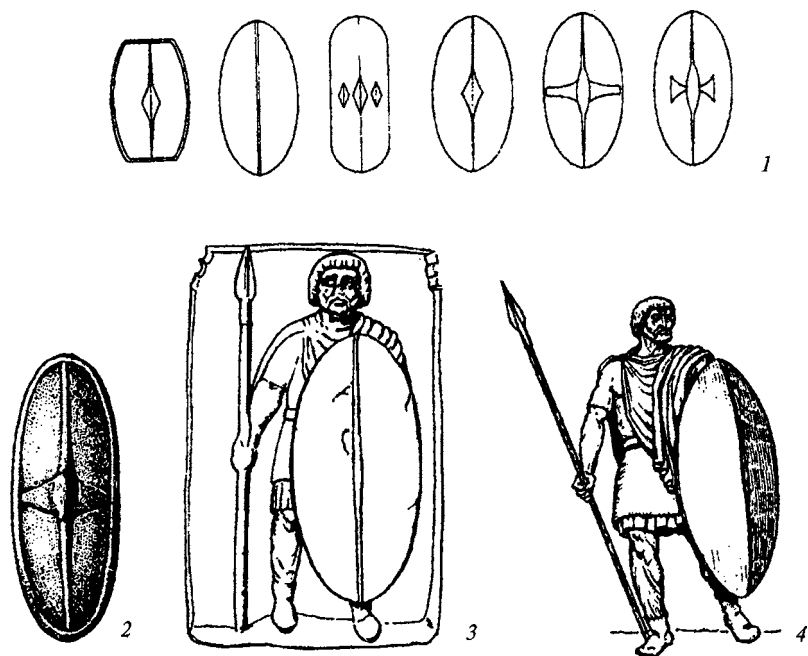
тра), обтягивали, вероятнее всего, кожей и иногда снабжали металлическими обивками по краю. Металлический умбон (выступ) в центре щита прикрывал центральную деревянную ручку, за которую воин удерживал щит, пропустив вытянутую левую руку через верхнюю ручку.

Тюреос входит в употребление на Боспоре скорее всего в середине III века до н. э., и его изображения вскоре появляются на боспорских надгробиях, а затем и на терракотовых статуэтках воинов. Наиболее показательным в этом отношении является известняковое надгробие, относящееся к концу II — началу I века до н. э., обнаруженное около Ахтанизовского лимана на Таманском полуострове в 1962 году⁵². На нем представлено изображение стоящего в полный рост воина, который вооружен копьем и большим овальным щитом. Копье имеет листовидный наконечник с продольным ребром. Большой щит с вертикальным ребром посередине закрывает фигуру воина от плеча до щиколоток. Вполне очевидно, что он имеет сходство с тюреос, хотя и не в полной мере, поскольку здесь отсутствует такая важная деталь, как умбон в центральной части. В связи с этим можно высказать предположение, что щит ахтанизовского надгробия представляет собой поздний вариант развития щитов, типологически восходящих к кельтским образцам.

Изображения настоящих щитов типа тюреос можно видеть на терракотовых статуэтках с изображением воинов. Эти статуэтки, не известные в других античных государствах Северного Причерноморья, представляют собой своеобразную группу боспорской коропластики II—I веков до н. э.⁵³ Воины на них стоят в полный рост, опираясь на овальные щиты; на некоторых экземплярах представляется возможным рассмотреть панцири типа «мускульная кираса», поверх которых обычно надет длинный плащ. Изучившая эти статуэтки В. И. Пругло верно заметила, что первостепенное значение здесь имеет именно щит, который выставлен на первый план как некий символ, лучше всего характеризующий воина.

Самое раннее изображение кельтского щита на Боспоре, однако, представлено не на надгробиях и не на статуэтках, а на монетах. Приблизительно в середине III века до н. э. боспорский царь Левкон II впервые в истории государства

Кельтские щиты на Боспоре:

- 1 — щиты III—I веков до н.э. (по В. П. Толстикову);
 2 — изображение щита на боспорской терракотовой статуэтке (по В. И. Пругло); 3 — изображение воина на Ахтанизовском надгробии; 4 — воин со щитом (по В. П. Толстикову)

произвел чеканку царской медной монеты. Эту акцию, возможно, следует связывать с его военными победами, поскольку на монетах присутствует военная тематика в виде изображения щита на лицевой стороне и рукояти меча на оборотной. М. Ю. Трейстер предположил, что и щит, и рукоять меча принадлежат к кельтским типам⁵⁴. Второе его предположение представляется не очень убедительным, поскольку изображение меча на монетах отчеканено не очень четко, а вот щит определенно относится к кельтским. Одного этого факта, на наш взгляд, достаточно, чтобы согласиться с заключением М. Ю. Трейстера о том, что Левкон II имел контакты с галатами.

Наиболее показательными памятниками культуры боспорской элиты III—II веков до н. э. являются курганы Васюринской горы, расположенной на Таманском полуострове. В одном из этих курганов, относящемся к II веку до н. э., были обнаружены фрагменты железной кольчуги. Эта находка, вызвавшая большие споры среди исследователей, до сих пор не нашла должного объяснения. Между тем хорошо известно, что кольчуги вошли в употребление у кельтов в III веке до н. э., и появление такого защитного вооружения на Боспоре в первой половине II века до н. э. представляется совсем не удивительным, если учитывать связи этого государства с кельтами, выразившиеся в присутствии кельтских наемников.

В совокупности археологических материалов, относящихся к рассматриваемому времени, немалое значение, на наш взгляд, имеет состав погребального инвентаря в гробнице, раскопанной в 1834 году в районе Карантинного шоссе под Керчью. Среди сделанных здесь находок имеется бронзовый щит (0,51 на 0,27 метра), возможно, кельтского типа. Щит сохранился очень плохо, однако из описания и рисунка ясно, что он был овальным с обивкой гвоздями по краю. С внутренней стороны имелись кожаные петли. Подобные сравнительно небольшие бронзовые щиты у кельтов, вероятнее всего, были предназначены исключительно для церемониальных или культовых целей. Не исключено, что и керченская находка использовалась таким же образом.

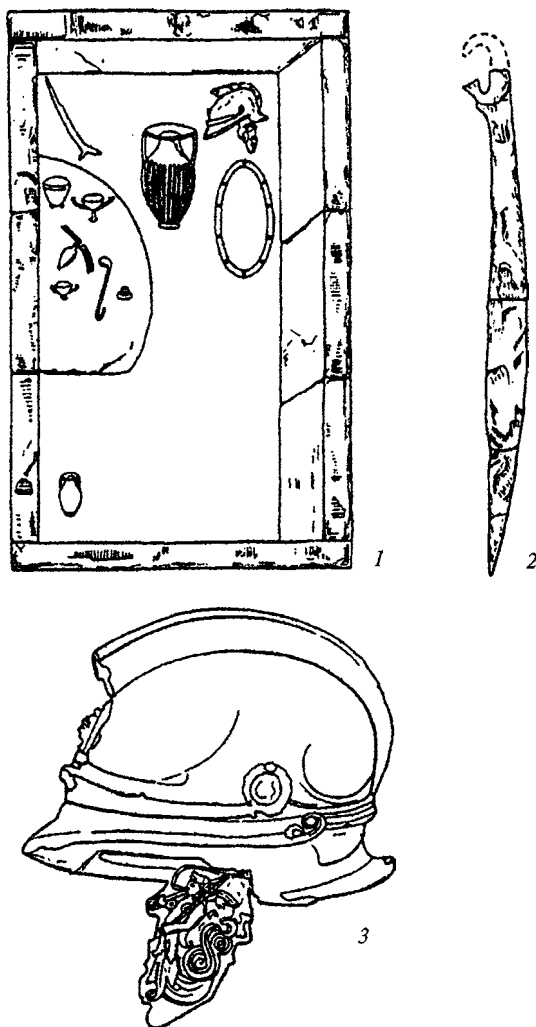
Из этой гробницы происходит также знаменитый железный шлем с небольшим гребнем и подвижными нащечни-

ками⁵⁵. На лобовой части шлем был украшен серебряными изображениями в виде головы Афины, масками горгоны Медузы по бокам и не вполне понятными рельефами на нащечниках — возможно, они представляют мифологическое чудовище Сциллу с факелом в одной руке и веслом в другой.

Тип шлемов, к которому относится керченская находка, определяют как «аттический эллинистического времени», их порой называют также «псевдоаттическими». Имеющиеся аналогии позволяют говорить о большой популярности таких шлемов после походов Александра Македонского, то есть с конца IV века по первую половину II века до н. э. Очевидно, тогда стали достаточно популярными и шлемы, изготовленные из железа, поскольку, по сообщению Плутарха, в битве при Гавгамелах железный шлем надел сам великий полководец (Plut. Alex. 32, 5). На Боспоре описанная находка не является единственной, фрагмент шлема такого типа был найден при раскопках одного из сельских поселений Восточного Крыма⁵⁶.

Наступательное вооружение в погребении у Карантинного шоссе представлено железным мечом типа махайры. О подобных мечах и их распространении на Боспоре начиная с самого раннего времени говорилось выше; что касается данного экземпляра, то он имеет длину около 0,8 метра. Вообще же набор вооружения, описанный в этой гробнице, очевидно, был достаточно популярен. Показательно, что на одном из боспорских надгробий конца III — начала II века до н. э. имеется рельефное изображение воина со щитом как будто овальной формы, замахивающегося коротким изогнутым мечом. Почти нет сомнения, что этот меч — махайра.

Материалы погребения у Карантинного шоссе дают основание полагать, что оно принадлежало наемнику, служившему в армии боспорского царя. Хорошо известно, что античные «солдаты удачи» были готовы сражаться за деньги где угодно и против кого угодно. Из рассказа Диодора Сицилийского об усобице сыновей Перисада I мы уже знаем, что в конце IV века до н. э. на боспорской службе находились довольно крупные отряды греческих и фракийских наемников. Показательны в этом смысле и эпиграфические документы.

Погребение воина у Карантинного шоссе под Керчью (1834 год):

1 — рисунок гробницы; 2 — меч типа махайра;

3 — железный шлем с серебряными украшениями

Среди них — надгробие пафлагонца, который погиб, «сражаясь в земле майтов (меотов)». К надгробиям наемников иногда относят эпитафии сиракузянина, киприота, хиосца и некоторые другие. Можно указать и на более ранние документы — порой считается, что один из декретов в честь Левкона I был принят аркадскими наемниками.

Совсем не исключено, что на службе у боспорского царя в третьей четверти III века до н. э. находились также кельтские воинские контингенты, игравшие важную роль в военной политике государства. Уже было сказано, что ни один восточный царь не вел ни одной войны без галатских наемников. Очень может быть, что этого правила придерживался и царь Боспора Левкон II. Что касается гражданского ополчения, то оно скорее всего к этому времени уже полностью потеряло свое значение.

Выше говорилось о терракотовых статуэтках воинов с кельтскими щитами, которые достаточно ярко характеризуют одну из сторон боспорской культуры этого времени. Столь же любопытна еще одна категория терракотовых статуэток, появившихся на Боспоре, очевидно, во второй половине III века до н. э., — это статуэтки всадников. К сожалению, многие детали на них трактованы очень небрежно, пропорции коня и всадника часто переданы неверно, и, в общем, такие статуэтки никак нельзя отнести к шедеврам боспорской коропластики. Их значение, на наш взгляд, заключается совсем в ином. Общий варварский, восточный облик костюма всадника, несмотря на всю условность трактовки, выступает вполне отчетливо — в частности, в его головном уборе в виде башлыка с заостренным верхом. Нельзя сомневаться в том, что все терракотовые статуэтки так или иначе были связаны с культовыми представлениями, в данном случае с представлениями о роли и предназначении мужчины как воина-героя. Героический идеал, как можно предполагать, в первом случае (статуэтки кельтских воинов) навеян Западом, а во втором (статуэтки всадников) — Востоком.

О восточных направлениях связей Боспора в военной сфере, как и прежде, свидетельствуют материалы курганных захоронений. Курганы, содержащие погребения варварской знати, в это время сосредоточены исключительно в азиатской

части Боспора, то есть ближе к районам расселения меотов и кочевий сарматских племен. Неудивительно, что на этих материалах ярко проявляются сарматские черты, связанные прежде всего с манерой украшать боевых коней круглыми, в основном серебряными бляхами, так называемыми фаларами. Очень важным в ряду таким памятников представляется курган Буерова могила, расположенный сравнительно недалеко от Большой Близницы. Под насыпью здесь обнаружено конское захоронение с уздечным набором из бронзовых блях, покрытых серебром и позолотой. Человеческое погребение находилось в склепе, сложенном из тесаных известняковых плит. Был найден весьма богатый сопровождающий инвентарь — золотые венки, большое количество серебряной и бронзовой посуды и т. п. Очень впечатляет набор оружия: 5 мечей, 6 копий, масса железных наконечников стрел, обломки панциря из кованых железных пластин, такие же пластины от щита (?) и бронзовый шлем с нашечниками. Мечи в ножнах с золотыми обкладками, безусловно, относятся к типу сарматских.

В кургане у деревни Мерджаны⁵⁷, расположенной недалеко от Анапы, была обнаружена золотая пластина с изображением всадника, приближающегося к сидящей на троне женщине, вероятнее всего, богине. Среди предметов вооружения здесь был обнаружен короткий меч или кинжал, а также два конических бронзовых шлема. Конические шлемы, подобные находкам из Мерджан, вошли в употребление в Древней Греции в эллинистическое время, вероятно, для защиты от рубящих ударов кельтских мечей. Они были очень популярны и у самих кельтов. Неудивительно, что шлемы конической формы представлены на таком важном памятнике времени войн с галатами в Малой Азии, как алтарь Зевса в Пергаме, и на рельефах с изображением оружия в пергамском святилище Афины Nikephory. Представленное на этих рельефах оружие, вероятнее всего, было захвачено пергамцами во время сражений с галатами.

Имеющиеся материалы позволяют считать, что Боспорское государство во второй половине III — первой половине II века до н. э. в своей внешней политике опиралось на военные формирования, состоявшие из наемников (греков

и негреков), а также на союзных сарматов. Этих двух факторов до поры до времени вполне хватало, чтобы отстаивать свои интересы; более того, этот период даже можно признать временем процветания Боспора. Но процветанию пришел конец, когда ситуация в степях Северного Причерноморья в очередной раз резко изменилась.

Спартокиды накануне падения

Середина II века до н. э. связывается с концом периода относительной стабилизации в Северном Причерноморье по многим причинам⁵⁸. Складывается впечатление, что с этого времени «выплески» из Азии на запад все новых и новых кочевых племен происходили, так сказать, в ускоренном ритме. Эти глобальные передвижения привели к окончательной дестабилизации обстановки в степях региона, поскольку, как представляется, ни один из появившихся здесь кочевых этносов не мог осуществить свою полную гегемонию, и греческим государствам в этом сложном переплетении политических целей, экономических интересов, возникающих и разваливающихся союзов варварских племен было чрезвычайно непросто отстоять свою самостоятельность, выбрать собственный, сравнительно безопасный путь развития.

«Выплески» кочевнических волн в северопричерноморские степи стали перехлестывать через край, как уже говорилось, приблизительно с середины II века до н. э. Совсем не исключено, что новый импульс с востока был связан с миграцией роксоланов и языгов. По свидетельству Страбона, роксоланы заняли пространства между Танаисом и Борисфеном, то есть между Доном и Днепром. Описывая образ жизни кочевников, древний географ отметил, что «они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою — в болотах около Меотиды, а летом — и на равнинах» (Strab. VII, 3, 17). В 112–110 годах до н. э. эти номады приняли участие в скифо-херсонесском конфликте на стороне скифов и были разбиты полководцем Диофантом, которого на помощь Херсонесу прислал царь Понтийского государства Митридат VI Евпатор. Войско варваров, состоявшее почти из 50 000 человек, не устояло против

6000 воинов, которыми командовал понтийский полководец, и в большинстве своем погибло. Этот эпизод еще раз демонстрирует силу дисциплинированного, хорошо обученного войска в столкновениях с варварскими толпами. Вооружение роксоланов, каким его описал Страбон, выглядит не очень совершенным — они имели шлемы и панцири из сырой воловьей кожи, сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служили копья, мечи и луки со стрелами. Языги продвинулись западнее роксоланов и обитали за Днестром, где известны также сарматы царские и урги (Strab. VII, 3, 17). В плане вооружения и военной организации они вряд ли отличались от роксоланов.

Новые кочевнические объединения, как легко заметить, очень быстро достигли Таврики. Во второй половине II века до н. э. эпиграфические источники фиксируют здесь сатархов, появление которых Ю. М. Десятчиков связывал с широким расселением на запад центрально- и среднеазиатских кочевников⁵⁹. Вероятно, в последней четверти II века до н. э. на Азиатском Боспоре появились аспургiane, о которых Страбон писал как о меотском племени (Strab. XI, 2, 1). В дальнейшем эти варвары играли важную роль в боспорской истории.

Во второй четверти — середине II века до н. э. на политической арене все активнее начинает выступать Малая Скифия в Крыму, где утвердилась власть царя Скилура. Вполне возможно, что на окончательное сложение этого государства в немалой степени повлияла угроза, исходящая из восточных районов причерноморских степей. Развитие конфликта между молодым скифским государством и Херсонесом привело к тому, что примерно во второй четверти II века до н. э. произошел очередной разгром греческих сельских поселений в Северо-Западном Крыму. Очевидно, до этого разгрома херсонеситам пытались помочь сарматы, возможно, даже существовал союз между ними и Херсонесом. Полиэн рассказывает, что царица сарматов Амага с группой отборных воинов совершила большой переход, неожиданным ударом захватила дворец царя скифов, убила его, а захваченную скифами страну вернула грекам (Polyaen. VIII, 56). Однако не все северопрichernоморские кочевники заняли антискифскую

позицию. Роксоланы, как уже говорилось, выступили против херсонеситов на стороне скифов (Strab. VII, 3, 17).

Союз с сарматами, как следует считать, оказался не очень надежным, Херсонес так и не сумел противостоять скифскому натиску. В середине II века до н. э. на руинах некоторых греческих укреплений были построены скифские крепости. Таким образом, владения Херсонеса в Северо-Западном Крыму оказались под властью варваров, а к концу столетия те уже, по существу, подступили к херсонесским городским стенам.

В истории Ольвийского государства новое обострение кризиса также приходится на середину II века до н. э. В этой ситуации ольвиополиты вынуждены были в очередной раз искать себе защитника среди соседних варваров, что в конце концов привело к подчинению полиса скифам, которое выразилось в виде протектората царя Скилура. Правители Боспора Киммерийского пытались выйти из кризиса своим путем.

Сразу следует признать, что дестабилизация в степях Северного Причерноморья и на сей раз весьма болезненно отозвалась на Боспоре. Начало этого кризисного периода скорее всего было связано с какими-то политическими переменами, связанными с неким Гигиенонтом. Имя этого правителя встречается на немногочисленных монетах (золотых, серебряных и бронзовых) и на клеймах керамических черепиц. Любопытно, что на монетах Гигиенонт имеет титул архонта, а не царя, хотя последнее для Боспора уже давно стало обычным. Вопросы о времени его правления и связи с династией Спартокидов вызывают большие споры среди исследователей. Е. А. Молев, специально изучивший материалы, относящиеся к архонту Гигиенонту, пришел к заключению, что его правление относится приблизительно к 145–130 годам до н. э.⁶⁰ Судя по изображению скачущего всадника на реверсе его серебряных монет, можно предполагать, что этому правителю удалось одержать военную победу. Е. А. Молев допускает, что это была победа над сатархами. Этот успех, однако, не мог спасти государство от новых военных потрясений, при этом почти нет сомнений, что основная угроза ему исходила именно с востока, а не с запада.

Как представляется, в это время были потеряны все владения боспорских царей в Прикубанье. Вполне закономерно, что результаты дестабилизации, обусловленные в первую очередь изменениями в сарматском мире, наиболее рельефно проявились на азиатской стороне. Археологические материалы свидетельствуют, что уже в середине II века до н. э. в пожарах гибнут некоторые поселения Таманского полуострова, прежде всего Таманский толос. Как считал крупный специалист в области античных древностей района Н. И. Сокольский, именно с середины II века до н. э. началось создание оборонительной системы, состоящей из валов и серии укрепленных поселений, на Фонталовском полуострове (северо-западная часть Таманского полуострова)⁶¹. В древности это был, вероятно, остров; он имел большое стратегическое значение, поскольку позволял контролировать самую узкую часть Керченского пролива, где находились переправы, связывающие европейскую и азиатскую части Боспора. Оборонительная система, состоящая из двенадцати крепостей, была создана здесь позднее, вероятно, в I веке до н. э.

Враждебные отношения с местными племенами Прикубанья, чреватые частыми военными конфликтами, как представляется, проявляются в том, что для второй половины II века до н. э. вплоть до митридатовского периода на Таманском полуострове мы не знаем ни одного кургана варварской знати. В этом отношении ситуация выглядит просто уникальной, поскольку ранее, начиная с V века до н. э., такие курганы появлялись. Думается, есть все основания заключить, что Азиатский Боспор находился в это время в критическом положении, поскольку взаимоотношения с местными варварскими племенами достигли крайней степени обострения.

На европейской стороне результаты дестабилизации проявились позднее. Поселения азовского побережья Керченского полуострова гибнут на рубеже II и I веков до н. э., о запустении этого района свидетельствует и Страбон (Strab. VII, 4, 5). Но эти факты логичнее связывать не с враждебностью варваров, а с обстоятельствами подчинения Боспора Митридату VI Евпатору, с восстанием Савмака, боевыми действиями понтийских полководцев и т. д. Скорее всего именно к этому времени следует отнести сообщение Страбона об

активной деятельности морских разбойников Северо-Западного Кавказа — ахейцев, зигов и гениохов (Strab. XI, 2, 12). Для своих рейдов эти варвары использовали небольшие узкие и легкие ладьи, которые греки называли камарами. Такие лодки вмещали около 25 человек, редко — до 30. Пираты господствовали на море, нападали на грузовые суда и даже на отдельные прибрежные территории и города. После таких походов они возвращались в родные места, но поскольку не имели удобных стоянок, то взваливали камары на плечи и уносили в леса, в которых обитали. Перед новым набегом они подобным же образом сносили ладьи к берегу.

Описывая особенности разбойничьего образа жизни, древний географ отметил, что порой пиратам содействовали боспорские правители, предоставляя стоянки, позволяя покупку провианта и продажу награбленного. Когда-то, в лучшие для Боспорского государства времена, царь Евмел прославился беспощадной борьбой с пиратами (Strab. XX, 25), но теперь ситуация изменилась кардинальным образом, и правители ослабевшего Боспора вынуждены были, по существу, сотрудничать с ними.

Экономический кризис, разразившийся в это время, имел многие негативные последствия, сказавшиеся прежде всего на состоянии государственной казны. Оскудение денежных запасов в свою очередь закономерно вело к ослаблению обороноспособности. Средств для содержания сильной наемной армии, состоящей из греков, галатов и пр., явно не хватало. Дружины соседних варварских племен также не желали отстаивать интересы Спартокидов бесплатно; тут следует сказать, что дружеские отношения с варварами, точнее, с варварской аристократией всегда стоили Боспору немалых средств. Во второй половине II века до н. э. таких средств уже не было.

В результате всех этих перемен последний из Спартокидов — Перисад V — «будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору» (Strab. VII, 4, 4). В процитированном пассаже из текста Страбона немалую дискуссию среди исследователей вызвал вопрос о том, каким именно варварам платил дань Боспор.

В отечественной научной литературе предпочтение отдается точке зрения, что дань выплачивалась скифам. Однако очерченная выше ситуация заставляет с большим вниманием отнестись к идее, что это были сарматы, — во всяком случае, именно с их стороны, как представляется, тогда исходила для Боспора основная угроза. Что касается боспоро-скифских отношений, то в это время они носили совсем другой характер, и для этого утверждения имеются весьма веские основания. Обнаруженные сравнительно недавно эпиграфические документы, прежде всего надпись дочери скифского царя Скилура из Пантикапея, в которой, в частности, сообщается, что эта знатная женщина была женой боспорского аристократа Гераклита, позволяют предполагать самые тесные связи Боспора со скифами на самом высоком уровне. Из другой пантикапейской надписи известно, что знатный скиф по имени Аргот в 170–150 годах до н. э. был супругом боспорской царицы Камасарии — иными словами, состоял в элите государства. В 1999 году при раскопках столицы Крымской Скифии — Неаполя Скифского — были обнаружены фрагменты надписи «могучего Аргота, повелителя Скифии». Есть все основания считать, что названный здесь Аргот и супруг Камасарии — одно и то же лицо. Ю. П. Зайцев в связи с этим предполагает, что брак с боспорской царицей стал началом его политической карьеры, важным межгосударственным актом, во многом определившим дальнейшую судьбу Аргота⁶². Как видим, имеются немалые основания считать, что в середине — второй половине II века до н. э. существовал боспоро-скифский союз, ставший важным фактором военно-политической ситуации в Северном Причерноморье. Признавая важность этого союза, следует, однако, осознать и все его своеобразие.

Сам по себе боспоро-скифский союз, конечно, не означал того, что боспорцы были свободны от дани скифам. Ю. Г. Виноградов был не совсем прав, утверждая, что с союзников дань взиматься не могла⁶³; она скорее всего взималась в скрытой форме дипломатических даров. Зададимся, однако, другим вопросом: могли ли этот союз и эти дипломатические дары гарантировать безопасность Боспора, надежно защитить его восточные границы в столь непростой обстановке?

Золотая монета Митридата VI Евпатора

Думается, что нет. То, что в свое время могла обеспечить Боспорскому государству Великая Скифия, Малой Скифии было явно не по силам. Когда же в результате нарастающей дестабилизации региона неэффективность этого альянса стала вполне очевидной, был найден новый спасительный вариант в виде передачи власти понтийскому царю Митридату VI Евпатору.

Глава 4

Боспор в составе державы Митридата Евпатора

Подчинение Боспора понтийскому царю

Детали сложной и драматической истории, связанной с переходом власти на Боспоре к царю Понта, известны прежде всего по знаменитому декрету в честь Диофанта, обнаруженному при раскопках Херсонеса. Надпись повествует о том, что Херсонесское государство, оказавшееся в трудной ситуации из-за натиска скифов, обратилось за помощью к Митридату. На помощь к херсонеситам было прислано понтийское войско во главе с Диофантом. После первых побед над скифами и таврами он прибыл на Боспор, чтобы предупредить возможное выступление боспорцев на стороне скифов. Эта акция представляется вполне оправданной, ибо боспоро-скифский союз как будто к тому должен был обязывать. Возможно, тогда и была достигнута предварительная договоренность о передаче власти Перисадом V («Последним») понтийскому царю.

Вновь разгромив скифов, которые попытались взять реванш, и выступивших на их стороне роксоланов (в надписи названы «ревксиналами»), Диофант второй раз прибыл на Боспор, где «устраивает тамошние дела прекрасно и полезно для Митридата Евпатора». Этот пассаж декрета, вероятнее всего, следует понимать как свидетельство об окончательном решении вопроса о передаче власти царю Понта. Против такого поворота событий выступили скифы во главе с Савма-

ком; в результате поднятого ими восстания Перисад был убит, Диофанту же удалось спастись на херсонесском корабле. Собрав силы, понтийский полководец начал карательную экспедицию, «взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство (то есть в Понт)». Перечисленные бурные события, вероятно, охватили весь 107 год до н. э., с этого времени почти на пятьдесят лет Митридат VI Евпатор стал владыкой Боспора, а вскоре фактически и всего Северного Причерноморья.

Разумеется, отнюдь не все детали этих важных событий освещены имеющимися источниками в достаточной степени. В научной литературе, как известно, большую полемику вызвало то место декрета в честь Диофанта, в котором говорится, что скифы во главе с Савмаком убили Перисада, «вскормившего его», но кого именно вскормил боспорский царь, остается не вполне ясным. Традиционно это выражение относят к Савмаку, который соответственно совершил страшное злодеяние, подняв руку на своего благодетеля. Сам он при этом рассматривается как скифский царевич, получивший воспитание при дворе боспорского царя.

Академик С. А. Жебелёв в слове «вскормившего» усмотрел указание на рабскую принадлежность Савмака, и скифское восстание при этом стало рассматриваться как выступление рабов⁶⁴. Это проявление классовой борьбы на Боспоре было поставлено в ряд других крупных рабских восстаний, потрясших античный мир. В советской антиковедческой литературе гипотеза С. А. Жебелёва, по существу, сразу стала господствующей, получив статус почти бесспорного факта. В наши дни этой точки зрения как будто уже никто не придерживается, а вскормленником Перисада считают не только Савмака, но и Диофанта, и даже самого Митридата Евпатора. На наш взгляд, логичнее всего считать, что при дворе Перисада был «вскормлен» скифский царевич Савмак.

Ю. Г. Виноградов в этих событиях видел дворцовый переворот, осуществленный полуварварской верхушкой Боспорского царства⁶⁵. Действительно, с имеющимися материалами больше согласуется представление о восстании Савмака как о попытке скифов удержать Боспор в орбите своего влияния

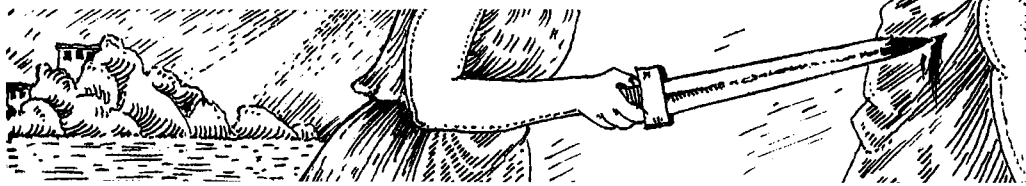
и, возможно, втянуть его в борьбу против Херсонеса. Следует особо подчеркнуть, что эти события никак нельзя считать случайными, связанными с действиями только скифского царевича-авантюриста и его окружения, напротив, они стали закономерным следствием боспоро-скифского сближения.

Восстание Савмака и боевые действия Диофанта против мятежников, безусловно, должны были привести к разрушениям боспорских поселений, и действительно, разрушения фиксируются при археологических раскопках. В конце II века до н. э. погибло городище Крутой Берег в Восточном Крыму. На рубеже веков или несколько позднее был разрушен Зенонов Херсонес. На азиатской стороне Боспора в конце II века до н. э. погибло Раевское городище. К интерпретации перечисленных археологических фактов исследователи по большей мере подходят весьма осторожно. Лишь разрушения Пантикапея этого времени, где погибли все монументальные здания, были уничтожены укрепления акрополя и пр., уверенно связываются с потрясениями, которые столица Боспора испытала при последнем Перисаде и в период владычества Митридата Евпатора.

Наряду с победой Диофанта над скифами Савмака имеются сведения о победах на Боспоре Киммерийском другого понтийского полководца — Неоптолема. Краткая информация об этом содержится в двух пассажах из «Географии» Страбона. Приведем обе цитаты.

«Лед в этих местах столь крепок у устья Меотийского озера (то есть в Керченском проливе), что в том месте, где зимою военачальник Митридата победил варваров в конной битве на льду, он же разбил в морском сражении тех же варваров летом, когда лед растаял» (Strab. II, 1, 16). «Рассказывают, что полководец Митридата Неоптолем в одном и том же проливе летом разбил варваров в морском бою, а зимой в конном» (Strab. VII, 3, 18).

Эти скупые упоминания важны в нескольких аспектах. Е. А. Молев вполне обоснованно считает, что победы Неоптолема «привели к утверждению прав Митридата на весь Боспор и установлению дружественных отношений с варварскими племенами Подонья — Приазовья»⁶⁶, то есть, безусловно, имели очень большое, можно сказать, историческое

значение. В высшей степени любопытен, конечно, и сам факт сражения на льду.

Наибольший же интерес ученых, разумеется, привлёк вопрос о том, каких именно варваров и когда разбил Неоптолем на Боспоре. По причине краткости упоминаний Страбона и отсутствия другой информации неудивительно, что высказанные точки зрения очень сильно разнятся. В противниках понтийского полководца видели скифов, скифов и тавров, скифов и ахейцев, сарматов и т. д. Логика рассуждений исследователей, касавшихся этого сюжета, сводится к тому, что конницей должны располагать кочевники (скифы и сарматы), но поскольку предполагать у них наличие флота, пусть самого примитивного, в высшей степени затруднительно, то считается, что кочевников поддерживали племена, занимавшиеся морским разбоем (тавры, ахейцы и др.). В процитированных выше пассажах Страбона, однако, говорится, что Неоптолем разбил одних и тех же варваров, то есть, как можно понимать, имеющих конницу и располагающих флотом.

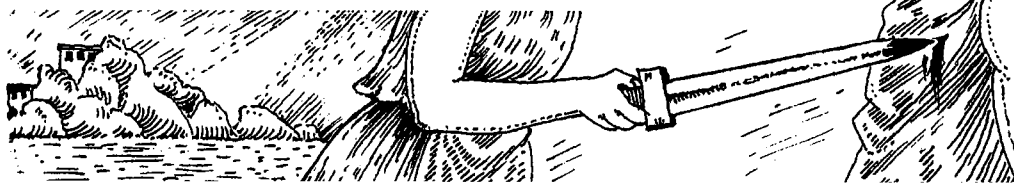
Удивительно, но немалое количество сторонников имеет и точка зрения, что понтийский военачальник сражался против восставших боспорцев. Это, на наш взгляд, никак нельзя принять хотя бы по той причине, что Страбон не мог назвать боспорцев варварами. Для него, как и для других античных историков, они, конечно, были эллинами, пусть и заброшенными судьбой к самым северным рубежам ойкумены и по этой причине в культурном отношении весьма своеобразными, но все-таки эллинами. Спасти их от варварской угрозы как раз и должен был Митридат Евпатор со своими полководцами.

Более распространенной и логичной является точка зрения, что это были какие-то меотские или территориально близкие им отряды, которые стремились нанести удар по Боспору с востока. В. Ф. Гайдукевич с полным основанием отмечал, что нападающие, по-видимому, действовали из азиатской части государства, пытаясь при этом захватить переправы и прорваться на европейскую сторону⁶⁷. Во всяком случае, локализация противников понтийского царя вблизи от границ Азиатского Боспора представляется бесспорной.

В отношении времени двух сражений на Керченском проливе можно предполагать, что они произошли либо в конце II века до н. э., вскоре после подавления восстания Савмака (107 год до н. э.), либо же после неудач Первой Митридатовой войны с Римом, когда Боспор попытался выйти из-под власти Понта (App. Mithr. 64). Первая точка зрения представляется намного предпочтительней хотя бы по той причине, что позднее Первой войны полководец Неоптолем вообще не упоминается в источниках. Есть веские основания полагать, что после предательства другого видного полководца Митридата — Архелая (85 год до н. э.), бывшего Неоптолему братом, того вообще отстранили от командования войсками.

Но все-таки с кем же из местных варваров пришлось сразиться Неоптолему два раза? Для ответа на этот вопрос зададимся другим: какому из местных племен, кроме, разумеется, скифов, было невыгодно подчинение Боспора понтийскому царю? Кто еще был заинтересован в сохранении старого порядка, мог нанести удар с востока и к тому же располагал флотом? Как ни мало мы знаем о варварских народах Северного Причерноморья этого времени, ответ напрашивается сам собой. Выше уже упоминались пиратствующие племена ахейцев, зигов и гениохов, которым содействовали правители Боспора. Таким образом, позиции этих варваров в районе пролива были достаточно прочны, а сложившаяся ситуация была им в высшей степени выгодна. Нет сомнения, что великий царь, утвердив свою власть на Боспоре Киммерийском, не стал мириться с этими безобразиями и сделал все возможное, чтобы железной рукой навести порядок на море. Пираты же, естественно, стремились к обратному, в результате чего и произошли два сражения.

Другие местные племена, как представляется, не располагали флотом для проведения морского сражения, за исключением, разумеется, тавров и сатархов, о пиратстве которых имеется информация, но их участие в событиях на Боспоре пока не поддается сколь-либо логичному объяснению. Любопытную трансформацию по рассматриваемому вопросу претерпели взгляды Е. А. Молева. Поначалу он считал, что это был флот Савмака, который привлек на свою сторону синдов и меотов, позднее же стал допускать, что скифов своим фло-

том поддержали ахейцы, зиги и гениохи, но в конном сражении на льду с понтийцами, по его заключению, бились одни скифы⁶⁸. Последнее допущение, необходимо подчеркнуть, противоречит тексту Страбона, поскольку в интересующем нас фрагменте говорится о двух победах Неоптолема над одними и теми же варварами. В таком случае логично было бы предполагать, что и в конном сражении вместе со скифами принимали участие ахейцы, зиги и гениохи. По мнению Е. А. Молева, это было невозможно по той причине, что, как ему представляется, описание быта ахейцев у Страбона не позволяет предполагать наличие у них конницы.

Но тут следует отметить, что быт ахейцев древний географ не описывал вообще, его занимали лишь их морские разбои. Вывод же об отсутствии у ахейцев конницы представляется просто наивным, поскольку трудно себе представить варварский народ, особенно в непосредственной близости от степей, у которого бы по крайней мере аристократия не имела привычки владеть конями и в случае надобности выступать в поход в конном строю. О силе сухопутной армии ахейцев можно судить по тому, что карательная акция, предпринятая против них Митридатом после Второй войны с Римом, оказалась неудачной, более того — в результате сражений и из-за тяжелого климата было потеряно две трети понтийского войска (App. Mithr. 67).

Впрочем, мнение Е. А. Молева об отсутствии у северокавказских морских разбойников конницы, несмотря на всю его спорность, при определенном смещении акцентов, как представляется, все-таки может способствовать лучшему пониманию сути происшедших событий. В этом отношении стоит обратиться к деяниям других морских разбойников, гораздо более знаменитых, чем ахейцы, зиги и гениохи, а именно — норманнов. Их набеги, как хорошо известно, в VIII—XI веках держали в страхе всю Европу.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что в плане ведения боевых действий норманны представляли собой типичную «морскую пехоту». Писавшие о них восточные авторы неоднократно отмечали, что если бы норманны были всадниками, то они бы стали «великим бичом для людей» и «приобрели бы господство над многими народами». Но этого не произошло.

Лошади, однако, у норманнов были. Данные археологии убедительно свидетельствуют о том, что население Скандинавии наряду с другими домашними животными разводило лошадей, погребения с конями имеются в местных некрополях. Этих животных даже приносили в жертву богам. Во время походов во Францию норманны делали набеги не только на ладьях, но и в пешем порядке, и на лошадях. Местному населению под страхом наказания было строго запрещено продавать пришельцам лошадей, так же как и вооружение. Все эти детали, безусловно, очень любопытны, но тем не менее конными воинами норманны так и не стали — как сообщает один персидский автор, на коне они не обнаруживали присущей им смелости. Это, по нашему мнению, указывает на одну простую, но чрезвычайно важную истину, — вооруженный человек, сидящий на коне, совсем не обязательно конный воин. Для того чтобы стать таковым, и он сам, и его конь должны пройти специальную подготовку.

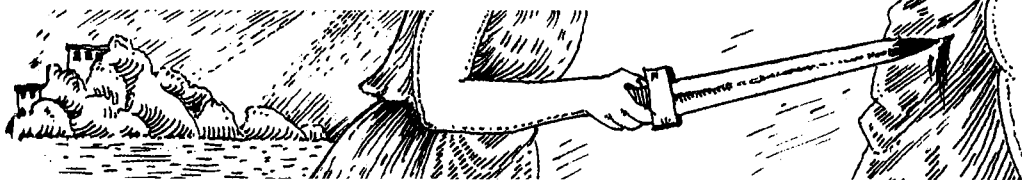

Возможно, сходная ситуация имела место в античное время в приморской полосе Северного Кавказа, где обитали ахейцы, зиги и гениохи. Лошади у них, конечно, имелись, но держать строй в бою они обучены не были. Может быть, именно по этой причине Неоптолем и решил дать им сражение на льду. Логика понтийского полководца проста — в особых условиях небольшому отряду профессиональной конницы легче одолеть массу всадников, которые вообще не привыкли сражаться в конном строю.

Кратко резюмируя изложенное, можно признать, что главными противниками Митридата VI Евпатора в борьбе за власть над Боспором были, с одной стороны, крымские скифы, а с другой — ахейцы, зиги и гениохи. Источники позволяют считать, что впоследствии и с теми, и с другими понтийскому царю пришлось столкнуться неоднократно.

С обстоятельствами борьбы Митридата за Боспор, как можно предполагать, связано сооружение одного любопытнейшего памятника. Это самый грандиозный в Восточном Крыму курган Кара-Оба, расположенный сравнительно недалеко от Керчи; его высота составляла 25,6 метра, диаметр насыпи — около 120 метров. Масштабность памятника еще

более усиливается от того, что он был насыпан на одной из вершин холмистой гряды, в 2,5 километра на северо-запад от знаменитой Куль-Обы при выходе в открытую степь. Положение памятника, надо признать, в высшей степени показательно.

Курган раскапывался в 1859–1861 годах директором Керченского музея А. Е. Люценко и через сто лет, в 60-х годах XX века, известным скифологом П. Н. Шульцем, но до конца так и не был исследован. В результате проведенных работ выяснена особенность конструкции кургана — наличие двух мощных каменных крепид, то есть обкладок основания насыпи. Но Кара-Оба уникальный памятник не только благодаря наличию этих крепид, а еще и потому, что он скорее всего имел форму ступенчатого конуса. Сделанные при раскопках находки позволяют считать, что курган был сооружен во II веке до н. э., может быть, во второй его половине. Что же стало причиной возведения в это время в этом месте такого необычного по своей конструкции кургана?

Несмотря на то что памятник до сих пор полностью не исследован, предположение, что здесь был погребен боспорский царь, вызывает большие сомнения. Кара-Оба, как представляется, имела совсем иное предназначение. Для понимания этого памятника, на наш взгляд, принципиальное значение имеет могила, обнаруженная А. Е. Люценко под насыпью на скале. Она была заполнена человеческими костями, как бы изрубленными на части, это дало возможность предположить, что курган насыпан в честь битвы, происшедшей поблизости.

Петербургский археолог А. Н. Щеглов сопоставил Кара-Обу с памятником, отдаленным от Боспора, но типологически ему очень близким, — Шверинским курганом, расположенным в окрестностях Херсонеса. Этот памятник тоже выделяется большими размерами и необычной конусовидной формой насыпи. При раскопках здесь были обнаружены две каменные крепиды, а между ними — бронзовый сосуд, заполненный черной массой — вероятно, сожженным прахом покойного (покойных?), который был полит благовониями. Местные жители утверждали, что в окрестностях они находили человеческие черепа.

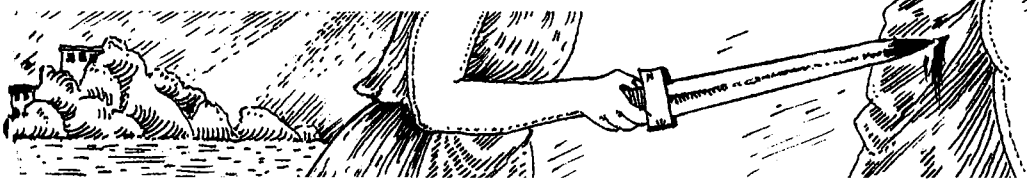
А. Н. Щеглов считал, что сходство Кара-Обы и Шверинского кургана не случайно. Эти курганы, более грандиозные, чем Сорос, сооруженный над прахом греческих воинов, погибших в Марафонской битве, и не менее эффектные, чем трофей римского императора Траяна, возведенный на месте, где в 92 году был разгромлен XXI Стремительный легион, по мнению А. Н. Щеглова, представляют собой памятники мемориального характера и связаны скорее всего с победами войск Митридата под Херсонесом и на Боспоре в конце II века до н. э. Иными словами, они должны были увековечить память о подвигах понтийских воинов в сражениях со скифами, победы над которыми стали важными событиями в деле создания черноморской державы Митридата. Такая трактовка, на наш взгляд, представляется очень вероятной.

После подчинения владыке Понта Боспорского царства, а также Херсонеса и Ольвии была создана Всепонтийская держава, в которой Черное море стало, по существу, внутренним. Планы Митридата, как известно, шли еще дальше, и в них столкновение с Римом было абсолютно неизбежно. В этой войне Северному Причерноморью отводилась роль поставщика воинских контингентов, всевозможного снаряжения, продовольствия и т. д. Основная масса войск при этом рекрутировалась из среды варварских племен, часть которых была подчинена Митридату, царьки других считались его друзьями.

Создавая державу, Митридат Евпатор столкнулся с противодействием ряда племен Северного Причерноморья. Выше говорилось о его борьбе с крымскими скифами и поддерживавшими их роксоланами, а также с ахейцами, зигами и гениохами. Все они в той или иной мере должны были признать авторитет владыки Понта. Позднее, уже в начале I века до н. э., Митридату были подчинены бастарны и сарматы, обитавшие в Северо-Западном Причерноморье. Вполне возможно, что они были покорены Неоптолемом, если связывать с его военными победами башни Неоптолема, засвидетельствованные Страбоном в устье Тираса — Днестра (Strab. VII, 3, 16). Именно так трактуют это краткое упоминание некоторые исследователи.

Контроль над этим сложным племенным миром, надо думать, для Митридата был задачей более трудной, чем его покорение. Следует полагать, что великий царь проводил весьма последовательную и продуманную политику по отношению к северопричерноморским варварам. Нет сомнения, что своим крымским победам Митридат придавал большое значение в той глобальной борьбе, которую он начинал с Римом, при этом значение не только в практической плоскости, но и в плане пропагандистском. Он провозглашался победителем скифов, ранее не знавших поражений, то есть вождем, превзошедшим Кира, Дария и Зопириона. Естественно, это означало, что Риму справиться с ним будет не по силам.

Пропагандистские декларации, однако, не обязательно соответствуют действительности, и если попытаться отменить многие суждения современных исследователей, ставших их жертвой, то картина связей понтийского царя с варварами Северного Причерноморья представится несколько иной и, думается, значительно более сложной и драматичной. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют считать, что верными союзниками Митридата в борьбе с Римом были отнюдь не скифы, а сармато-меотские племена Прикубанья, бастарны и некоторые другие⁶⁹.

Боспор и Митридатовы войны

После утверждения власти понтийского царя, сопровождавшегося бурными событиями, связанными с восстанием под руководством Савмака, а также борьбой с разбойничающими племенами ахейцев, зигов и гениохов, началась новая страница истории Боспора. Он стал тем ключевым пунктом, опираясь на который Митридат мог распоряжаться материальными и людскими ресурсами всего региона. Вряд ли можно сомневаться в том, что Боспор достаточно жестко контролировался царской администрацией, ибо только такой контроль мог обеспечить владыке Понта необходимую базу в задуманной им борьбе за гегемонию в античном мире.

Столь важный стратегический пункт необходимо было надежно укрепить, имея при этом в виду в первую очередь не вероятные действия главного противника — Рима, а втор-

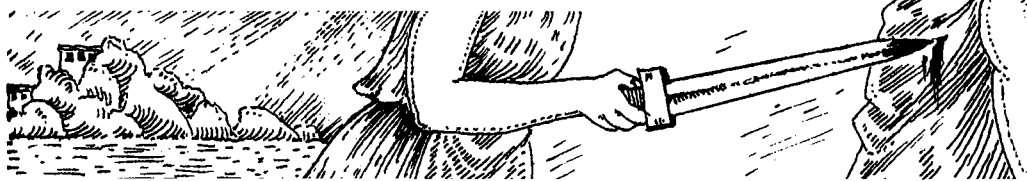
жения со стороны местных варварских племен. Племенной мир Северного Причерноморья, как говорилось выше, в это время отличался большой подвижностью, и ситуация здесь могла быстро измениться в самом неблагоприятном для понтийского царя направлении.

Поэтому царь Понта разместил в ключевых пунктах Боспора свои гарнизоны. Важную информацию для понимания положения этих контингентов дает надпись, обнаруженная в 1986 году в окрестностях Фанагории; она датируется 88/87 годом до н. э. Из нее следует, что в городе находился отряд наемников, которым было даровано гражданство. Ю. Г. Виноградов обоснованно предположил, что в 87 году до н. э., когда войска римского полководца Суллы поставили Митридата в очень трудное положение и царь был жизненно заинтересован в получении денежных средств, фанагорийцы, чтобы не платить наемникам, сделали их гражданами⁷⁰.

Совсем не удивительно, что именно при Митридате Евпаторе в основном была создана система укреплений границ Боспора, которая, правда, начала формироваться несколько ранее и достигла максимального развития позднее, при его преемниках. По мнению С. Ю. Сапрыкина, царь Понта стал создавать на Боспоре систему военно-земледельческих поселений, заселяя их выходцами из местных племен, которые были лояльны к нему⁷¹. Укрепления, возведенные в конце II—I веке до н. э. на азиатской стороне пролива, относятся к типу эллинистических «домов-башен». Есть веские основания считать, что этот тип построек был перенесен сюда из Малой Азии, когда Северное Причерноморье стало частью Понтийской державы Митридата.

На европейской стороне Боспора активное фортификационное строительство относится в основном к более позднему времени. Можно допустить, что существовавшая здесь система укреплений и без того выглядела в целом вполне удовлетворительно. Симптоматично, однако, что во второй четверти — середине II века до н. э. укрепленное поселение было построено у села Новоотрадное в Восточном Крыму.

Борьба Митридата с Римом растянулась на долгие годы. Проведенные им войны — Первая (88—85 годы до н. э.), Вторая (83—82 годы до н. э.) и Третья (74—63 годы до н. э.) —

наполнены походами и сражениями, славными победами и кровавой резней, примерами верности и гнусного предательства. Все в них переплелось! В специальной литературе развитие борьбы Понта с Римом описано достаточно подробно, и вряд ли стоит еще раз останавливаться на этой истории. Для нас перипетии Митридатовых войн интересны не сами по себе, а лишь в той мере, в какой они касались Боспора Киммерийского.

В этом отношении необходимо указать, что уже во время Первой войны неудачный для Митридата ход военных действий привел к попытке отделения Боспора от Понтийской державы (App. Mithr. 64). Царь, естественно, не мог такого допустить и стал готовить для похода против боспорцев большой флот и огромную армию. Размах приготовлений был столь велик, что у римлян даже возникло подозрение, будто все это собирается не для карательной акции, а для новой кампании против Рима. Это, собственно, и стало поводом для начала Второй Митридатовой войны, а поход понтийских войск на Боспор состоялся уже после ее завершения. О нем мы знаем очень мало. Аппиан сообщает лишь то, что произошли неудачные для понтийцев военные столкновения с ахейцами. Потеряв две трети войска (конечно, экспедиционного корпуса, а не всей армии) в боях и из-за болезней, Митридат вынужден был вернуться (App. Mithr. 67). Позднее скорее всего он предпринял еще один поход, и ахейцы были подчинены; во всяком случае, в период Третьей войны они упоминаются в составе войска понтийского царя.

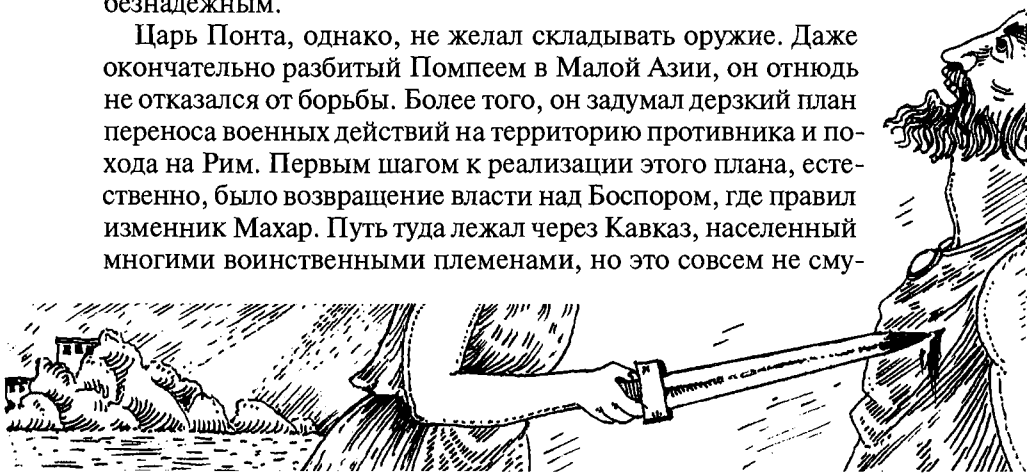
В это же время Митридату на Боспоре пришлось бороться еще с одним варварским объединением. Об этом свидетельствует надпись, обнаруженная не так давно на некрополе Нимфея. Она выражает благодарность за победу, одержанную над варварами, если судить по некоторым ее особенностям, после Первой Митридатовой войны. С. Ю. Сапрыкин считает, что тогда победили сарматов⁷², а В. П. Яйленко полагает, что это были скифы⁷³. Более вероятной представляется вторая точка зрения, поскольку возведение памятника Митридату в честь победы над какими-то другими варварами (сарматами или т. п.) на Европейском Боспоре кажется не вполне логичным, а вот в контексте победы над крымскими скифами

это уместно. В свете этого вероятным представляется, что попытка боспорцев выйти из состава Понтийской державы после поражений Митридата в Первой войне с Римом была связана с позицией не греческих городов, а некоторых из местных варварских племен. Эти варвары, воспользовавшись благоприятной ситуацией, попытались восстановить на Боспоре утерянные позиции. По всей видимости, и на сей раз инициатива исходила прежде всего от скифов или ахейцев, которые не забыли о своем былом влиянии в районе пролива.

Вернув себе власть над Боспором, Митридат назначил здесь правителем своего сына Махара. К этому времени он уже полностью прекратил разыгрывать роль защитника эллинских свобод и пытался сконцентрировать все силы на борьбе с Римом. Определяя территориальные границы владений Махара, В. Ф. Гайдукевич считал, что ему был подчинен не только Боспор, но и все другие греческие центры Северного Причерноморья⁷⁴, что, очевидно, следует принимать с определенными оговорками. Конечно, Махар не был царем Боспора и тем более всего Северного Причерноморья; это был наместник, управляющий от имени понтийского царя, но роль его в регионе была существенной.

Поражение, нанесенное Митридату римским полководцем Лукуллом во время Третьей войны, привело к тому, что Махар осознал бесперспективность дальнейшей борьбы с могучим противником и решился на измену. Он направил к Лукуллу посольство, даровал ему золотой венок ценой в тысячу золотых и «заключил дружбу» (App. Mithr. 83; Plut. Luc. 24); римлянам были направлены также запасы продовольствия, подготовленные для нужд войск Митридата (Memn. 54, 1). После предательства сына положение Митридата стало почти безнадежным.

Царь Понта, однако, не желал складывать оружие. Даже окончательно разбитый Помпеем в Малой Азии, он отнюдь не отказался от борьбы. Более того, он задумал дерзкий план переноса военных действий на территорию противника и похода на Рим. Первым шагом к реализации этого плана, естественно, было возвращение власти над Боспором, где правил изменник Махар. Путь туда лежал через Кавказ, населенный многими воинственными племенами, но это совсем не сму-

шало великого царя. С некоторыми из этих племен он сумел договориться, а других принудил к повиновению силой. Известно, что он был дружески принят гениохами, а вот с ахейцами вновь пришлось воевать. Митридат одержал еще одну (третью?) победу над ними, после чего ахейцы способствовали успешному завершению его нелегкого пути (Strab. XI, 2, 13). Показательно, что Помпей не рискнул преследовать Митридата, поскольку опасался неизвестных и воинственных племен, которые могут встретиться на пути.

Совершив рискованный переход через Кавказ, владыка Понта явился в Прикубанье. Местные племена приняли его радушно, пропустили через свою территорию; с ними был произведен обмен подарками и заключен союз, для укрепления которого Митридат отдал замуж за наиболее могущественных вождей своих дочерей. Как свидетельствует Аппиан, именно во время этого похода у него окончательно сложился план вторжения в Италию через Альпы (App. Mithr. 102). Думается, что поддержка меото-сарматских племен должна была сыграть в этом важную роль. Помпей же, оценив ситуацию, отдал приказ о морской блокаде Боспора Киммерийского (Plut. Pomp. 39).

Вряд ли можно согласиться с заключением Г. Бенгтсона, что «своим авантюрным бегством в Пантикапей» понтийский царь сам исключил себя из мировой политики⁷⁵. Нет, совсем напротив, этим отчаянным шагом Митридат попытался сохранить себя в мировой политике, использовать свой последний шанс в борьбе с грозным противником.

Махар, узнавший о том, что отец проделал огромный путь в столь короткое время, и, очевидно, этого не ожидавший, не предпринял никаких попыток сопротивления. В конце концов он был вынужден бежать в Херсонес и, чтобы избежать преследования, сжег корабли. Эта предосторожность оказалась напрасной — у Митридата нашлись другие корабли, и, оказавшись в абсолютно безнадежной ситуации, Махар покончил жизнь самоубийством.

По сообщению Аппиана, царь «захватил Пантикапей», а его военачальники — другие укрепленные места (App. Mithr. 107–108). Из этого следует, что Митридат восстановил свою власть над Боспором силой оружия. Археологические мате-

риалы подтверждают такую точку зрения. Серьезные разрушения зафиксированы при раскопках Пантикапея; небольшая крепость Порфмий на месте переправы через пролив вовсе прекратила существование. В слое разрушения на городище Патрей обнаружены даже два человеческих скелета. Можно достаточно уверенно говорить о том, что во время действий понтийского царя против сына-изменника пострадал Мирмекий. Во второй половине I века до н. э. центральная часть этого города представляла собой руины. Одновременно с Мирмекием скорее всего была разрушена сельская усадьба, расположенная в его окрестностях. По заключению А. А. Масленникова, все сельские поселения Восточного Крыма тогда лежали в развалинах⁷⁶. Правда, не следует забывать, что перед прибытием царя на Боспор многие местные поселения пострадали от страшного землетрясения, о котором имеется сообщение у Диона Кассия (Dio Cass. XXXVII, 3, 3).

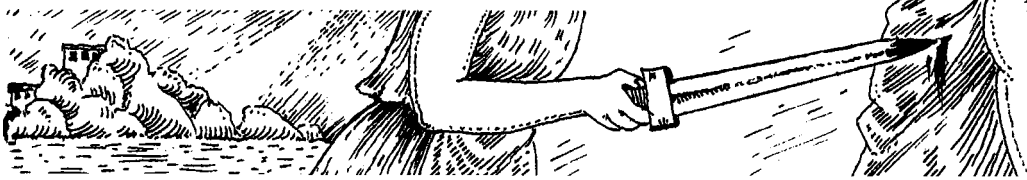

Признавая бесспорность фактов разрушения боспорских поселений, имевших место во время борьбы Митридата за восстановление своей власти в этом районе, необходимо, конечно, четко осознавать, что он прибыл сюда не только для того, чтобы покарать изменников, и даже прежде всего не для этого. Главной его целью была дальнейшая борьба с Римом, а для этого было нужно не только карать, но и созидать.

Положение владыки Понта между тем становилось все хуже; свою роль в этом, разумеется, сыграла плотная морская блокада Боспора, установленная Помпеем. В такой ситуации Митридат, уже практически потерявший свою державу, вступил в переговоры с римским полководцем. Помпей потребовал от него полной капитуляции и личной явки к римлянам. Царь в ответ пообещал послать к Помпею кого-нибудь из сыновей. Судя по всему, он попросту пытался выиграть время.

Митридат, как писал древний историк Дион Кассий, по-прежнему считал, что для него нет ничего невозможного (Dio Cass. XXXVII, 11, 2). «Он спешно стал собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетив (из их жил), и на всех наложил налоги, даже на крайне малоимущих» (App. Mithr. 107).

Археологические материалы также свидетельствуют о военных приготовлениях. Совершенствовались оборонительные системы — в Пантикапее, например, вероятнее всего, в 60-х годах до н. э. были перестроены укрепления, в результате чего куртины получили более сложную планировку, удобную для установки метательных машин. Исследователь городища В. П. Толстиков связывал эту реконструкцию с деятельностью гарнизона Митридата⁷⁷.

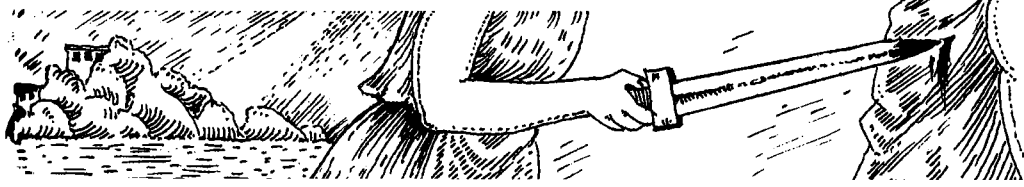
Чрезвычайные меры, усугубленные злоупотреблениями царской администрации, а также римской блокадой Боспора Киммерийского, вызвали огромное недовольство боспорцев. Между тем для задуманного похода в Италию стали собираться необходимые силы — 60 отборных отрядов по 600 человек в каждом и много другого войска. Часть этого войска была послана из Пантикапея в Фанагорию, чтобы еще больше укрепить контроль над проливом. В этом городе к этому времени уже находились сыновья и дочери Митридата и, очевидно, некоторые из его жен.

Об одной из жен стоит сказать особо. Плутарх рассказывает, что во время сражения с Помпеем, происшедшим на берегу Евфрата, царское войско было разбито, но Митридат с отрядом всадников сумел прорваться сквозь ряды неприятелей. Отряд этот быстро рассеялся, и царь остался всего лишь с тремя спутниками. «Среди них находилась его наложница Гипсикратия, всегда проявлявшая мужество и смелость, так что царь называл ее Гипсикратом. Наложница была одета в мужскую персидскую одежду и ехала верхом; она не чувствовала утомления от долгого пути и не уставала ухаживать за царем и его конем...» (Plut. Pomp. 32). Совсем недавно в Фанагории была сделана любопытнейшая археологическая находка — это мраморный постамент с вырезанной надписью «Гипсикрат, жена царя Митридата Евпатора Диониса, прощай»⁷⁸. Итак, жена (по версии Плутарха, наложница) владыки Понта была похоронена в Фанагории, при этом на надгробном памятнике стоит мужское имя, которым ее называл супруг. Высказано предположение, что Гипсикратия погибла во время бурных событий, разразившихся в этом городе на заключительном этапе войны с Римом⁷⁹.

Дело в том, что положение на Боспоре становилось все сложнее, и наконец возмущение боспорцев достигло критической черты. Стоит обратить внимание, что именно в Фанагории, куда был направлен царский отряд, вспыхнуло антимитридатовское восстание, к которому призвал горожан фанагориец Кастор. Повстанцы обложили дровами ту часть города, где находились сыновья и дочери Митридата, и подожгли ее. Почти все царские дети сдались после этого в плен; лишь царевна Клеопатра оказала сопротивление, и именно ее отец сумел спасти на специально посланном корабле.

После этих событий от Митридата отложились Херсонес, Феодосия, Нимфей и другие города по берегу Понта. Тогда царь обратился к скифам, прося их как можно быстрее прийти к нему с войском. К скифским предводителям даже были посланы дочери Митридата, но отряд, сопровождавший девушек, взбунтовался, и они оказались в руках Помпея (App. Mithr. 108; Dio Cass. XXXVII, 11, 4). Но и после этого, не рассчитывая больше на скифов, царь все еще надеялся на продолжение борьбы с Римом — он считал возможным совершить поход в Италию при поддержке кельтов, с которыми давно заключил союз и поддерживал дружбу. Но грандиозность предстоящего предприятия, похоже, смутила царское войско, в нем уже не чувствовалось боевого духа, столь необходимого в преддверии большой войны.

Митридату изменил даже сын Фарнак, которого отец высоко ценил и считал своим преемником. Судьба распорядилась так, что любимый сын встал во главе заговора, который, правда, был раскрыт, хотя это не спасло царя, а лишь подтолкнуло Фарнака к более активным действиям. Он явился в лагерь к римским перебежчикам и склонил их к выступлению против Митридата, поскольку для них возвращение на родину в рядах вражеской армии было в высшей степени неприятно. После этого царевич разослал своих сторонников по другим расположенным поблизости лагерным стоянкам. Утром следующего дня в соответствии с договоренностью перебежчики первыми издали военный клич, его поддержали войска, стоявшие недалеко от них, а также флот. Другие же присоединились к выступлению «скорее из страха, чем по доброй воле» (App. Mithr. 110).

Не сумев договориться с Фарнаком, Митридат наконец осознал крушение всех своих надежд; при этом он опасался, что мятежники выдадут его римлянам. Это было, пожалуй, главной причиной, почему он решился на самоубийство. История его неудачного отравления широко известна; все древние авторы излагают ее приблизительно одинаково (App. Mithr. 111; Dio Cass. XXXVII, 13, 1–2). Митридат решил уйти из жизни, приняв яд, который всегда носил с собой в рукояти меча. Две дочери пожелали разделить судьбу отца, они тоже приняли яд и тут же умерли. На Митридата же смертельное зелье не подействовало «вследствие привычки и постоянного употребления противоядий, которыми он всегда пользовался как защитой от отравлений» (App. Mithr. 111). Как видим, в конце жизни судьба сыграла с бывшим владыкой Понта жестокую шутку.

Завершение этой трагедии описывается по-разному: Дион Кассий считал, что Митридата убили мечами воины, которых царь раньше посылал к Фарнаку (Dio Cass. XXXVII, 13, 3). Павел Оросий писал, что это сделал солдат-галл (Oros. VI, 5, 6). Другие историки говорят, что царя убил начальник галлов Битоит (App. Mithr. 111). Несмотря на разницу в описаниях, можно предположить, что они совсем не противоречат друг другу, а просто описывают это событие с разных точек зрения. Очень может быть, что пришедший в отчаяние царь был — по его собственной просьбе — убит Битоитом, предводителем отряда галатов, который ранее был послан для переговоров с Фарнаком и соответственно принес Митридату роковое для него известие.

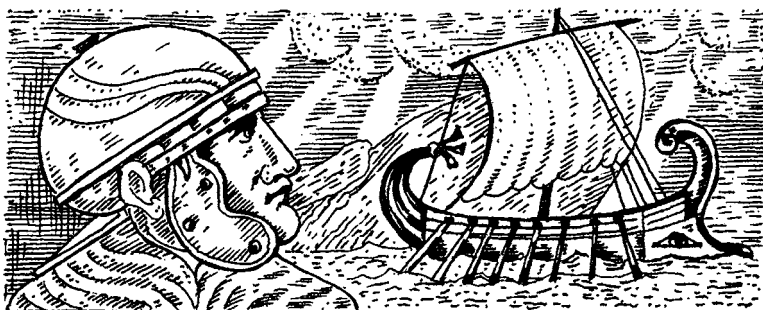
Так на берегу Керченского пролива завершил свою бурную жизнь создатель Всепонтийской державы Митридат VI Евпатор.

Оценивая митридатовский этап в истории Боспора и всего Северного Причерноморья, вряд ли стоит задаваться вопросом, мог ли владыка Понта вообще одержать победу в борьбе со столь могучим противником и соответственно могла ли история пойти совсем иным путем? Другое дело — вопрос о причинах поражения Митридата. Первая из причин вполне очевидна — военная мощь Рима, но этим вряд ли стоит ограничиваться. Важно и то, что Митридат не сумел создать

в Северном Причерноморье прочную базу для столь великого противостояния. Точнее, «единый греко-варварский блок» был создан, но оказался непрочным и просуществовал лишь до первых поражений понтийского царя. На фоне разочарований в политике Митридата все острее стали проявляться противоречия между греками и варварами Северного Причерноморья, а также противоречия внутри мира варваров, между отдельными племенами и их группировками. Эти противоречия, очевидно, удавалось лишь временно сглаживать, но отнюдь не ликвидировать. В общем, следует признать, что даже выдающейся личности Митридата Евпатора оказалось не по силам консолидировать нестабильный мир варваров Северного Причерноморья. Ход войны с Римом, да и развитие межэтнических отношений постоянно подтачивали основы этого непрочного союза, который стал быстро давать трещины в весьма существенных его составляющих, прежде всего в Крымской Скифии. Победа над Малой Скифией, как видим, не обеспечила Митридату победы над Великим Римом. Сокрушив Митридата, римляне приняли от него эстафету покровительства причерноморским грекам и, как правильно писали Я. В. Доманский и Э. Д. Фролов, справились с этой непростой задачей и успешней, и продуктивней⁸⁰.

Часть II
Военное дело и военно-политическая
история Боспорского царства
от правления Фарнака
до начала Готских войн

Глава 1

Организация и состав боспорской армии

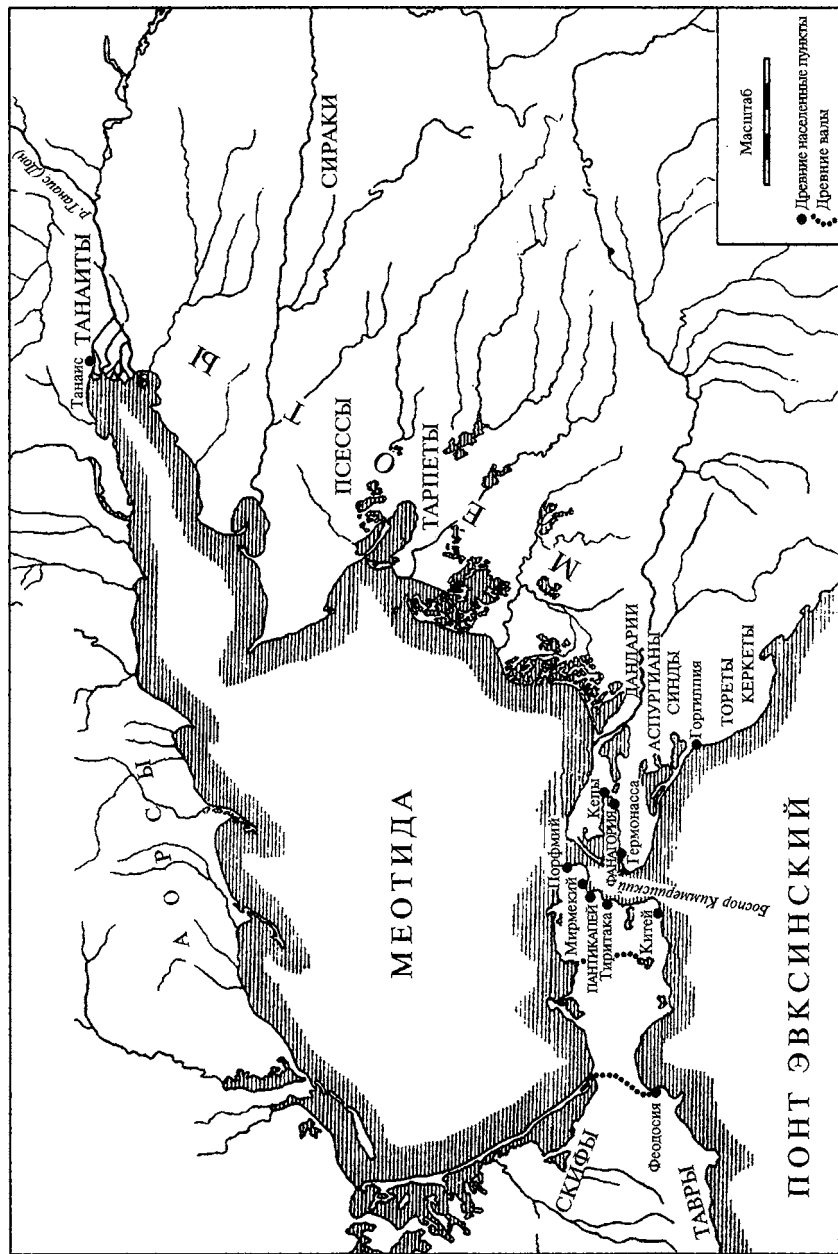
Боспорское царство первых веков нашей эры предстает перед нами как военизированное государство, ориентированное главным образом на противостояние соседним варварским племенам. Чтобы достигнуть в этом деле успеха, нужно было воспринять и творчески переработать появившиеся к этому времени в мире кочевников евразийских степей, порой за тысячи километров от рубежей Боспора, новшества в отношении вооружения, конской узды, приемов боя и тактических построений. В то же время Боспор во многом унаследовал военный опыт эллинистических монархий, дополнив его отдельными достижениями римлян.

Командный состав и комплектование армии

Главой боспорской армии, как и в предшествующий период, считался царь, и армия была для него главным инструментом поддержания власти. Возможно, как высший воинский ранг на Боспоре этого времени следует рассматривать должность, именовавшуюся *ο' ἐλί της βασιλείας* (КБН № 36, 58, 628, 1051, 1134, 1249), и трактовать ее как обозначение командования царским войском, может быть, в пределах столицы и прилегающей к ней области. Во всяком случае, в списке членов фиаса (религиозного союза) судовладельцев из Горгииппии конца II — начала III века сначала упоминается *ο' ἐλί της βασιλείας* Афинодор, сын Селевка, а затем уже наместник Горгииппии. Последняя должность сочеталась с широкими военными полномочиями, как и подобные ей, связанные со своего рода военно-административными округами — «начальник острова», «начальник аспургии», «пресбевт» (в значении, близком римскому «легат» времен империи, то есть самостоятельный наместник или военачальник).

Помимо упомянутых лиц, облеченных доверием монарха, командная структура армии включала ряд известных нам должностей, традиционных для эллинистических армий. Так, хилиархом (то есть начальником тысячи, что не следует понимать дословно) мог именоваться крупный военный чин, аналогичный римскому трибуну, или командир царской гвардии. Скорее всего начальниками значительных воинских соединений были упоминающиеся в надписях стратеги. Значимость этой должности на Боспоре подтверждается выделением в I веке н. э. на пантикапейском некрополе для лиц, занимавших ее, специального участка под названием Стратегон. Кроме того, две посвятельные надписи, относящиеся ко времени правления царей Асандра и Котиса II, поставлены от имени лиц, занимавших должность наварха — командующего флотом.

Все перечисленные должности относятся к сфере высшего командования, точную иерархию которого трудно представить. Нельзя до конца исключить и возможность того, что титул стратега носили также и крупные чиновники, занятые в гражданской сфере. Но, во всяком случае, круг людей тако-

Боспорское царство в римский период (по В. Ф. Гайдукевичу)

го рода, занимавших высшие придворные и военные посты, был не так уж велик.

Известны и менее значимые должности; например, в одной из пантикапейских надписей упоминается спираpx Гаттиан (КБН № 263). Этот термин, видимо, обозначал командира пехотного отряда в 600 воинов, равного по численности римской когорте, делившейся на три манипулы, каждая из которых включала две центурии (сотни). Примечательно, что войско, набранное Митридатом VI Евпатором на Боспоре в 63 году до н. э., состояло из шестидесяти отрядов по 600 человек в каждом. Возможно, именно с этого времени спира, созданная по образцу когорты римскими перебежчиками, стала основной тактической единицей боспорской армии. Наконец, существовала и должность лохага (КБН № 36, 1000, 1051, 1136, 1179, 1231, 1251a), функции которого до конца неясны. Видимо, лохаги были командирами отдельных небольших отрядов в составе армии, подчинявшихся непосредственно стратегам без каких-либо промежуточных инстанций. Скорее всего постоянной численности такие отряды не имели: все зависело от количества воинов, набиравшихся по территориально-административному принципу.

Как именно формировалась боспорская армия, мы можем только догадываться. В свое время В. Д. Блаватский предположил, что, как и в сарматском обществе, все свободное мужское население Боспорского царства было связано с военной службой⁸¹, но насколько обоснованна эта гипотеза? Можно утверждать только одно: по крайней мере часть населения царства была связана с его военной организацией, и вооружение воина в данном случае зависело от уровня его благосостояния.

Несомненно, определенную долю боспорского войска составляли воины-профессионалы, получавшие постоянное жалованье. Частью это были наемники иноземного происхождения, что было обычной практикой вассальных по отношению к Риму правителей. Так, на погребении иудейского царя Ирода Великого, известного всем по новозаветному сюжету об избииении младенцев в Вифлееме, в траурном шествии «сперва шли копьеносцы, затем отряды фракийцев, германцев и галлов», а затем уже все остальное войско

(Jos. Fl. Ant. XVII, 8, 3). Представляется вероятным, что в этот период и на Боспоре этнический состав наемников был примерно таким же — конечно, при некоторой доле выходцев из соседних варварских, прежде всего сарматских племен. У Аппиана в описании событий, связанных со смертью Митридата VI Евпатора в 63 году до н. э., упоминается начальник галлов Битоит (App. Mithr. 111). Вряд ли его отряд был распущен, когда на трон взошел новый царь. Изготовленные в пантикапейских мастерских терракоты конца II века до н. э. — I века н. э. воспроизводят образы воина-галата или воина в варварском одеянии со своего рода этнической эмблемой — большим овальным щитом — тюреосом. Это предполагает довольно хорошее знакомство жителей боспорских городов с их владельцами.

Как свидетельство наличия в столице отряда фракийских наемников можно рассматривать грекоязычную эпитафию Диза, сына Бифия (II век н. э.), где сказано, что он был *κεντυρίων 'ο καί πρίνκιψ* фракийской сперы (КБН № 666). В свое время это считалось свидетельством временного пребывания на Боспоре римских войск и, в частности, V Фракийской когорты. Но, судя по имени и совместному погребению с женой Еленой, этот человек не имел римского гражданства и прожил на Боспоре довольно длительное время. Дополнительным указанием на принадлежность фракийской сперы к боспорской армии служит упоминание о командовании ею в перечне этапов воинской карьеры чествуемого лица из окружения царя Савромата I в одной из пока еще не изданных пантикапейских надписей⁸².

Должность, указанная в эпитафии, обычно переводилась как «центурион и начальник отряда фракийцев», но тогда непонятно, почему Диза не называют просто спирархом, да и достаточно скромный характер известнякового надгробия не убеждает в том, что это был военачальник достаточно высокого ранга. Не исключено, что *κεντυρίων 'ο καί πρίνκιψ* — это просто греческая «калька» с латинского *centurio princeps*. Так именовали командира одной из вторых по старшинству центурий в когорте, носивших название центурии принципов. Название это сохранилось со времен, предшествовавших военной реформе Мария, знаменитого полководца Римской

республики, сделавшего армию профессиональной. Тогда каждый легион состоял из трех категорий тяжеловооруженных воинов — принципов, гастатов и триариев. Первые две набирались из молодых людей и занимали первые линии в боевом строю, в третью входили триарии — ветераны, находившиеся в резерве. Затем эти различия исчезли, остались только названия.

В данном случае указание на статус центуриона позволяет предполагать, что боспорские подразделения, созданные по римскому образцу, дублировали соответствующую организационную структуру⁸³. В III—IV веках, судя по ряду пантикапейских надписей, название этой должности существует в сокращенном, но тем не менее всем понятном варианте — $\pi\rho\acute{\iota}\nu\chi\iota\psi = \pi\rho\acute{\iota}\nu\chi\iota\lambda\omicron\varsigma$ (КБН № 35, 744, 811).

Общую численность наемных контингентов в составе боспорского войска определить невозможно. В конечном итоге она зависела от объема отпускавшихся на их содержание денежных средств. Впрочем, финансовые возможности Боспора, даже в лучшие времена, в период его первого расцвета в IV веке до н. э., не простирались далее содержания 4000 наемных воинов. Условно эту цифру можно принять за основу и для римского времени. Она вполне сопоставима с количеством воинских сил, выделенных для поддержания порядка на северном побережье Понта Эвксинского при императоре Нероне, — 3000 солдат (Jos. Fl. Bell. Jud. II, 16, 3).

Отборная часть боспорских воинов, судя по всему, несла постоянную военную службу при дворе. В случае военных действий это элитное подразделение, по-видимому, выступало как конный корпус типа «агеми» — отряда конницы численностью в тысячу человек — в войске Селевкидов. Любопытно, что Фарнак, потерпев поражение от Юлия Цезаря в битве при Зеле (47 год до н. э.), бежит в Синопу именно с тысячей всадников, а затем вместе с ними возвращается на Боспор, что позволяет рассматривать их как отряд царской гвардии. Видимо, со времени правления Аспурга на особом положении в составе гвардии находились представители родственных правящей династии аспургиан.

Часть постоянного войска была рассеяна по гарнизонам городов и, вероятно, подчинялась наместникам соответ-

ствующих военно-административных округов. В случае развертывания масштабных военных действий в состав вооруженных сил Боспора могли включаться военные поселенцы, набравшиеся среди сельского населения или соседних варварских племен. В таком случае их размещали в заново отстроенных или возведенных от основания крепостях и предоставляли им прилегающие земельные угодья, размежеванные на отдельные участки. Подобная практика широко применялась в эллинистических государствах, обеспечивая их внушительный военный потенциал, и часто сопровождалась отменой на определенный период налогов с урожая. Возможно, поселенцы получали также оружие и прочее военное снаряжение. В свою очередь, они были обязаны нести сторожевую службу, держать под контролем дороги, участвовать в подавлении внутренних волнений и отражении нападений извне. Постоянных расходов из казны такие воинские подразделения не требовали. Конечно, в случае войны они могли получать подарки и наверняка имели долю в добыче. Успешное завершение боевых действий также, видимо, отмечалось денежными раздачами. Таким образом, военные поселения, созданные в приграничных районах на направлениях возможных вражеских вторжений, избавляли боспорских царей от необходимости содержать здесь большую армию прикрытия.

Вторая, более многочисленная часть резерва — это население боспорских городов. При его общей численности 80 000—90 000 человек в гражданском ополчении в случае необходимости могли участвовать не менее 14 000 воинов. Их роль в обороне государства возросла, очевидно, в связи с усилением городского самоуправления при Митридате VI Евпаторе. Возможно, с командованием военным отрядом горожан связана должность политарха, фигурирующая в ряде надписей. В любом случае военный аспект этой должности определенно вытекает из следующего посвящения: «В добрый час. Агафуса, сына прежнего начальника острова Сакла, сына Ортика, хорошо управлявшего в прошлые времена канцелярией, а затем ставшего доблестным политархом и превосходным лохагом вследствие своего исключительного благоразумия по отношению к владыкам-царям, отца своего

(его статую) Агафус, сын Агафуса, (поставил) памяти ради в 476 году (по боспорской эре — 179 год) и месяце Панеме, 1 числа» (КБН № 1000). Отметим также существование должности стратега граждан, судя по посвятителю надписи Зенона, сына Дада, повествующей о победах царя Савромата II (КБН № 1237).

Из ряда эпитафий становится ясно, что военная служба вовсе не была основной профессией погребенного. Наиболее характерным примером в данном отношении является найденное в Керчи надгробие I века н. э., воздвигнутое на могиле Стратоника, сына Зенона. В верхнем рельефе надгробия изображен он сам в длинном плаще-гиматии, со свитком в левой руке. Еще четыре свитка лежат рядом на столе с высокой ножкой в виде колонны. Все говорит о том, что это человек, связанный с наукой или литературой. В то же время на нижнем рельефе он выступает в виде конного воина. На правом боку всадника лук и колчан для стрел, на правом бедре — кинжал с кольцевидным навершием. В надписи под рельефом говорится: «Храня и мудрость и дивный характер, погиб ты, Стратоник, оставив слезы печальному отцу. Божественный друг, причисленный к прежним великим людям, будущие века узнают из книг твою прелестную мудрость. Стратонику, сыну Зенона, своему господину воздвиг это надгробие вольноотпущенник Сосий, памяти ради» (КБН № 145). Таким образом, Стратоник, писатель, а может быть, и философ, тем не менее нес военную службу, во время которой его, вероятно, и настигла смерть.

Помимо граждан боспорских городов в ряде случаев могли привлекаться и военные силы подчиненных Боспору племен — синдов, меотов, дандариев, тарпетов, торетов, псессов и танаитов. Для некоторых из них — например, синдов, — можно предположить прямое управление царя через своих наместников, для других — сохранение племенных вождей. По крайней мере в отношении дандариев это известно точно (Тас. Апп. XII, 15). В любом случае племена, включенные в состав Боспорского государства, очевидно, должны были выставлять воинские контингенты по первому требованию. При аналогичной ситуации в царстве Селевкидов туземные войска составляли около половины численности всей армии.

Надгробие Стратоника, сына Зенона.
Пантикапей. I век

Кроме того, мы знаем примеры привлечения на сторону Боспора военных сил соседних племен. Так, по сообщению Страбона, в период правления на Боспоре Фарнака царь сираков Абеак выставил 20 000 всадников (Strab. XI, 5, 8). Кстати, та же цифра фигурирует в новелле Лукиана Самосатского «Токсарис», где говорится о военных действиях, предпринятых боспорским царем, в которых принимают участие всенародное ополчение греков и призванные на помощь аланы и савроматы в количестве по 20 000 от каждого племени (Luc. Тох. 54). Подобные союзы, носившие, безусловно, достаточно временный характер, могли достигаться либо путем дипломатических браков, либо посредством богатых даров.

Такая система военной организации царства оказалась удивительно жизнестойкой даже в смутные для Римской империи годы, когда Боспор был предоставлен сам себе. Но все же она не была рассчитана на отражение значительных воинских масс противника, что показали события времени готских походов третьей четверти III века н. э.

Конница

На рубеже нашей эры, в условиях постоянных военных столкновений с кочевниками, в составе боспорской армии возрастает значение кавалерии. Своеобразным отражением ее значительного удельного веса в сравнении с пехотой можно считать тот факт, что среди пантикапейских мужских надгробий I–II веков лишь около 12 процентов имеют сюжеты с изображениями пехотинцев, в то время как 33 процента украшены рельефами с вооруженным всадником или всадниками. В вооружении боспорской конницы происходят существенные изменения, несомненно, связанные с влиянием на нее соседних сарматских племен. В частности, наряду с отрядами легковооруженных всадников появляются катафрактерии. Обычно так называют тяжеловооруженных конных воинов, у которых доспехами были защищены также кони. В отечественной научной литературе устоялось определение катафрактариев как действующих в определенном боевом порядке воинов, снабженных тяжелым доспехом и набо-

ром наступательного вооружения, главную роль в котором играет длинная тяжелая пика. Само слово «катафрактарий» в переводе с древнегреческого можно передать как «прикрытый доспехом». Видимо, отряды катафрактариев занимали в строю атакующих передовые позиции или фланги, прикрывая всадников, экипированных похуже. Как отмечает Вегетий, катафрактарии, поставленные впереди легионов или смешанные с легионерной конницей, когда начинается рукопашный бой, часто прорывают ряды врагов (Veget. III, 23). Они были своего рода «рыцарями» древнего мира. Атака сомкнутого строя подобной конницы действительно производила страшное опустошение в рядах врагов. Помимо мощи копейного удара следует учитывать огромное психологическое воздействие, которое оказывал на пешее войско вид несущейся лавины коней.

Отдельные элементы вооружения таких конных воинов, куда входили также длинный рубящий меч и иногда лук «гуннского» типа, сформировались в центральноазиатском регионе и достаточно быстро заимствовались на соседних территориях. Начало распространения их на Боспоре можно связать с аспургианами, выходцами из сарматского мира, расселившимися на восточной границе государства, между Фанагорией и Горгиппией, скорее всего в правление царя Асандра (47–17 годы до н. э.). Такая политика представляется вполне оправданной, поскольку подготовить профессиональных воинов-всадников, в совершенстве владеющих новыми видами вооружения, было достаточно сложно. Очевидно, именно включение аспургиан на правах военных поселенцев в состав военных сил Боспора со временем способствовало изменению структуры и вооружения местной кавалерии.

В данном отношении представляет интерес найденная в районе пребывания аспургиан, близ современного Темрюка, надгробная стела Матиана, сына Заидара, датирующаяся концом I века до н. э. В ее верхней части находится тщательно проработанный рельеф с самым ранним в боспорском искусстве изображением всадника-катафрактария. Облаченный в короткий панцирь с разрезом, он держит в левой руке конский повод, а правой придерживает длинное копьё,

которое не поместилось в поле рельефа и частично вышло за его пределы. Любопытно, что копье в данном случае опирается на четко показанный горизонтальный выступ седла, очевидно, имевшего деревянную основу. С правой стороны у всадника приторочен лук «гуннского» типа со спущенной тетивой и колчан для стрел.

Надгробие Матиана является работой опытного мастера, сумевшего передать ряд деталей этнографического характера, например, подстриженную «городками» гриву (у верховых коней гриву стригли, чтобы она не мешала стрелять из лука) и нахвостник у лошади. Последние особенности определенно связаны с восточной кочевой средой и не получили широкого распространения на Боспоре. Указанием на ближайший к Боспору регион, где была распространена такая мода, служит гравированный рисунок на серебряном сосуде из погребения середины I века у села Косика Астраханской области, где эта деталь имеется.

Интересно отметить, что все этнографические детали, присутствующие на стеле Матиана, мы находим и в изображении конного воина с оруженосцем на фреске пантикапейского склепа Анфестерия, сына Гегесиппа, который принято датировать последними десятилетиями I века до н. э. или началом следующего столетия. Таким образом, вполне допустимо говорить о том, что тут был захоронен выходец из аспургинской знати, и, видимо, это был далеко не единственный ее представитель, удостоившийся погребения в пантикапейском некрополе. Обращает на себя внимание открытие в ближайшем соседстве со склепом Анфестерия еще двух погребальных памятников (склеп Алкима, сына Гегесиппа, и склеп, открытый в 1891 году), демонстрирующих поразительное сходство с ним по архитектуре, особенностям стиля и живописи. Если эти наблюдения верны, то аспургиане достаточно быстро адаптировались к местному варианту античной цивилизации и на первых порах поставляли отряды тяжеловооруженной конницы нового образца в боспорскую армию. Это обстоятельство неизбежно должно было иметь определенные последствия для развития военного дела Боспора, особенно после прихода к власти представителя новой, сарматской династии — Аспурга (10/11–38 годы н. э.),

Надгробие Матиана, сына Заидара.
Около рубежа нашей эры

очевидно, предоставившего для своих сородичей режим наибольшего благоприятствования.

Формирование отрядов катафрактариев из состава боспорских горожан, видимо, началось несколько позднее, когда события, связанные с войной Митридата VIII против римлян и его брата Котиса в 45—49 годах н. э. (Тас. Ann. XII, 15—21), наглядно показали всю сложность военных действий без помощи союзной конницы. Действительно, в сюжетах многочисленных надгробных рельефов из некрополей Пантикапея и других боспорских городов вплоть до середины I века н. э. не отмечено каких-либо серьезных изменений в комплексе вооружения всадника и снаряжении коня. Впрочем, не известно и ни одного случая, когда умерший был бы представлен в тяжелом защитном доспехе. В данном случае можно согласиться с мнением В. Ф. Гайдукевича, что «надгробные рельефы изображают воинов не в походно-бытовой обстановке, а в парадном виде воина-героя, победителя, выступающего перед зрителем без полного набора ратных доспехов»⁸⁴. Отдельные компоненты доспехов в виде шлема и гораздо реже панциря встречаются только в изображениях конных оруженосцев или слуг, как правило, сопровождавших тяжеловооруженных всадников и, очевидно, перевозивших часть их снаряжения. По-видимому, это делалось, чтобы не утомлять коня катафрактария излишней тяжестью до боя. В этой связи заслуживает внимания сообщение Аммиана Марцеллина о том, что сарматы обычно ведут «в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на другую, сохранять силы коней...» (Amm. Marc. XVII, 12, 3). Именно такую картину мы видим в росписи склепа Анфестерия и на рельефе надгробной стелы Юлия Патия, где всадник в остроконечном шлеме, с большим горитом за спиной, держит поводья другой лошади, рядом еще одна, сзади жеребенок. Это была обычная практика для многих кочевых народов. Так, в начале XVI века Сигизмунд Герберштейн пишет о татарской коннице: «При набегах на соседние области каждый ведет с собой, смотря по достатку, двух или трех лошадей, чтобы, когда устанет одна, пересесть на другую и третью; усталых же лошадей они в это время ведут на поводу».

Основная масса лошадей для простых боспорских всадников, конечно, покупалась, захватывалась и выменивалась у соседних степняков или поступала от них же в виде дани, но для создания катафрактарной конницы было необходимо разводить и объезжать крепких рослых скакунов, способных выдержать вес тяжеловооруженного воина. В данном отношении интересно иранское имя Аспург, которое носил основатель династии Тибериев-Юлиев на Боспоре, означающее «имеющий мощных коней». Действительно, рост степных коней этого времени достигал в холке 154 сантиметров.

Очевидная близость длинноногих и поджарых лошадей на местных рельефах и фресках, с одной стороны, и синхронных памятниках парфянского и бактрийского изобразительного искусства — с другой, вполне согласуется с мнением гиппологов, допускающих соответствующее влияние на развитие коневодства в Северном Причерноморье. Для этих лошадей характерны небольшая голова, прямая мускулистая шея и острые, прямо поставленные уши. Ранее всего эта порода засвидетельствована письменными источниками у усуней, населявших Восточный Синьцзян. Китайцы называли таких коней «небесными» и посылали за ними военные экспедиции. Потомками этих скакунов являются ахалтекинские кони, которых до сих пор успешно разводят в Туркмении и нередко используют в качестве дипломатических даров. Их отличают привязанность к хозяину, легкость бега, выносливость и неутомимость. Во время набегов на Персию в XIX веке хивинцы проезжали на таких конях по 120 верст в день, причем в случае необходимости они в течение двух суток могли обходиться без воды.

Лошади лучших пород, очевидно, поставлялись в боспорскую армию царской конюшней, где им могли обеспечить необходимые хороший уход и кормление. Судя по надписи 234 года, управляющий ею занимал достаточно высокое положение при дворе. Можно предположить, что на Боспоре, как и в царстве Селевкидов, существовали конные заводы, где содержались племенные животные, жили объездчики лошадей и люди, обучавшие обращению с тяжелым всадническим вооружением (Strab. XVI, 2, 10). В этом отношении представляет интерес тамга царя Риметалка (131/132–153/154 годы) на

пантикапейском надгробии Атты, сына Трифона. Она изображена на лопатке лошади, видимо, полученной из царского табуна. Высокая стоимость хороших лошадей и тяжелых доспехов лишала малоимущие слои возможности служить в катафрактарной коннице. Тацит, описывая сарматских катафрактариев, отмечает, что тяжелые панцири «носят все вожди и знать» (Tac. Hist. I, 79).

Возрастание роли тяжелой кавалерии в боспорской армии привело к ряду изменений в конском снаряжении. Конская узда этого времени включала затылочный, налобный, наносный, подбородочный и нащечные ремни. Для нее характерны удила, по конструкции близкие более ранним сарматским, но несколько усовершенствованные. Такие удила включали грызла, заканчивающиеся прямоугольными рамками, и двухкольчатые псалии, позволявшие усилить воздействие на лошадь. Это достигалось за счет крепления нащечного ремня к верхнему концу псалия, а повода — к нижнему. Таким образом, при натягивании повода грызла давили не только на углы рта, но и на всю нижнюю челюсть лошади, вынуждая ее быстрее подчиняться всаднику, что очень важно в условиях быстротекущего конного боя⁸⁵. Подобный способ крепления повода мы видим на известном графито с изображением катафрактария из города Дура-Европос на Евфрате, в римской провинции Сирия.

Помимо быстрого управления для тяжеловооруженного всадника важно было удержаться на коне при столкновении с противником. Ведь стремена — это достаточно позднее изобретение: впервые они появились в Северном Китае и Корее не ранее IV века н. э. Видимо, выходом в данной ситуации стало усовершенствование конструкции седла, позволявшего обеспечить устойчивую «глубокую» посадку, необходимую для нанесения копейного удара. Создание такой конструкции с использованием деревянной основы, очевидно, следует связывать с центральноазиатским регионом⁸⁶. Не остался в стороне от этого процесса и тесно связанный с кочевым миром Боспор, что наглядно демонстрируют памятники изобразительного искусства римского времени. Так, на верхнем рельефе мраморной стелы сыновей Панталеонта из Горгииппии начала I века н. э. перед всадником изображен слегка за-

гнутый внутрь передний выступ седла с выделенным рельефным валиком краем. На нижнем рельефе присутствуют кони с седлами, имеющими вертикальные выступы и слегка выпуклую поверхность. При этом у первого коня из-под седла свешивается попона со схематично переданными складками. Ближайшей аналогией в данном случае являются массивные парфянские седла с вертикальными передними и задними выступами, известные по терракотовым статуэткам и рельефу рубежа нашей эры в храме Баалшамина в Сиа. Еще один восточный тип седла, засвидетельствованный для Боспора на некоторых фресках и надгробных стелах, — седло в виде вогнутой подушки с приподнятыми округлыми выступами. Оно могло использоваться как всадниками в облегченном доспехе, так и легкой конницей для маневренной стрельбы из лука, что в полной мере демонстрирует гравированный рисунок серебряного сосуда I века н. э. из Косики, а также парфянский графито того же времени из Старой Нисы. Из «квадратного зала» Старой Нисы происходит и фрагмент росписи батального фриза, получивший название «Беглец»: безбородый юноша со щитом, утыканным стрелами, сидит в седле с роговидными выступами, под которым попона голубого цвета.

Сходный тип седла с «рогами» использовался и в римской кавалерии, возможно, уже со времени военных конфликтов с Парфией. Он давал хорошую поддержку для основания спины и бедер всадника, компенсируя отсутствие стремян. Предпринятая П. Коннолли реконструкция кожаного римского седла из Валькенбурга (Голландия), имевшего в основе деревянный каркас с набивкой, продемонстрировала на практике удивительно высокую эффективность «рогов». Они обеспечивали большую устойчивость в момент копейного удара и позволяли не испытывать неудобства в применении длинного меча или лука. Все это повышало возможности воина в условиях конного боя. Даже при отсутствии стремян он мог чувствовать себя в седле достаточно уверенно и, в случае необходимости, далеко отклонять в сторону корпус и руки, держащие оружие. Для придания таким седлам большей жесткости «рога» могли быть дополнительно укреплены вторяющими их форму бронзовыми пластинами, подобными

найденным в римской крепости конца I века н. э. в Ньюстиде (Шотландия)⁸⁷. Интересно отметить, что упомянутой реконструкции П. Конноли почти полностью соответствуют седла, изображенные на постаменте мраморного надгробия из некрополя Горгиппии.

Впрочем, большинство боспорских рельефов с изображениями всадников, начиная со второй половины I века н. э., демонстрируют своеобразный местный тип «глубокого» жесткого седла с довольно массивной передней частью, завершавшейся ярко выраженными округлыми выступами, загнутыми внутрь по форме бедра и защищавшими нижнюю часть туловища воина. Сзади седло снабжено вертикальными выступами или задней лукой, которая наиболее детально показана на фрагменте надгробия I–II веков н. э. из собрания Темрюкского музея и терракотовой статуэтке всадника из слоя III века на поселении Артезиан. Крепилось седло с помощью нагрудного и подхвостного ремней, иногда украшенных фаларами, и подпруги. Для снаряжения более многочисленной легкой конницы применялись и мягкие седла с уже рассмотренной системой крепления. Довольно часто в задней части боспорских седел имеются три свешивающиеся ленты, очевидно, из кожи, которые были либо просто декоративным элементом, либо использовались как тороки для закрепления груза.

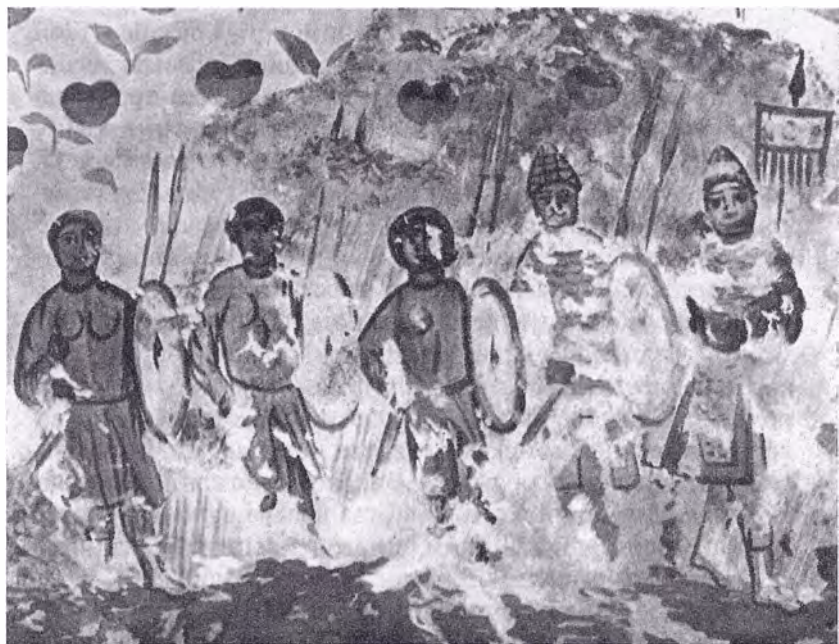
Средством защиты лошадей могли служить кожаные покрывала, подобные упоминаемым Аммианом Марцеллином в описании персидской конницы в битве 363 года при Ктесифоне (Аmm. Marc. XXIV, 6, 8). Впрочем, боспорские панцирные всадники для обеспечения большей маневренности в бою могли просто не надевать на коней защитные попоны.

Пехота

Как и конница, боспорская пехота делилась на тяжелую и легкую, объединявшуюся на поле сражения в рамках отдельных отрядов. При этом воины в защитном доспехе, видимо, выдвигались в передовую линию. При всей условности изображения именно так можно расценивать фрагмент росписи пантикапейского склепа, открытого в 1872 году. Здесь

представлен на марше небольшой военный отряд. Слева трое пехотинцев с плоскими овальными щитами, каждый из них держит в правой руке два копия одинаковых размеров. Далее тяжеловооруженный воин с аналогичным комплектом наступательного вооружения, дополненным каркасным шлемом и длинным, до колен, чешуйчатым панцирем поверх кафтан красноватого оттенка с длинными рукавами. У всех этих воинов короткие мечи находятся справа на манер римских гладиусов, и это не единственная деталь такого рода, демонстрирующая римское влияние на военное дело Боспора. Обращает на себя внимание следующий момент: во главе отряда шествует облаченный в защитный доспех знаменосец, на ногах которого зеленые штаны и мягкие белые сапожки. В руках он держит вексиллум — войсковой штандарт в виде копья с прикрепленным к перекладине прямоугольным куском материи с кистями, то есть внешне он напоминает православную хоругвь. Такие «знамена», выполнявшие две основные функции — сакральную и тактическую, — использовались в римских вспомогательных войсках в качестве знака когорты. Единственный вексиллум, дошедший до наших дней, хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Он датируется первой половиной III века н. э. и происходит из Египта, где уникальные климатические условия обеспечивают прекрасную сохранность многих древних изделий из органических материалов. Это льняное полотнище алого цвета размерами 53 на 51 сантиметр, на котором изображена богиня победы — Виктория, стоящая на земном шаре. Правой рукой она протягивает лавровый венок, а в левой держит пальмовую ветвь. Обычно такие штандарты увенчивались металлическим навершием в виде бронзовой фигурки орла или животного — покровителя данной воинской части.

Присутствие воинского знака, характерного для римлян, не должно вызывать удивления. Ведь уже Митридат VI Евпатор пытался заимствовать совершенную для своего времени тактику римской пехоты, в которой быстроту маневра обеспечивала такая структурная единица, как когорта. Для этих подразделений нового образца вполне могли использоваться принятые в римском войске значки, поскольку с их помощью

Боспорские воины.
Фрагмент росписи «Стасовского склепа». II век

легче было управлять войсками в бою. В отношении распространения в Причерноморье этого времени практики использования подобных эмблем интересно сообщение Луция Флора о том, что фракийский царь Реметалк, пришедший к власти в 11 году до н. э., «приучил варваров и к военным значкам, и к дисциплине, и даже к римскому оружию» (Flor. XXVII, 17). Видимо, тогда же под влиянием римского военного костюма в царских мастерских начинается производство поясных наборов, подражающих изделиям из провинций Германия и Реция. Что касается римского вооружения, то, хотя у Тацита в описании войны 45—49 годов н. э. с мятежным царем Митридатом VIII мы находим упоминание об оснащенных им боспорцах, оно не получило широкого распространения на территории царства. Отдельные образцы римского оружия могли поступать на Боспор благодаря торговле или с римскими солдатами, принимавшими участие в совместных военных действиях. Возможно, какую-то роль в этом отношении играли и боспорцы, отслужившие во вспомогательных войсках, хотя, как правило, там пользовались «этническим» оружием. Впрочем, уроженцы берегов Боспора Киммерийского не всегда возвращались на родину. Так, свинцовый диплом одного из солдат I Боспоранской алы, датируемый 113 годом, был найден в Регенсбурге (Германия). Подобные дипломы в виде двух пластинок, соединенных кольцами, делали своих владельцев римлянами и гражданами той провинции, где они оставались жить после отставки.

Глава 2

Оружие и доспехи

Наступательное вооружение

Рубеж нашей эры стал для обитателей евразийских степей временем поиска и разработки новых форм вооружения, что объясняется все большим применением в военных действиях тяжеловооруженной конницы. Естественно, этот

процесс не мог не затронуть и территорию Боспорского государства, находившегося в контактной зоне с бескрайним кочевым миром.

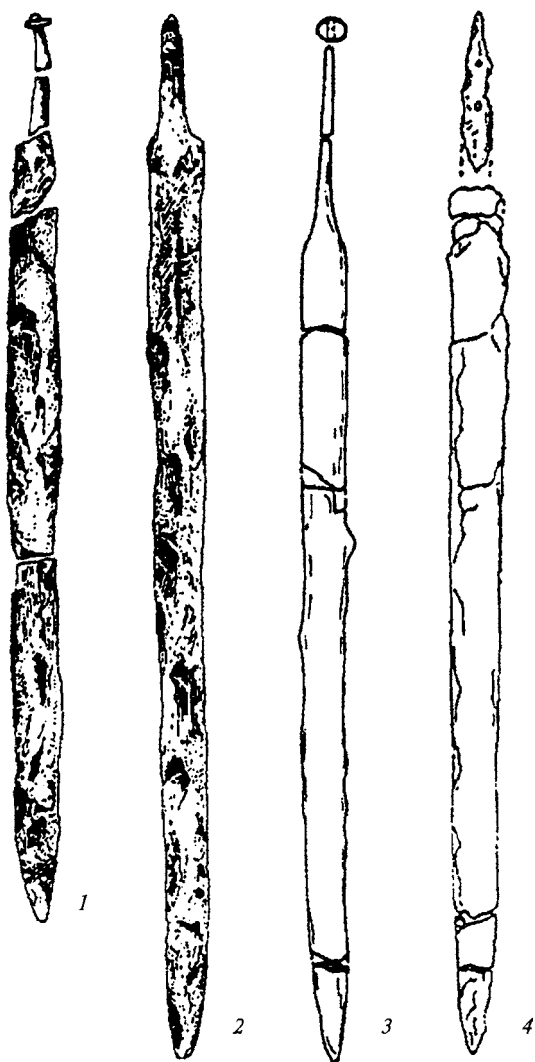
Мечи

Постоянные военные столкновения с кочевниками способствовали заимствованию ряда новшеств из военной практики сарматов, например, широкому распространению длинных мечей без металлического наконечника. В I веке до н. э. они появляются в погребальных комплексах Прикубанья, в непосредственной близости от границ Боспора⁸⁸. Из существовавших в этот период мечей первоначально боспорцами, видимо, был заимствован тип, имеющий прямое железное перекрестье. Скорее всего именно такую деталь изобразил художник, копировавший фреску рубежа нашей эры из склепа Анфестерия, хотя меч получился у него весьма напоминающим саблю, что для этого времени совершенно невозможно.

Показательно, что самая ранняя находка длинного меча на Боспоре происходит из его азиатской части. Она связана с могилой I века до н. э. в некрополе Фанагории, за которой начиналась область расселения аспургиан. Длина меча 0,75 метра. Штырь рукояти заканчивается шляпкой, под которой сохранились остатки деревянного наконечника. Определенный интерес представляет и находка резного костяного наконечника меча в резиденции Хрисалиска⁸⁹, очевидно, одного из аспургианских вождей, близких к царю Асандру. Резиденция была расположена всего в 18 километрах к северо-востоку от Фанагории и погибла около 14/13 года до н. э., в период борьбы понтийского царя Птолемея за утверждение своей власти на Боспоре.

В I–II веках на Боспоре и в Прикубанье господствует тип меча без металлического перекрестья, с рукоятью, плавно переходящей в клинок, с линзовидной в сечении формой клинка. Длина таких мечей от 70 до 112 сантиметров, ширина 3,5–5 сантиметров. Не позднее III века в этом регионе появляются более массивные мечи шириной 4,5–5,5 сантиметра, с прямым основанием клинка.

Боспорские мечи:
1, 2 — некрополь Фанагории; 3, 4 — некрополь Илурата

Длинные мечи употреблялись и пехотинцами, и всадниками, но в последнем случае, видимо, обычными были мечи длиной около 1 метра и более. Это обусловлено тем, что подобное оружие прежде всего предназначалось для нанесения прямого рубящего удара с коня и функционально должно было быть достаточно длинным. Так, Тацит, описывая события 69 года в Мёзии, упоминает длинные мечи сарматских всадников (Tac. Hist. I, 79). В данной связи уместно упомянуть и более ранний пример использования длинных мечей. Имеется в виду сообщение Тита Ливия о наличии в армии Селевкидов арабских воинов, сражавшихся на верблюдах и вооруженных узкими мечами 4 локтей в длину (около 1,8 метра), чтобы поражать врагов даже с большой высоты (Liv. XXXVII, 40, 12).

Длина и большой вес меча обеспечивали эффективность его удара в столкновении с вражеской пехотой. Той же цели служила большая рукоять. Если такой меч держали одной рукой, то центр тяжести приближался к ней. В случае необходимости всадник мог взять меч и в обе руки (Tac. Hist. I, 79). В тех случаях, когда удавалось полностью зафиксировать длину рукояти боспорских всаднических мечей, она составляла 0,19–0,23 метра, тогда как в Поволжье, как правило, не превышает 0,15 метра. Для длинных мечей, найденных в Пальмире (Сирия), этот показатель составляет как минимум 25 сантиметров. Впрочем, реальные размеры рукояти могли быть и больше. Дело в том, что в непо потревоженных сарматских погребениях Подонья — региона, связанного с Боспором через Танаис, — навершия со штифтами всегда находятся в некотором отдалении от конца штыря. Их крепили, вбивая штифт через отверстие в центре, и это заставляет предполагать, что общая длина рукояти была на 6–11 сантиметров больше самого штыря, то есть в пределах 0,25–0,34 метра.

Находки наверший мечей в других регионах, связанных с сарматами, достаточно редки, что, очевидно, объясняется более дешевым и, следовательно, менее долговечным материалом, из которого они изготавливались, — например, из дерева. Для Боспора, наоборот, отмечается большое разнообразие в отношении наверший, которые имеют самую разную форму: усеченного конуса, полусферическую, линзовидную

или овальную в сечении. Для них использовались стеклянная паста, янтарь, кость и полудрагоценные камни — оникс, агат, халседон.

Штырь рукояти боспорских длинных мечей представляет собой единое целое с клинком. Он имеет прямоугольную или округлую форму и слегка суживается к концу. Иногда встречаются отверстия для крепления обкладки рукояти, которая, судя по остаткам древесного тлена, обычно изготовлялась из дерева. В месте перехода к клинку она образовывала короткое прямое или округлое расширение, заменявшее перекрестье. Существование его не вызывает сомнений, поскольку эта деталь представлена в изображении воина на расписном саркофаге, открытом в 1900 году, и на многих пантикапейских надгробных рельефах. Небольшое перекрестье присутствует и в изображении меча на надгробии Газурия из Херсонеса, датируемом началом II века н. э.⁹⁰ Он вложен в украшенные геометрическим орнаментом ножны с прямоугольным устьем. Скорее всего мечи сходного типа имелись и на Боспоре.

Ножны мечей обычно изготовлялись из дерева. Их следы часто встречаются на клинках в виде тонкого слоя отпечатков древесных волокон. На уже упоминавшемся мече из Фанагории они были окрашены в белый цвет, для сарматских известна красная окраска, которая могла употребляться и на Боспоре. Можно допустить, что в отдельных случаях ножны обтягивались кожей или целиком были кожаными.

Самый распространенный способ ношения боспорских длинных мечей — размещение их с левой стороны, в отдельных случаях — на портупейном ремне, прикрепленном к поясу. Для крепления могли использоваться специальные скобы, часто изготовлявшиеся из нефрита, жадеита и халцедона. Не исключено, что по крайней мере для части боспорских портупейных скоб использовалось дерево. Так или иначе, но их изображения присутствуют на ряде надгробий, где они находятся в верхней части ножен на расстоянии около трети их длины от устья. Меч свободно скользил по портупейному ремню, а в случае надобности легко снимался, так как портупея, видимо, крепилась к нему при помощи пряжки. Иногда длинный меч подвешивался на ремне, перекинутом

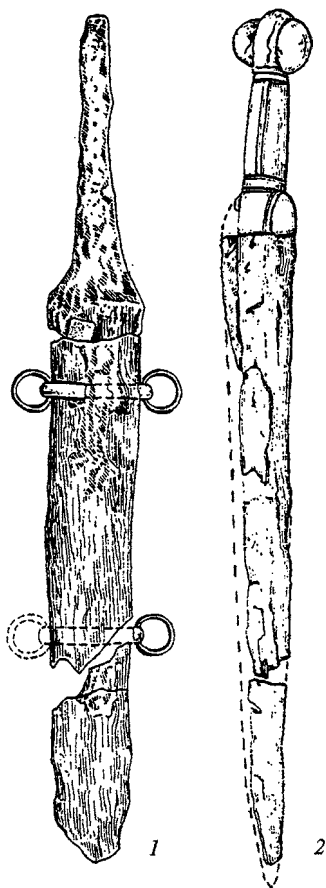
Надгробие Феагена, сына Гермогена.
Ахиллий. Конец I века

через правое плечо; отмечен и другой способ, возможно, применявшийся на марше, когда меч пристегивался к гориту. Именно такое крепление мы видим на стеле Феагена, сына Гермогена, конца I века н. э. и на одной случайной находке из собрания Керченского музея — обломке рельефа с изображением всадника, где ножны меча пристегнуты к гориту поперечным ремнем. Во всех случаях ножны заканчиваются выпуклой бутеролью (наконечником) трапециевидной формы.

Редкой для территории Боспора является находка в некрополе Горгиппии гладиуса⁹¹. Размещение его с левой стороны от погребенного не соответствует общепринятой традиции ношения такого оружия у римлян. В то же время отступление от нее у римских солдат зафиксировано Иосифом Флавием для периода Иудейской войны 66—70 годов: «Пешие воины оснащены панцирями и шлемами и на каждом боку имеют по мечу, из которых более длинный расположен слева...» (Jos. Fl. Bell. Jud. III, 5).

Штырь рукояти меча из Горгиппии, постепенно расширяющийся к основанию клинка, имеет длину 13,8 сантиметра. От самой рукояти, изготовленной из дерева, остался фрагмент ее бронзовой оковки, зафиксировавший ее ширину — 3 сантиметра. Сам клинок практически одинаковой ширины (4—4,4 сантиметра) при сохранившейся длине 27,8 сантиметра первоначально имел явно большие размеры, не менее 40—55 сантиметров. Об этом можно судить по положению скреплявших ножны двух гладких бронзовых скоб с кольцами для подвешивания, расположенных на расстоянии 11,2 сантиметра друг от друга. Три сохранившихся кольца имеют внешний диаметр 2,1 сантиметра и внутренний — 1,6 сантиметра. Общая длина одной из скоб, сохранившейся целиком, составляет 5,4 сантиметра, а ширина — 0,8 сантиметра. Судя по ее форме и фиксирующейся ширине ножен, меч относится к так называемому «помпейскому» типу и датируется серединой — концом I века.

Близок к римскому гладиусу другой короткий меч из того же некрополя. Он был найден в погребении I—II веков вместе с фрагментами костяных ножен⁹². На его костяной рукояти, имеющей трехчастную форму, покоилась кисть левой руки

Короткие мечи I–II веков из некрополя Горгиппии:
1 — гладиус с деталями крепления ножен;
2 — меч с костяной рукоятью

погребенного. В этой связи определенный интерес представляет рельеф I века н. э., изображающий триаду пальмирских богов в виде военачальников высокого ранга. Их одежда и вооружение римского образца переданы детально и с большой тщательностью. Каждый из персонажей рельефа держит левую руку на рукояти меча трехчастной формы. При этом меч, размещенный слева, подобно гладиусу имеет на ножнах крепления из двух скоб с кольцами⁹³. Сохранившийся большей частью остроконечный клинок горгиппийского меча имел длину около 50 сантиметров при ширине около 5 сантиметров у основания.

Кинжалы

Помимо длинных мечей обычным элементом вооружения боспорских воинов были кинжалы, большей частью имевшие перекрестье и архаичную для I—II веков форму кольцевого навершия. Длина кинжалов колеблется в пределах 0,33—0,45 метра. Клинок в сечении линзовидный без продольного ребра. Штырь рукояти круглый, иногда овальный в сечении. Рукоять обкладывалась деревом или обматывалась ремнем. Нередко рукоять кинжалов, найденных в погребениях, завершалась таким же, как у мечей, полусферическим навершием.

Оригинальную форму рукояти кинжала — вогнутой в центре, с плавным завершением конической формы — демонстрирует находка из погребения в резном саркофаге в анапском склепе, открытом в 1975 году и датирующемся концом II — началом III века⁹⁴. Рукоять и ножны, изготовленные из дерева, были обтянуты золотым листом с изображениями павлина и орлов, терзающих зайцев. По краю и то, и другое украшено вставками из бирюзы и гранатов. Этот «бирюзово-золотой» стиль удивительно напоминает изделия, обнаруженные в погребениях кушанских правителей в Тиллятепе, на территории далекого Афганистана, что лишний раз демонстрирует определенное единство в отношении престижных вещей на территории степей Евразии и сопредельных с ними регионов. Ножны кинжала повторяют очертания суживающегося клинка и имеют заостренные

выступы в районе устья и полукруглые ближе к основанию. Такие выступы имели вполне определенное функциональное значение.

В боспорских надгробных рельефах ножны нередко изображены пристегнутыми к правому бедру кожаными ремешками. Наиболее детально подобное крепление ножен кинжала показано на мраморной статуе I–II веков н. э. из Анапы⁹⁵. Это не давало кинжалу болтаться и бить всадника по ноге во время езды. Таким образом, расширение или выступы на концах ножен были функционально оправданными, так как они не позволяли кинжалу выскальзывать из-под ремня. В этом отношении, как и во многих других, боспорцы следовали практике, уже сложившейся в кочевом мире евразийских степей. С другой стороны, учитывая, что большая часть находок длинных мечей и кинжалов I–III веков в Северном Причерноморье связана с территорией Боспора, можно говорить о значительной роли его оружейных мастерских в производстве и совершенствовании этого вооружения и соответственно их влиянии на кочевую среду.

Копья и дротики

В отличие от мечей и кинжалов находки наконечников копий, использовавшихся в боспорской армии, немногочисленны. К тому же частью они утрачены или сохранились в незначительных фрагментах, что затрудняет их обстоятельное исследование. Видимо, длина копий препятствовала их помещению в могилу, и только в отдельных случаях туда клали сломанное копье или только его наконечник. Как правило, он имел длину 30–45 сантиметров и лавролистную форму. Наиболее хорошо сохранившиеся экземпляры известны в сарматских погребениях. У римских авторов *contus sarmaticus* (сарматское копье) стало синонимом длинной тяжелой пики, которая была основным оружием катафрактариев. Здесь вполне уместно вспомнить характеристику тяжеловооруженных всадников в войске армянского царя Тиграна Великого (95–60 годы до н. э.): «Ведь вся сила этой броненосной конницы — в копьях, у нее нет никаких других средств защитить себя или нанести вред врагу, так как она

словно замурована в свою тяжелую негнушующую броню» (Plut. Luc. 28).

Для своего времени тяжелое всадническое копье было чрезвычайно эффективным оружием. Недаром Тацит говорит о сарматских катафрактариях, что «вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд» (Tac. Hist. I, 79). В описании сражения римлян с парфянским войском при Каррах упоминаются «тяжелые, с железным острием копья, часто с одного удара пробивавшие двух человек» (Plut. Crass. 27). О печальных последствиях столкновения с вражеским катафрактарием повествует и одна из боспорских стихотворных эпитафий: «Аполлоний, сын Аполлония, прощай. Ты неоплаканным сошел к Аиду, испустив ветрам дух под вражеской рукой, а твоя супруга стонет в слезах, восприяв нежданную скорбь. Погибла твоя красота, угасла прелесть, улетел разум, все полно горя: в твоём лице сломлен единственный канон доблести. Но если веретено Мойр и завертело тебя, наткнувшегося на страшное варварское копье, то ныне тебя примет не мрачный дом Аида, а обители героев: ибо тебе, Аполлоний, и прежде была положена почетная слава, и теперь, после смерти, воздается всяческая честь» (КБН № 119).

Иногда на конце втулки массивных наконечников копий, найденных в Прикубанье, имеются валик или кольцевидное расширение, которые могли препятствовать слишком глубокому проникновению в тело противника. Именно такой наконечник изображен среди сарматских трофеев на одном из рельефов колонны императора Траяна, воздвигнутой в память о его победах над даками и другими варварами Подунавья. Если копье имело ременную петлю у рукояти, это давало дополнительную возможность быстро извлечь его в случае необходимости или легко вернуть, если оно выпадало из рук.

Пика была одним из основных элементов в комплекте вооружения и боспорской панцирной кавалерии. Этот вид наступательного оружия появился на Боспоре, как показывают стела Матиана и фреска из склепа Анфестерия, достаточно рано. В последнем случае представлена сцена конного выезда, где оруженосец везет за своим хозяином копье длиной не менее 4,5 метра, если пропорции изображения хотя бы

приблизительно выдержаны. Интересно отметить, что спустя почти полторы тысячи лет пики знаменитой польской тяжелой кавалерии — «крылатых гусар» XVI—XVII веков — имели сходную длину — 4,5–5 метров.

Долгое время на основании изобразительных источников считалось, что в бою катафрактары использовали так называемую «сарматскую посадку», когда всадник бросал повод и разворачивал корпус вправо, держа копье по одну сторону лошади, что совершенно невозможно. Специальные эксперименты показали: чтобы успешно действовать длинным копьем, нужно было или держать его одной рукой под мышкой, не выпуская из другой руки повода, или направлять копье правой рукой, тогда как в левой, поддерживающей древко для нанесения более точного удара, находятся поводья. По-видимому, иногда применялось и дополнительное крепление копья. Вот как его описывает позднеримский писатель Гелиодор, живший на рубеже III—IV веков: «...Копье ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе коня, в схватках копье не поддается, но, помогая руке всадника, всего лишь направляющей удар, само напрягается и твердо упирается, нанося сильное ранение и в своем стремительном натиске колет кого ни попало» (Heliod. IX, 15). В любом случае всадник должен был сидеть, развернувшись левым плечом вперед, и удерживать копье по диагонали через шею лошади, как это показано на сасанидских рельефах со сценами поединков, иначе при столкновении с противником, не имея возможности компенсировать отдачу, он неизбежно вылетел бы из седла.

Боспорские пехотинцы в походном варианте имели при себе два копья, длина которых, судя по надгробным рельефам и росписям склепов, составляла примерно 2,2–2,7 метра. Характерный для этого времени наконечник копья происходит из воинского погребения в Илурате. Ромбовидный в сечении, при длине 39 сантиметров он имеет слабо выраженное продольное ребро и втулку с внутренним диаметром всего 2,3 сантиметра, то есть предназначался для довольно тонкого древка.

В состав наступательного вооружения пехоты и легкой боспорской кавалерии входили также дротики. Изображе-

ния трех дротиков (реконструируемая длина 1,5–1,7 метра) за большим овальным щитом встречаются на ряде боспорских надгробий рядом с пешими воинами. Отметим и стелу I–II веков из нимфейского некрополя, где мчащийся вправо всадник собирается поразить дротиком поверженного врага. Сходный тип конного воина с дротиком повторяется на монетах Савромата I и Котиса II.

Луки и стрелы

Роль лука в вооружении боспорских воинов первых веков нашей эры была значительной. В это время на Боспоре продолжает широко использоваться, правда, в усовершенствованном виде, сигмовидный лук так называемого «скифского» типа. Не зря многие древние авторы сравнивали его с очертаниями северных берегов Черного моря (Strab. II, 5, 22). По сравнению с предшествующим периодом его размеры увеличиваются: длина таких луков в натянутом состоянии, судя по памятникам боспорского изобразительного искусства, составляла не менее половины роста стрелка, то есть 0,8–0,9 метра. Возможно, и сарматы преимущественно использовали такие луки⁹⁶. В центре их находилась вогнутая рукоять с небольшим перехватом, а окончания «рогов» сильно выгибались вперед, создавая дополнительный рычаг для придания стреле большой начальной скорости. При изготовлении лука в отдельных случаях, вероятно, могли использоваться костяные накладки. Важной частью лука была прочная тетива, которая могла изготавливаться из конских жил или волоса.

Лук скифского типа обычно помещался в натянутом состоянии, всегда готовым к бою, в горит — специальный футляр для лука и стрел. Носили его на левом бедре, прикрепленным к поясу, или на ремне за левым плечом. Находки остатков деревянных горитов, обтянутых кожей, достаточно редки. Тем не менее форма их хорошо известна по многочисленным изображениям в росписи пантикапейских склепов и на надгробных рельефах, где лук выступает из горита примерно на треть своей длины. Детали достаточно точно передает деревянный игрушечный горит из детской гробницы середины

I века н. э.⁹⁷ На его внешней поверхности имеется боковой карман со слегка намеченными древками стрел. Судя по декору, наружная сторона оригинала горита была дополнительно украшена металлическими накладками. Устье его расширено в соответствии с формой плеча лука, а ближе к уплощенному дну внешний контур плавно сужается. Полный комплект для такого горита включал от 50 до 300 стрел, уложенных наконечниками вниз. Вес горита со стрелами составлял около 5 килограммов.

В начале нашей эры в зоне евразийских степей входит в употребление более совершенный по сравнению со «скифским» так называемый «гуннский» лук, который в I веке появляется даже в римских лагерях на территории Западной Европы вместе с лучниками из вспомогательных частей, набранных на Востоке. Это был мощный сложносоставной лук достаточно больших размеров — 1,2–1,6 метра. Наличие прямой негнущейся рукояти и выступающих вперед крутых эластичных плечей с костяными накладками значительно увеличивало его дальность, которая позволяла вести обстрел противника со значительного расстояния. Наиболее полное представление о его конструкции дает находка почти полной сохранности в одном из погребений первых веков нашей эры на левом берегу реки Евфрат, в 40 километрах от Дура-Европос⁹⁸. Древко этого лука имело длину 1,47 метра, а в натянутом виде расстояние между согнутыми концами составляло 1,275 метра. Деревянная кибыть (основа лука) сделана из четырех пластин, соединенных на лишенной эластичности рукояти из кусков дуба и вяза. Тонкие и гибкие плечи к наружным концам постепенно сужаются. Все детали лука тщательно проклеены. Уплощенная задняя сторона кибыти усилена тремя соединенными друг с другом пластинками из рога газели.

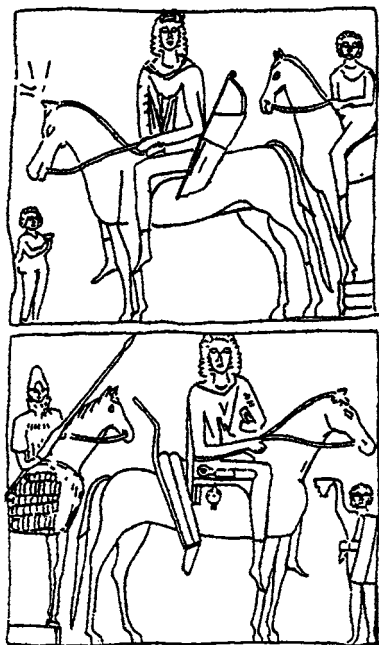
Если исходить из этнографических параллелей, связанных, скажем, с работой турецких оружейников, то процесс изготовления хорошего лука растягивался на период не менее двух лет. Именно о таких луках Аммиан Марцеллин писал, что они «выгнуты с обеих сторон широкими и глубокими внутрь «рогами», имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брусок» (Amm. Marc. XXXII, 8, 37).

Повсеместное распространение с конца I века до н. э. луков «гуннского» типа в сочетании с применением массивных трехлопастных наконечников стрел затронуло и Боспор, сыграв важную роль в усилении его военного потенциала. В свое время на римлян огромное впечатление произвело, «с какой скоростью и силой летят парфянские стрелы, ломая оружие и пронзая все защитные покровы — и жесткие, и мягкие — одинаково» (Plut. Crass. 24). Видимо, это было обусловлено появлением в центральноазиатском регионе более совершенного защитного доспеха, против которого прежнее оружие подобного рода было бессильно.

Помимо уже упоминавшейся стелы Матиана лук «гуннского» типа изображен на ряде известных надгробных рельефов с именами Афения, Стратоника, Фарнака, Агафа и Дафна. Обычно он вложен в длинное налучье. Изготовленный из мягкой кожи, этот узкий чехол подвешивался к поясу на ремешке с помощью пришитых к нему металлических петель⁹⁹. Иногда наличие лука обозначает цилиндрический колчан с двумя отделениями для стрел. В отдельных случаях горловины этих отделений дополнительно укреплены горизонтальными накладками. Встречаются также колчаны и налучья, соединенные вместе. Перед началом сражения натянутый лук могли помещать в специальный горит крупных размеров, как это показано на пластине первых веков нашей эры из Орлатского могильника¹⁰⁰. Изображения луков «гуннского» типа на боспорских рельефах показывают, что на марше их носили в небоевом положении, так же как и парфяне и персы сасанидского периода, то есть на правом бедре, со спущенной тетивой. Плутарх не случайно отмечает, что вне зоны боевых действий парфяне спускают тетиву со своих луков (Plut. Crass. 30). Это было вызвано необходимостью сохранения упругости составного лука и снятия лишней нагрузки на тетиву, чтобы она не вытягивалась.

Единственный для Боспора пример изображения лука «гуннского» типа в действии мы видим на одной из фресок второй половины I века н. э. (в «склепе 1841 года»), где всадник, скачущий вправо, держит его под небольшим углом вниз. Четырьмя пальцами левой руки он сжимает рукоять лука, а большой палец, прижатый сверху, служит направляю-

Фрагмент надгробия Афения, сына Мены.
Середина I века

шим для стрелы. Правая рука сжатыми пальцами оттягивает тетиву назад, до уха. Все это соответствует так называемому «монгольскому способу» стрельбы¹⁰¹, который требовал применения специальных приспособлений для защиты большого пальца и левой руки от возможного травмирования тетивой. Прежде всего это наручи в виде широкого браслета на левой руке, которые иногда изображались на погребальных стелах. К ним можно отнести и подходящие по диаметру для большого пальца два массивных граненых бронзовых кольца из воинского погребения второй половины II — начала III века в некрополе боспорской крепости Илурат. Серединой III века датируется защитный перстень из полированной кости, обнаруженный в Дура-Европос¹⁰².

На какое же расстояние можно было послать стрелу из мощного сложносоставного лука? Даже из лука «скифского» типа она могла пролететь больше 520 метров, как об этом сообщает надпись Анаксагора, сына Димагора из Ольвии. Для своего времени это было выдающееся достижение, если учесть, что мировой рекорд дальности стрельбы из лука перед Второй мировой войной равнялся 440 метрам. Впрочем, в этом отношении известен и такой результат, увековеченный на площади Ок-майдан в Стамбуле: в записи 1798 года говорится о выстреле на 878,5 метра, сделанном султаном Селимом III. Конечно, лук в таких случаях должен был находиться в руках подлинного мастера своего дела. Обычная дальность стрельбы для рядовых лучников, конечно, была намного ниже. К тому же в условиях боя, особенно при стрельбе с коня, страдала и меткость выстрела. Максимальная дистанция на состязаниях для современных спортивных луков, равная 90 метрам, выглядит достаточно скромно, ведь в Средние века считалось, что точная стрельба невозможна только за пределами расстояния в 300 локтей (около 150 метров). Вегетий сообщает, что римские лучники могли поражать цель на 600 шагов, то есть с расстояния около 178 метров (Veget. II, 23). По данным «Стратегикона» Маврикия (рубеж VI—VII веков), дальность прицельного выстрела из лука могла достигать до 225 метров¹⁰³. Пожалуй, наилучшим известным достижением в меткости, если это не форма лести в адрес монарха, были упражнения в стрельбе из лука английского короля Генриха

VIII, который в молодые годы попадал стрелой в яблоко на дистанции 220 метров.

Стрелы I—III веков, как правило, имели железные черешковые наконечники с треугольным или ромбическим пером. В основном они небольших размеров, длиной до 2,5—3,5 сантиметра. Но встречаются и более крупные и тяжелые наконечники стрел, 5—8 сантиметров в длину, что объясняется прежде всего уже отмеченными факторами: появлением усовершенствованного оборонительного доспеха и распространением мощного лука «гуннского» типа. Древки стрел, видимо, изготовлялись из пород деревьев, произрастающих на Боспоре: вяза, березы, ясеня, тополя и сосны. Мы почти ничего не знаем об их величине, форме, материале и конструкции, но вряд ли они чем-то отличались от стрел, распространенных в сарматской кочевой среде. О последних известно, что они имели в длину не менее 70 сантиметров при толщине 0,5—0,6 сантиметра и выемку для тетивы в ушке грушевидной формы. Размеры древка определялись тем, что рядовой лучник не мог натянуть тетиву больше чем на 73 сантиметра от центра внутреннего изгиба лука. Это приблизительно соответствует расстоянию от вытянутой левой руки до кисти изогнутой правой.

Для того чтобы избежать травм руки, древки стрел подбирались без сучков и тщательно полировались. Обязательным элементом для них было оперение, ведь прицельная стрельба без него практически невозможна. От того, на каком расстоянии от ушка оно находилось, зависели точность боя и скорость полета стрелы. Лучшими для оперения всегда считались перья орла, беркута и морских птиц, впрочем, могли использоваться и другие. Для этого с пера обычно сдиралось опахало с верхним слоем стержня и крепилось к древку с помощью клея.

В бою стрелы расходовались достаточно быстро, ведь опытный лучник мог выпустить до 150 стрел всего за полчаса¹⁰⁴. И это еще не предел — турецкие и татарские стрелки могли выпускать до 25 стрел в минуту. Конечно, такая скорострельность имела смысл только при стрельбе по малоподвижному строю пехотных воинов, когда промахнуться было бы трудно даже при большом желании.

Защитное вооружение

Защитный доспех первых веков нашей эры был представлен на Боспоре несколькими разновидностями: пластинчатые, чешуйчатые, кожаные панцири и кольчуги. Все они крайне редко встречаются в погребениях, зато большей частью хорошо представлены в памятниках изобразительного искусства.

Панцири

Самым ранним изображением длинного пластинчатого доспеха с короткими рукавами и высоким стоячим воротником из вертикальных полос, плотно прикрывающим шею, считается рельеф на стеле Афения, сына Мены, которая относится ко времени не позднее середины I века н. э.¹⁰⁵ Стоячий воротник впервые появляется у саков, кочевавших в Приаралье в IV веке до н. э. Затем подобные панцири фигурируют на монетах сакских правителей индо-иранского пограничья I века до н. э. — I века н. э. Панцирный ворот присутствует и в изображении катафрактария на халчаянском фризе (Узбекистан), датируемым рубежом нашей эры. Очевидно, основой такого доспеха был кожаный кафтан, на который нашивались горизонтальные ряды узких металлических пластин прямоугольной формы. Он имел разрезы на бедрах, что обеспечивало свободу движений всадника. Аналогичный доспех, судя по панцирному воротнику, имеют и конные воины на надгробии Юлия Патия второй половины I — начала II века. Более детально укороченный вариант такого средства защиты демонстрирует хранящаяся в собрании Государственного исторического музея уникальная терракотовая статуэтка всадника, предположительно происходящая из Керчи.

Длинные панцири из крупных пластин без воротника присутствуют на фреске из пантикапейского «склепа 1841 года». Среди противников боспорцев здесь представлены два тяжеловооруженных катафрактария в длинных, сильно расширяющихся от пояса книзу до щиколотки панцирях. С этим вариантом защитного вооружения можно соотнести находку в одном из богатых сарматских погребений Поволжья круп-

ных железных пластин прямоугольной формы (8 на 12 сантиметров) с пятью небольшими отверстиями в правом верхнем углу. Если сопоставить их размеры с доспехом катафрактария из «склепа 1841 года», где показаны 23 ряда горизонтальных пластин, можно приблизительно реконструировать его длину. С учетом взаимного наложения пластин она составляет около 1,3 метра, и это выглядит достаточно реально.

Конечно, такое средство личной защиты, как длинный пластинчатый доспех, представляется слишком архаичным ввиду своей тяжести и излишней жесткости. Не получив широкого распространения в практике позднеантичного военного дела, он тем не менее существовал на Боспоре в течение нескольких столетий. Об этом свидетельствует обломок штукатурки красного цвета с граффито, изображающим катафрактария из Илурата, города-крепости I—III веков на западных подступах к Пантикапею. Панцирь в данном случае не имеет рукавов. Имея разрез, от пояса он сильно расширяется книзу, образуя длинные лопасти, прикрывавшие ноги до щиколоток. Металлические пластины, нашитые на кожаную основу, показаны обобщенно горизонтальными линиями, образующими 30 рядов, причем вертикальные грани их не прорисованы. Возможно, верхняя часть этого доспеха представляла собой ламинарную броню из длинных, горизонтально расположенных полос металла, соединенных между собой ремешками, пропущенными через ряды специальных отверстий.

Наибольшее применение получил другой тип панциря — чешуйчатый, который известен как у сарматов, так и у боспорцев. По-видимому, он использовался на Боспоре практически одновременно с длинным пластинчатым панцирем, поскольку мы видим чешуйчатый доспех в треугольных вырезах кафтанов конных боспорских воинов на фреске из «склепа 1841 года». Близкой аналогией для подобного обличия является изображение всадника на серебряном сосуде из Косики. Судя по находкам в сарматских погребениях, пластинки для таких доспехов длиной от 2,5 до 5 сантиметров имели два—пять отверстий, с помощью которых они прикреплялись к кожаной или полотняной основе. Судя по отдельным археологическим находкам в Прикубанье, в это

время мог использоваться и комбинированный панцирь, включавший элементы кольчужного плетения.

Широкое распространение на Боспоре получили два варианта чешуйчатых панцирей. Первый, зафиксированный в росписи II века н. э. (в склепе, открытом в 1872 году) и на монетах периода правления Савромата II (174–210 годы) и Рескупорида III (210–228 годы), имел вид кафтана с короткими рукавами, не стеснявшими движений, и разрезом внизу длиной почти до колен. Второй вариант представлен панцирем без разреза, как правило, доходящим до середины бедра. Именно он присутствует на рельефе Трифона из Та-наиса, где всадник облачен в панцирь с короткими рукавами, подпоясанный широким поясом.

Наконец, среди военачальников в ранге не ниже командира легиона был распространен состоявший из двух пластин «анатомический» панцирь позднеэллинистического типа. Сверху пластины соединялись наплечниками — эпонидами. Из-под них до середины бедер спускался передник из птериг — кожаных полос, имевших металлическую обшивку. В археологической коллекции Университета Джона Хопкинса (США) хранится происходящая из Керчи бронзовая матрица первой половины I века н. э. для изготовления птериг с фронтальным изображением головы львиноголового грифона. Таким образом, можно предполагать наличие здесь серийного производства кирас римского образца. Вес подобного доспеха мог достигать примерно 5 килограммов. Его дополнял особый пояс — цингулум, — завязанный поверх панциря так называемым «геракловым узлом». Именно цингулум мы видим на пантикапейском рельефе I–II веков, изображающем победоносного полководца. Это облаченный в панцирь бородатый воин в плаще, застегнутом на правом плече. Одной рукой он держит копьё, а другой — широкую плоскую чашу, наклонив ее над небольшим алтарем. Рядом маленькая фигурка богини победы Ники, увенчивающей его венком. Слева в поле рельефа представлена Афродита с Эротом, которой, видимо, и был посвящен пятиколонный ионийский храм, изображенный выше. Пространство между его колоннами разделено на два яруса, в верхнем из которых помещены четыре посвященных круглых щита. Возможно,

архитектор, создавший этот храм, был хорошо знаком с архитектурными постройками на римском Форуме, где одним из самых известных зданий была Эмилиева базилика с пятью ионийскими колоннами по фасаду, украшенному круглыми щитами.

Среди легковооруженных рядовых воинов, несомненно, был широко распространен в силу своей доступности хорошо известный у сарматов защитный доспех из такого сравнительно дешевого материала, как кожа (Тас. Hist. I, 79). Такими панцирями не пренебрегали даже римляне, ведь при относительной легкости они давали достаточно эффективную защиту от стрел и камней, могли ослабить удар меча или копья. Простейший тип их, видимо, представлял собой короткую куртку, которая могла дополняться поясом с нашитыми железными пластинками в передней части. Другой тип — это кожаный кафтан до колен с длинными рукавами, армированный круглыми металлическими бляхами, как на фреске Анфестерия. Остатки подобного панциря, снабженного двумя нагрудными железными бляхами со следами позолоты, были найдены в пантикапейском склепе Юлия Каллисфена второй половины I века н. э.

Кольчуги

Кольчуга — достаточно дорогой тип защитного облачения — была, судя по всему, изобретена кельтами на рубеже IV—III веков до н. э. На римских рельефах I века до н. э. кольчуги засвидетельствованы уже достаточно широко. С римлянами связана и самая ранняя в Северном Причерноморье находка железной кольчуги (диаметр колец 4—5 миллиметров), датируемая последней третью I века до н. э. Она относится к типу *logica harnata* и происходит из святилища у перевала Гурзуфское седло близ Ялты на территории расселения племени тавров. Видимо, кольчуга попала туда как военный трофей около 14 года до н. э., в период борьбы за утверждение на боспорском троне римского ставленника Полемона. В качестве приношения богам ее разрубили на 848 кусков и большей частью разбросали по всей центральной части святилища.

Верхний рельеф мраморной стелы Фаллона, сына Пофа.
I век

В комплексе защитного вооружения боспорских воинов первых веков нашей эры железные кольчуги присутствуют, но они не получили широкого распространения. К этому времени относятся остатки кольчуг, найденные при раскопках Пантикапея и Горгиппии. В последнем случае два фрагмента кольчуги размерами 11,5 на 7,5 на 5 сантиметров и 15 на 9,5 на 6 сантиметров происходят из погребения и демонстрируют комбинированное использование уплощенных железных колец диаметром 0,8 и 1 сантиметр. Каждое из них захватывало четыре соседних кольца, два верхних и два нижних.

С Горгиппией связано и уникальное мраморное надгробие первой половины I века, принадлежавшее Фаллону, сыну Пофа, где погребенный изображен в кольчуге с полукруглым вырезом в районе шеи и коротким рукавом. Кроме того, с большой долей вероятности можно предположить, что кольчугой является защитный доспех с короткими рукавами без разрезов и длиной до бедер, в который облачен катафрактарий на фреске из склепа, открытого в 1873 году. В пользу этого говорит контур доспеха, переданный ярко выраженной волнистой линией, и особая манера передачи его фактуры короткими сдвоенными и параллельными штрихами. Интересно отметить, что похожая, с рукавами до локтя, кольчуга присутствует на рельефе с колонны Траяна.

Несколько целых кольчуг, скорее всего боспорского производства, найдены в погребениях представителей сарматской аристократии у хутора Городского близ восточных границ Боспора, где около четверти всех погребенных воинов можно отнести к катафрактариям. Эти кольчуги представляют собой свернутые рулоном, сплетенные из колец рубахи длиной не менее 1,1 метра при среднем росте умерших 1,7 метра. Возможно, они дополнялись кольчужными штанами или в нижней части оборачивались вокруг ног. Хотя, по приблизительным оценкам, вес таких кольчуг достигал 12–15 килограммов, двигаться в них было достаточно удобно, и в бою они не стесняли действий воина. Под кольчугу, видимо, надевалась кожаная или стеганая полотняная рубаха для предохранения от ушибов, которые могли быть весьма чувствительны, даже если меч или другое оружие не повреждали кольчужных колец.

Защитные свойства кольчуги не следует преувеличивать, и она явно не всегда могла уберечь своего владельца. В сравнительном плане интересен случай периода завоевания испанцами Флориды. Конкистадоры пообещали даровать пленному индейцу свободу, если он сумеет пробить кольчугу на расстоянии 150 шагов. Тот выпустил из своего тростникового лука стрелу с кремневым наконечником, которая пронзила кольчугу на глубину двух колец. Тогда испанцы сочли за лучшее использовать для защиты жилеты, подбитые войлоком. Спустя 400 лет этот опыт повторили в качестве эксперимента, правда, наконечник у стрелы на этот раз был стальной. Как мишень использовали манекен, облаченный в кольчугу из закаленной дамасской стали XVI века. Стрела, пущенная из лука с расстояния 75 метров, не только пробила кольчугу, но и прошла через нее на глубину 20 сантиметров. При стрельбе на той же дистанции по бегущему оленю стрела прошла его насквозь.

Шлемы

Боспорские шлемы первых веков нашей эры представлены главным образом двумя типами: конической и яйцевидной формы, в отдельных случаях с нащечниками и выделенной тульей. Детали конструкции шлемов, близких к использовавшимся на Боспоре, достаточно подробно изображены на рельефах колонны Траяна, изображающих сарматских воинов в чешуйчатых панцирях и трофейное оружие. Помимо этого мы видим их в изображении столкновения римских вспомогательных войск с даками на подступах к римскому лагерю. Здесь, среди деревьев, представлены четыре длинно-волосых лучника в чешуйчатых панцирях, которых, видимо, можно отнести к солдатам боспорской когорты. Вертикальные ребра их каркасных шлемов в нижней части скреплены ободом, а в верхней — сходятся и заканчиваются небольшим шариком или пуговицей. Дополнительную прочность им придают горизонтальные ребра, от одного до трех. На эту основу накладывались с помощью заклепок металлические пластины. Некоторые шлемы имеют нащечники, сходящиеся под подбородком, и чешуйчатую или кольчужную бармицу.

Интересно отметить, что точно такой же шлем защищает голову пешего воина с копьем, сопровождающего всадника на стеле Менофила. Его передняя часть, набранная из семи вертикальных полос, имеет выделенную в рельефе тулью, короткий наносник, дугообразные вырезы для глаз и округлые нащечники, соединенные подбородочным ремнем. Различные варианты таких шлемов, обычно относимые к типу Spanghelhelm, позднее, в эпоху Великого переселения народов, наводнили всю Европу.

Другой редкий пример достаточно детального изображения каркасного шлема мы видим на стеле Родона, сына Гелиоса. Воин на рельефе одет в короткий подпоясанный кафтан, поверх которого наброшен плащ, узкие штаны и сапоги. В его левой руке большой овальный щит с умбоном, а рядом мальчик с коническим шлемом в руках. Обращенная к зрителю сторона шлема набрана из пяти сходящихся кверху полос, ниже показан прямоугольный нащечник. Еще один тип шлема присутствует на известном посвятельном рельефе Трифона из Танаиса, где изображен скачущий вправо всадник в развевающемся плаще. На голове у него округлый шлем с небольшим назатыльником, копирующий форму кожаного колпака и, похоже, изготовленный из одной металлической пластины.

Интересный тип конических каркасных шлемов I—II вв. н. э. представлен несколькими хорошо сохранившимися экземплярами в дружинных сарматских погребениях у хутора Городского¹⁰⁶. Основу их составляют либо перекрещенные внахлест и склепанные железные пластины, либо четыре сужающиеся кверху железные полосы шириной в основании около 7 сантиметров, каждая из которых скреплена двумя заклепками с горизонтальной полосой высотой 17 сантиметров. Каждый шлем увенчивает слегка заостренное вытянутое навершие.

Щиты

Что касается щитов, то в составе конницы они были принадлежностью только легковооруженных всадников. Тацит отмечает, что у сарматских катафрактариев — то же можно

Посвяtitельный рельеф Трифона, сына Андромена.
Танаис. II век

сказать и о боспорских — не в обычае было пользоваться щитом (Тас. Hist. I, 79). Боспорские изобразительные материалы вполне подтверждают это наблюдение. Действительно, держать длинное копье двумя руками и одновременно использовать щит весьма затруднительно. К тому же панцирный доспех был и так достаточно эффективен для защиты от ударов противника.

В римский период на Боспоре легкой конницей использовался круглый кавалерийский щит, что в определенной степени могло компенсировать недостаток прочего защитного снаряжения. Держался он так, что левая рука, согнутая в локте, находилась на уровне груди. Единственная находка, которую можно соотнести с этим типом щита, связана с погребением конного (судя по наличию конской уздечки) воина из склепа Юлия Каллисфена. Это железный умбон, имеющий тонкую бронзовую накладку диаметром 21 сантиметр с отчеканенным в невысоком рельефе орнаментом в виде звезды, цветов, птиц и растительных лепестков. Таким образом, кавалерийский щит (парма), с круглым умбоном и без него, был, несомненно, знаком боспорцам. Кавалерийский щит среди прочих предметов вооружения присутствует и на монетах I—II веков. Известны также пантикапейские терракоты-гротески I—III веков, которые изображают конного воина, держащего в левой руке большой круглый щит с умбоном.

Боспорские пехотинцы в большинстве случаев изображались с продолговатым овальным щитом, в силу своих больших размеров нередко заменявшим прочее защитное вооружение. Обычная длина таких щитов скорее всего соответствовала находкам из Дура-Европос, где пять овальных щитов имели длину от 1,07 до 1,18 метра. Иногда щиты имели горизонтально срезанные верхний и нижний край. Некоторые из них были почти плоские, другие — с довольно заметной выпуклостью. Приблизительно одинаковые пропорции дают соотношение длины и ширины 2 к 1. Хотя реальных находок деталей щитов на Боспоре немного, с учетом обычной практики того времени можно говорить, что при их изготовлении применялись крепкие деревянные доски, которые обтягивались одним или несколькими слоями плотной кожи.

В любом случае обтяжка внутренней стороны была нужна для предотвращения трения руки о деревянную подложку щита. Здесь имелись петля и рукоять, расположенные вертикально по отношению друг к другу, так что большой овальный щит держался на опущенной руке. В центре внешней стороны щит имел круглый выпуклый умбон, которым при случае можно было нанести неожиданный удар противнику (Тас. Agr. 36). Из редких для Боспора деталей щитов можно упомянуть круглый умбон яйцевидной формы и обломок рукояти из погребения III века н. э. в Керчи, хранящийся в собрании Государственного исторического музея.

Край щитов оковывался металлическим ободком, на который можно было принять рубящий удар (Polyaen. VIII, 7, 2). Единственный образец такого рода из раскопок Пантикапея сохранился в длину почти на 40 сантиметров. Ширина металлической полосы с немного изогнутым внешним краем составляет около 5 сантиметров.

Вес щита в целом составлял около 6 килограммов и позволял маневрировать на поле боя. Эксперименты показали, что подобные щиты были достаточно прочными. Дротик пробивал их с трудом, а после пятнадцати сильных ударов на внешней стороне оставались только легкие порезы. Чтобы предохранить щиты от воздействия влаги, во время похода на них обычно надевали кожаные чехлы, снимавшиеся перед сражением. В сохранившихся римских чехлах спереди имеется круглое отверстие для умбона.

Глава 3

Боспорская армия на полях сражений

Заимствование и развитие боспорской пехотой и конницей ряда элементов сарматского вооружения и снаряжения были вызваны постоянным противостоянием соседним кочевым племенам. Это неизбежно должно было привести к использованию характерных для сарматов тактических приемов — внезапному нападению; прорыву линии построения противника ударом компактного строя тяжеловооруженных

всадников (при необходимости с перестроением и вторичным ударом); разгрому противника по частям. Исходя из структуры боспорской армии, данный список можно дополнить необходимостью взаимодействия пехоты с тяжелой и численно преобладавшей легкой конницей.

Наибольший эффект панцирная конница на поле боя достигала атакой на строй противника плотно сомкнутой массой при надежном прикрытии флангов. После прорыва линии обороны врага и отсутствия необходимости перестроения бой для катафрактариев — в том случае, если противник обладал сходным вооружением, — очевидно, превращался в серию отдельных поединков. Удар длинной пики, усиленный тяжестью доспеха, скоростью и массой коня, был страшен, и менее удачливый всадник вылетал из седла и часто лишался жизни. Древяк пики нередко ломалось, как тростинка, и тогда катафрактарию приходилось полагаться на длинный меч и ждать, пока оруженосец подаст новую пику.

Описание Тацитом битвы союзного сармато-иберо-албанского войска с парфянами в 35 году н. э. показывает, что тяжеловооруженные конные воины могли вполне успешно взаимодействовать с пехотой, заставляя врагов «биться в неравных условиях, ибо сверху на них обрушивали удары всадники, а снизу поражали не отстававшие от них пехотинцы» (Тас. Ann. VI, 35). Но если для сарматской кавалерии взаимодействие с пехотинцами это лишь эпизод, то на Боспоре этот тактический прием, очевидно, был хорошо отработан, особенно на случай столкновения с вражеской панцирной конницей. Такой знаток военного дела, как Аммиан Марцеллин, специально отмечает целесообразность размещения пехоты среди всадников в случае битвы с «закованными в железо воинами», поскольку «пехотинец в опасную минуту боя, когда все внимание сражающегося сосредоточено на противнике, незаметно подкрадываясь по земле, ударом в бок коню может свалить всадника, если тот не побережется, и без затруднений убить его» (Amm. Marc. XVI, 21–22).

Вероятно, именно такие хорошо обученные боспорские воины находились в составе вспомогательных римских войск в балканских провинциях Мёзия и Паннония и на восточной границе империи, в Каппадокии и Армении. В частности, для

Мёзии между 45 и 157/158 годами нам известна I Боспоранская ала — кавалерийский отряд с названием, указывавшим на его происхождение. Он относился к разряду квингенарных ал, то есть включал 16 турм по 30 человек и 34 лошади в каждой. Очевидно, в случае необходимости эти всадники могли сражаться и пешими в роли лучников.

Следует отметить, что на поле битвы панцирный доспех грозных катафрактариев нередко мог стать их «ахиллесовой пятой», и без помощи легкой конницы и пехоты они могли понести тяжелые потери. Ведь в случае потери коня или падения на землю они становились крайне уязвимы. Существенным условием для успешного их применения было наличие ровного широкого пространства. В случае нарушения боевого порядка эти всадники из-за малой маневренности оказывались едва ли не беззащитны. Описывая нападение на провинцию Мёзия девятитысячного отряда сарматского племени роксоланов, Тацит отмечает, что, когда сарматские лошади увязли в глубоком и рыхлом снегу, римские солдаты, свободно двигавшиеся в легких кожаных панцирях, беспрепятственно закидывали тяжеловооруженных противников дротиками и копьями и пронзали короткими мечами. К тому же, если катафрактариям не удавалось рассеять линию противника после первой атаки, повторить ее было достаточно сложно (Tac. Hist. I, 79; Veget. III, 23).

Скорее всего главная роль в боспорской армии при столкновении с противником отводилась коннице, тогда как тяжелая пехота, выстроенная фалангой, была основой боевого порядка и в случае необходимости могла успешно выполнять оборонительные функции и противостоять атаке вражеских всадников. Легковооруженные воины, очевидно, покидали ряды тяжелой пехоты, метали дротики и возвращались на свое место или взаимодействовали с конницей в столкновении с противником. При этом лучники были в состоянии поражать стрелами живую силу врага, стреляя через головы своих товарищей по оружию.

Для условий Северного Причерноморья, где преобладает ровная открытая местность, можно предполагать большую роль военного обоза. Повозки, поставленные кругом наподобие укрепленного лагеря, легко было использовать для

предотвращения внезапного ночного нападения (ср.: Veget. III, 10; Amm. Marc. XXX, 2, 18—19), а также в целях эффективной обороны в случае неудачи в сражении.

Судя по всему, военные действия боспорской армии носили в основном оборонительный характер и были нацелены прежде всего на отражение нападений соседних варварских племен. При более масштабных военных акциях для достижения победы над врагом могли привлекаться контингенты римских войск.

Яркими иллюстрациями действий боспорской армии на поле боя являются росписи пантикапейских склепов римского времени. Самый ранний из них — уже упоминавшийся склеп второй половины I века, открытый в 1841 году директором Керченского музея А. Б. Ашиком; он, возможно, принадлежал одному из боспорских царей. К сожалению, о его росписях можно судить только по рисункам, изготовленным художником А. М. Стефанским сразу после открытия склепа. Впечатляет нарисованная на одной из стен картина боя, расположенная под изображением загробного пира. Два отряда конных воинов с пиками наперевес во весь опор несутся навстречу друг другу, а между ними уже лежит груда мертвых тел. Группа боспорцев, атакующая в сомкнутом боевом порядке, представлена слева, что соответствует характерному для греческого искусства «направлению победителей». Это героизированные всадники с непокрытыми головами в длинных кафтанах, через треугольный вырез которых видны чешуйчатые панцири или нагрудники. Им противостоят воины в каркасных шлемах конической формы и панцирях двух типов. У одних, в том числе у погибших, они короткие чешуйчатые, без рукавов, у других, чей высокий социальный ранг подчеркнут трехчастными эмблемами на шлемах, — панцири пластинчатые, с рукавами до локтей, длинные до пят. В последнем случае фигуры воинов были показаны в копии несколько необычно: сидящими по-женски, что совершенно невозможно для тяжеловооруженного всадника.

М. И. Ростовцев считал, что женская посадка и доходящий до низа ног пластинчатый панцирь-кафтан этих участников сражения являются несомненной фальсификацией¹⁰⁷. Впоследствии оказалось, что в отношении панциря он ошибался.

Что касается посадки, то как только не пытались ее объяснить! Вот только некоторые из предложенных объяснений: лошади всадников-катафрактариев имели пластинчатый панцирный доспех, неверно воспринятый при копировании фрески; неустойчивая «дамская» посадка использовалась для демонстрации пренебрежения к противнику; наконец, конным воинам, одетым в длинный неразрезанный панцирь, ничего не остается, как сидеть боком. Впрочем, уже М. И. Ростовцев полагал, что на самом деле это изображение сидящих на лошади всадников, у которых левая нога выдвинута вперед, а правая, по другую сторону лошади, отброшена несколько назад. После длительной дискуссии следует признать наиболее близкой к истине следующую точку зрения: художник действительно неверно интерпретировал вполне обычную посадку всадников и изображение длинных доспехов, естественно, имевших разрезы. Следует отметить, что многих исследователей ввело в заблуждение стремление боспорских живописцев к максимальной фронтальности изображения социально значимых персонажей и определенной симметрии композиции. Ведь на этой и других боспорских фресках во всех случаях левостороннего движения всадники с копьями наперевес оказываются левшами, то есть их фигуры как бы зеркально вывернуты. Только так можно было избежать их показа со спины, что, конечно, нарушило бы торжественно-парадный характер росписей склепов.

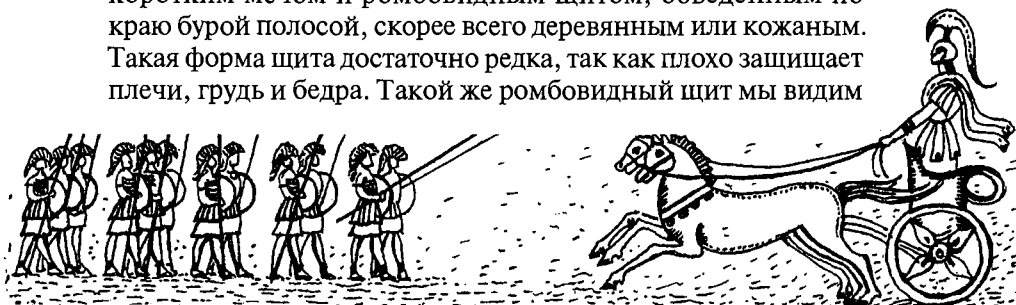
Не менее интересен для истории военного дела Боспора склеп конца I — начала II века, открытый в 1872 году на северном склоне горы Митридат. Часто его называют «Стасовским», так как первое исследование и публикация открытых там росписей принадлежат перу известного художественного критика В. В. Стасова (1824—1906). Он отнесся к данному поручению Императорской археологической комиссии с большой ответственностью: побывал в Керчи, сверял на месте рисунки художника и археолога Ф. И. Гросса, консультировался с известными специалистами за границей. Многие детали были уточнены и М. И. Ростовцевым, дополнительно изучавшим эти росписи в 1905 году.

Владелец склепа, очевидно, был крупным военачальником. По обе стороны от центральной ниши-лежанки, став-

шей местом его последнего упокоения, на стене запечатлены красочные сцены из военной жизни. На одной из них показано столкновение боспорского войска с вражеской конницей. Слева скачет катафрактарий в коническом шлеме и чешуйчатом панцире с разрезом поверх коричневого кафтана с длинными рукавами. Развевающийся за его спиной плащ красноватого оттенка создает впечатление быстрого движения. За всадником движется тяжеловооруженная пехота с короткими копьями и белыми овальными щитами, имеющими металлические умбоны и оковку по краям, переданным коричневой краской¹⁰⁸. Навстречу им несется на белой лошади вражеский лучник в синем плаще, на полном скаку пускающий стрелы. Он облачен в коричневый кафтан, синие штаны и очень низкие сапоги. На левом боку у него висит длинный меч в ножнах. За ним следует катафрактарий, по защитному вооружению отличающийся от боспорского только тем, что его панцирь имеет длинные рукава. Между обеими группами на земле валяются окровавленные тела поверженных врагов боспорцев. Один из них пронзен копьем со сломанным от удара древком, у другого отрублена голова, рядом смертельно раненная лошадь с застрявшим в шее сломанным копьем. Седло на ее спине показано с выделенным выступом передней луки и свешивающимися тремя ремнями, под ним красный чепрак. Наряду с общим схематизмом в этой сцене, безусловно, присутствует захватывающая динамика конного сражения, в котором запечатленная атака уже не первая. Два преломленных копья явно носят символический характер, показывая, с одной стороны, мощь всадника-победителя, с другой — сокрушенную силу противника

Другой сюжет представляет бой между боспорским тяжеловооруженным всадником и пешим варваром, возможно, тавром. Варвар изображен с определенным этнографическим реализмом без шлема и панциря, с длинными волосами, усами и торчащей бородой. Он одет в кафтан красного цвета, черные штаны и короткие желтые сапожки. Вооружен варвар коротким мечом и ромбовидным щитом, обведенным по краю бурой полосой, скорее всего деревянным или кожаным. Такая форма щита достаточно редка, так как плохо защищает плечи, грудь и бедра. Такой же ромбовидный щит мы видим

в изображении трофея на монете царя Аспурга и в серии терракотовых статуэток-гротесков II–III веков. Справа пехотинца атакует всадник с длинным копьем в развевающемся за спиной красном плаще с кистями на концах. На нем конический каркасный шлем и чешуйчатый панцирь с разрезами, надетый поверх кафтана. На ногах этого персонажа узкие красные штаны и белые сапожки. Под воином гнедая лошадь со схематично трактованным седлом округленной формы и уздечкой, с которой свешивается большая черная кисть, возможно, обозначающая высокий социальный ранг изображенного лица.

К тому же времени, что и «Стасовский склеп», относится открытый в 1873 году недалеко от него «расписной склеп». В нем также была обнаружена сцена конного боя. Справа представлен победоносный боспорский всадник, который скачет во весь опор на белой лошади навстречу своему противнику. Грива лошади подстрижена «городками», все детали ее снаряжения — уздечка, поводья и седло — переданы красной краской. Голова длинноволосого всадника защищена решетчатым шлемом конической формы. Места скрепления составляющих его металлических полос показаны тремя рядами черных точек. Защитный доспех боспорца достаточно широк, с коротким рукавом, его контур обозначен волнистой линией. Возможно, таким образом художник пытался передать кольчужный набор. Под ним на всаднике красновато-бурый кафтан с длинным рукавом и узкие штаны того же цвета, заправленные в короткие сапоги. Обеими руками он держит огромную пику с массивным наконечником, длина которой в оригинале, если пропорции в соотношении с высотой фигуры воина выдержаны более или менее верно, составляла не менее 4 метров. Под ногами лошади лежат тела двух убитых врагов.

Слева изображен сраженный насмерть сарматский конный воин, голова которого склонилась на правое плечо, а из рук выпало сломанное копье не меньших размеров, чем у его победителя. Судя по рисунку Ф. И. Гросса (позже часть фигуры была уничтожена грабителями), он одет в длинную подпоясанную в талии рубаху, узкие штаны зеленоватого оттенка и белые сапоги. На голове шлем с нащечниками, подвязан-

ными под подбородком. Ниже сохранилась деталь изображения, которую можно трактовать как стоячий ворот.

Единственной аналогией для рассмотренных батальных сцен в боспорском искусстве является рельеф на обломке надгробия I—II веков из некрополя Нимфея. Он наиболее близок к сюжету поединка всадника с пешим варваром из «Стасовского склепа». На нимфейской стеле изображен мчащийся вправо конный боспорец в развевающемся за плечами коротком плаще. Левой рукой, держащей узду, он поднял коня на дыбы, а правой с дротиком замахнулся на поверженного врага с коротким мечом и щитом. За всадником наполовину видна фигура оруженосца с длинным копьем в руках. Можно упомянуть также реверс медной монеты Рескупорида II. Здесь изображен скачущий вправо всадник с длинным копьем, а под ногами его лошади помещена миниатюрная фигура пораженного, на падающей лошади, но еще сражающегося противника, с головой в яйцевидном шлеме и корпусом, откинутыми назад.

Глава 4

Система обороны границ государства

Рубежи обороны

Границы, которые защищали боспорцы, были весьма размытыми в степных районах Крыма и Прикубанья. Основная же территория царства площадью более 2000 квадратных километров и населением около 250 000 человек разделялась на шесть известных нам из надписей военно-административных округов: Царская область (Пантикапей и прилегающие земли), Феодосия с округой, Танаис и земли в дельте Дона, Остров с центром в Фанагории, Горгиппия в Синдике и область аспургиан.

Первой линией обороны боспорских владений могли быть небольшие крепости и сторожевые посты, выдвинутые в горные и степные районы. К их числу на западной границе можно отнести Кутлакскую крепость в 60 километрах

к юго-западу от Феодосии¹⁰⁹ и однотипные двухкамерные постройки площадью 110—200 квадратных метров с мощными стенами, располагавшимися в 3,5—5 километрах друг от друга в окрестностях пограничного боспорского городка Баты на восточных рубежах¹¹⁰. Второй линией, носившей уже сплошной характер, служили валы предшествующего времени, продолжавшие использоваться в римский период. Страбон сообщает, что боспорский царь Асандр «построил на перешейке... поблизости от Меотиды стену длиной в 360 стадий (около 64 километров. — *Авт.*) и воздвиг на каждую стадию по 10 башен» (Strab. VII, 4, 6). С учетом имеющихся данных есть основания полагать, что в этот период были обновлены и усилены три древних земляных вала на Керченском полуострове: Арабатский (от берега Азовского моря к западу от Арабатской стрелки до Феодосии) длиной около 25 километров, Узунларский (от Азовского моря до Узунларского озера) — около 32 километров и, возможно, часть Тиритацкого вала в северо-восточной части Керченского полуострова. В сумме эти цифры близки к данным, приведенным Страбоном.

Грандиозные фортификационные работы вряд ли были предприняты ранее конца 40-х годов I века до н. э., когда положение Асандра на Боспоре окончательно упрочилось. Масштабы не должны нас смущать. При наличии опытных военных инженеров и организованной рабочей силы в виде нескольких тысяч солдат их возможно было осуществить в достаточно сжатые сроки. Наиболее близким по времени примером, связанным с практикой римской армии, является возведение в 58 году до н. э. 10 000 легионерами Цезаря вала высотой 4,8 метра и рва на протяжении 28 километров всего за 18—20 дней, чтобы воспрепятствовать продвижению гелльетов в пределы Нарбонской Галлии (Caes. De bello Gall. I. 8). В западной части Боспорского царства подобная задача упрощалась благодаря наличию уже существовавших сооружений и отсутствию спешки в работе. Что касается башен, которыми были усилены валы, то на строительство даже мощной башни затрачивался месячный труд 10—50 человек. Единственная из полностью исследованных башен Узунларского вала выглядит достаточно скромно. Прямоугольная

постройка, возведенная на материковой скале, имела размеры 10,4 на 12,8 метра при толщине стен 1,2–1,9 метра, что позволяет реконструировать здесь несколько этажей общей высотой 9–10 метров.

Перед Узунларским валом на протяжении 50–60 километров имелась практически лишенная поселений «мертвая зона», на преодоление которой потенциальный противник должен был затратить не менее одного-двух дней. То же самое было перед римскими пограничными линиями (лимесом), где запрещалось селиться варварам.

В пределах основной территории царства располагались, если позволяли особенности местности, отдельные укрепленные районы, иногда довольно большие по площади. В качестве примера можно указать на район азовского побережья Керченского полуострова и острова, образованные нижним течением Кубани. Дороги и наиболее важные со стратегической точки зрения пункты контролировались хорошо укрепленными крепостями, игравшими одновременно роль опорных пунктов для защиты прилегающей сельской округи. При их возведении, как правило, максимально использовались особенности природного рельефа, прежде всего удобные для обороны холмы и мысы.

Ряд городов, особенно центры военно-административных округов, имели собственную мощную фортификационную систему. Внешний вид крупных крепостей, очевидно, соответствовал изображениям, появляющимся на боспорских монетах с конца I века н. э., где представлены ворота с арочным завершением и фланкирующие их башни из прямоугольных каменных блоков.

Судя по тому, что укрепления вдоль рубежей государства находились не так уж далеко друг от друга, все они были связаны между собой и в конечном счете со столицей световой или дымовой сигнализацией. При вторжении врагов практически в течение суток могли быть мобилизованы значительные военные силы, а подразделения регулярной армии и отдельные гарнизоны вполне были способны оказать необходимую помощь друг другу. В любом случае нападению противостояла глубоко эшелонированная оборона. Так или иначе, «наблюдается любопытное соединение римской идеи

Боспорские монеты I–II веков с изображением крепостей
(по П. О. Бурачкову)

стратегической обороны и тактических приемов и конкретных рекомендаций по фортификации, выработанных еще эллинистическим миром»¹¹¹.

Поддержание в постоянной боевой готовности существующих линий укреплений и опорных пунктов было единственно возможным способом обеспечить достаточно эффективную оборону государства без содержания большой постоянной армии.

Крепость Илурат

Илурат, расположенный в 17 километрах к юго-западу от Пантикапея, — прекрасный образец боспорской крепости первых веков нашей эры. Этот археологический памятник в силу исключительной для Боспора сохранности всех элементов оборонительной системы заслуживает особого внимания. Того, кто попадает сюда в первый раз, поражает грандиозность сохранившихся мощных стен и башен. Они высятся на пологом скалистом плато высотой до 45 метров, круто обрывающемся вниз, где протекает небольшой ручей, впадающий в Чурубашское озеро, в древности бывшее морским заливом. Значительный перепад высот скальной поверхности в пределах оборонительных стен, составляющий около 15 метров, не смутил древних строителей. В процессе застройки городской территории они создали несколько искусственных террас высотой от 0,6 до 2 метров. Извлеченный здесь камень использовался для строительства. Оборонительные стены на северо-западе и северо-востоке следуют рельефу местности, а с напольной стороны пересекаются под прямым углом. Максимальная площадь застройки Илурата к середине III века н. э. составила около 3 гектаров.

Сейчас можно говорить о нескольких этапах строительства этой крепости. Из остатков сооружений раннего периода сохранились лишь небольшая башня и примыкающий участок стены толщиной 2,4 метра, вскрытый на протяжении 27 метров на северо-восточном склоне городища. Ранее считалось, что остатки крепостной стены здесь вообще искать бесполезно в силу естественного разрушения скалы. Тем не менее двадцать лет назад башня была случайно обнаружена

именно там, где ее когда-то видел первый исследователь Илурата Поль Дюбрюкс (1770—1835) и отметил на плане буквой N. Этот фрагмент крепости I века н. э., от которой не осталось почти ничего, сохранился, можно сказать, чудом. Ведь при любой основательной перестройке более ранние фортификационные сооружения или жилые кварталы, как правило, сносились до скалы, игравшей роль фундамента.

Открытая в последующие годы рядом с башней стена сложена весьма тщательно. Квадры ее внешнего панциря из пиленого известняка, обработанные в «руст» (так называется выступающая на лицевой поверхности центральная часть камня, подтесанного по краям), очень плотно подогнаны друг к другу. Дополнительную прочность кладке придавали связывавшие ее на всю ширину деревянные брусья, для которых предназначались специальные прямоугольные вырубы. Учитывая достаточно высокую сейсмическую активность в этом районе Крыма, такая деталь представляется достаточно продуманной.

Размеры первоначального Илурата нам неизвестны, но скорее всего в основном они соответствовали тому, что мы знаем для более позднего времени. При возведении крепости были использованы выгоды, которые обеспечивало высокое скалистое плато, ограниченное с двух сторон крутыми склонами, переходящими в глубокую балку, создающую естественную линию обороны. Существенным недостатком было отсутствие источников воды на территории, окруженной оборонительными стенами, что в случае осады могло поставить обитателей крепости в крайне тяжелое положение. Единственным выходом было устройство цистерн для дождевой воды, в древности считавшейся даже более здоровой, чем родниковая. На это совершенно определенно указывает Аристотель в своей «Политике»: «Водой и источниками город должен быть снабжен в возможно большем количестве; в противном случае это должно быть возмещено устройством многочисленных и больших цистерн для сохранения дождевой воды, так, чтобы никогда в ней не было недостатка на случай, если бы граждане оказались из-за войны отрезанными от своей территории» (Arist. Pol. VII, 10, 2). В Греции в обязанность городским чиновникам — астиномам —

вменялось производить перепись всех находящихся в домах цистерн, список представлять стратегам и следить за тем, чтобы хозяева держали цистерны закрытыми и ни одна не была засорена. Видимо, подобные требования соблюдались и в Илурате. Здесь на дворах многих домов и даже на главной улице обнаружены выдолбленные в твердой материковой скале вместительные пустые цистерны колоколовидной формы объемом от 7 до 10 кубических метров. Правда, целиком удовлетворить потребности населения Илурата в питьевой воде в условиях ведения военных действий они не могли.

Но еще П. Дюбрюкс отмечал: «Под северной угловой башней на тыльном скате почти в основании горы имеется заваленное землей углубление, которое могло бы быть входом в потайной ход, с тем, чтобы защитники нижних укреплений могли бы проходить туда и обратно...»¹¹². В. Ф. Гайдукевич также считал, что тут был выход из туннеля, вырубленного в скале, а длинное канавообразное углубление, спускающееся по склону близ северного угла крепости, вполне могло образоваться в результате осадки грунта на линии какого-то разрушившегося подземного хода. Этот провал завершался большой воронкообразной впадиной глубиной 1,5 метра. Наличие такого сооружения именно в этом месте объяснялось расположением неподалеку в ложбине источников воды¹¹³.

Позднее выход водоносных слоев был отмечен в балке, у подножия скалистого плато. Оставалось предположить, что на месте впадины находился колодец, служивший для жителей Илурата единственным постоянным источником воды в случае затянувшейся осады. И действительно в 2,5 метра от современной поверхности была обнаружена массивная кладка потайного колодца с почти квадратным устьем — 1,85 на 1,8 метра. По мере выборки заполнения открывались один за другим тщательно подогнанные по высоте квадры известняка, сложенные на известковом растворе с примесью песка. Несомненно, существовал и какой-то механизм для подъема воды наверх.

При значительных своих размерах колодец должен был обеспечивать достаточно эффективную систему сбора воды, поступающей по водоносным пластам. По крайней мере, когда его заполнение было выбрано на глубину около восьми

метров, в нем появилась чистая вода. Со дна колодца извлекли остатки каменной конструкции, перекрывавшей его устье.

Подземный ход длиной около 40 метров имел весьма простую конструкцию. Он представлял собой траншею, стенки которой укрепили каменными кладками, а в качестве перекрытия использовали огромные известняковые плиты. Ширина подземного хода — 1,4 метра, тогда как найденные в заполнении три каменные плиты от упавшего перекрытия имели длину 1,05–1,1 метра, то есть они должны были покоиться хотя бы на двух-трех уступах с каждой стороны. Учитывая местоположение и размеры этого подземного хода, где с трудом могли разойтись два человека, можно предполагать, что он был не единственным в системе водоснабжения крепости.

О том, к какому времени относится возведение раннего Илурата и связанных с ним сооружений, можно говорить лишь предположительно. Самые ранние образцы краснолаковой керамики и амфор на городище и в некрополе можно датировать первыми десятилетиями I века н. э.; они не могли попасть в культурный слой позднее середины этого столетия. Немногочисленный нумизматический материал в качестве возможной точки отсчета дает 37/38 годы н. э. Во всяком случае, первоначальная крепость, видимо, просуществовала недолго, около полувека, и подверглась разрушению где-то на рубеже 80–90-х годов I века н. э.

Илурат обрел свой классический, открытый раскопками облик только во II веке. Восстановление крепости, судя по монетным находкам и фрагментированной строительной надписи (КБН № 966) на тонкой мраморной доске, когда-то вделанной в оборонительную стену, относится ко времени правления царя Риметалка. При этом нижние ряды кладки ранней, северо-восточной оборонительной стены надстраиваются в совершенно другой технике из слегка обработанных крупных блоков дикарного известняка. Заново возводятся северо-западная, юго-западная и юго-восточная линии обороны. Помимо грубо обработанных камней в ход шел любой оказавшийся под рукой строительный материал: антропоморфные надгробия, архитектурные детали и даже каменные кормушки. Сейчас наибольшая сохранившаяся высота стен

составляет около 3 метров, но когда-то они были по крайней мере на пять метров выше. Об этом мы можем судить по основанию лестницы, которая вела на боевой марш юго-западной стены. Учитывая угол, под которым расположены пять сохранившихся ступеней, нетрудно вычислить до какого уровня они поднимались.

Прямоугольные башни, имевшие внутренние помещения, были многоэтажными. Самой мощная из них находилась на южном углу крепости. В ней полностью сохранился дверной проем входа в помещение первого этажа. Известна его высота: как показывает выявленный в стене паз для балки перекрытия, она составляла 2,6 метра. Всего же входов было не менее пяти. На верхних площадках башен, по-видимому, стояли камнемётные орудия, о чем свидетельствует находка известнякового ядра диаметром 20 сантиметров и весом около 3 килограммов без следов сколов, как это было бы в том случае, если бы его выпустили по крепости. Метательные машины, в которых использовались такие ядра, состояли из горизонтальной станины, направляющего желоба и вертикальной рамы с двумя пучками упругих канатов. Закрепленные в них рычаги стягивались тетивой из скрученных кишков, протянутой через ползун. Для производства выстрела при помощи натяжного ворота ползун с вложенным в желоб ядром оттягивался назад. Затем спусковое приспособление освобождало его, и снаряд резко выбрасывался вперед. Для обслуживания такого механизма требовалось не менее четырех человек. Как показали эксперименты, дальность выстрела из него для каменного ядра могла достигать 350 метров, а для массивной стрелы более 500 метров. Для искусного наводчика ничего не стоило попасть в человека на расстоянии в сто шагов или в более объемную цель на вдвое большем расстоянии¹¹⁴. При этом можно вспомнить, что еще в период наполеоновских войн поразить из мушкета на дистанции в сто шагов отдельно стоящего человека считалось практически невозможным.

Не стоит думать, что использование подобных метательных орудий было делом давно минувших времен. Мощности их была так велика, что еще в XVIII веке звучали предложения вернуться к использованию этой «артиллерии» вместо огнестрельных орудий. Даже в период Первой мировой вой-

ны 1914–1918 годов в германской армии предпринимались серьезные попытки применить в военных целях разработки по реконструкции античных метательных машин. В последний раз в военной практике, правда, с применением вместо волосяных канатов гибких стальных полос, они использовались, из-за недостатка артиллерии, участниками Варшавского восстания 1944 года.

Потенциальные противники илуратцев — поздние скифы — в этот период тоже обладали соответствующим набором военной техники, в том числе и осадной. Определенный интерес представляет изображение на штукатурке колесного тарана с покатой крышей, датируемое II веком н. э., обнаруженное при раскопках в их столице Неаполе. Главной ударной силой этого орудия была мощная балка с наконечником из кованого железа. Обычно она подвешивалась на цепях к другой балке, закрепленной упорами. Иосиф Флавий в «Иудейской войне» описывает действие тарана следующим образом: «Множество людей оттягивают его назад, а затем все разом налегают на него, толкая вперед, так что он ударяет в стены своим железным концом. И нет такой мощной башни и толстой стены, которая, хотя бы и выдержала первые удары, могла противостоять долго» (Jos. Fl. Bell. Jud. III, 215). Судя по следам выявленного рядом с южной башней пролома в оборонительной стене, защитникам Илурата пришлось на практике познакомиться с подобной стенобитной машиной.

Несомненно, этот неудачный опыт был учтен при основательной реконструкции крепости в последней четверти II века н. э., когда царь Савромат II предпринял энергичные меры по укреплению обороны государства. В этот период и происходит коренная перестройка всего Илурата. Толщина юго-западной стены и куртин между башней IV и юго-восточными воротами достигает в основании 8,2 метра — здесь с внешней стороны был пристроен наклонный, под углом 85 градусов, противотаранный пояс из огромных уплощенных плит дикарного известняка. Пространство между ними и основной стеной было заполнено плотно утрамбованным щебнем и известковой крошкой. На куртинах юго-восточной стены, от ворот до башни I, противотаранный пояс пристраивается непосредственно к первоначальным оборонительным

сооружениям (общая толщина 6,4 метра). Дополнительный панцирь получила и северо-западная стена; ее толщина достигла 3,15 метра. Помимо этого юго-западная сторона обороны была усилена за счет широкого рва глубиной 1,5 метра, выдолбленного в скале и заполнявшегося дождевой водой. Здесь же находились единственные сохранившиеся ворота, перед которыми при сооружении рва была оставлена перемычка. Они представляли собой камеру-шлюз длиной 10,2 метра и шириной около 4 метров. С внешней стороны их фланкировали не башни, а пилоны, выступавшие за линию стены на 2 метра, что заставляет предполагать наличие надвратной башни. Внутренние створки ворот запирались бревном-засовом, для которого предназначался специальный четырехугольный желоб. Таким образом, даже если осаждавшим удалось бы преодолеть внешние ворота, они оказались бы в ловушке и подверглись истреблению.

Оборонительные сооружения, восстановленные в середине II века н. э., были возведены одновременно с жилыми кварталами в короткие сроки, по единому плану, поэтому многие дома примыкали непосредственно к оборонительным стенам. Таким образом, в случае военной опасности часть воинов могла быстро попасть в башню или подняться на стену прямо со двора собственного дома. Основой регулярной планировки города были две главные улицы, пересекающиеся под прямым углом и выходящие к воротам, подобно *cardo maximus* и *cardo decumanus* римского лагеря.

Ряд наблюдений позволяет говорить о том, что основную массу жителей Илурата составляли выходцы из соседних варварских племен, размещенные здесь на правах военных поселенцев. При общей численности населения крепости 800–900 человек они могли выставить не менее 140–150 воинов. Наиболее состоятельные из них участвовали в военных действиях в качестве катафрактариев, изображение одного из которых сохранилось на куске штукатурки красного цвета.

Заключительным этапом в развитии фортификационной системы Илурата стало возведение полосы жилой застройки на склоне за пределами северо-западной оборонительной стены, приблизительно в 30 метрах от нее. С узкими проходами между домами она создавала дополнительное препятствие

на пути врага и была своего рода передовым укреплением; отсюда в случае серьезной опасности можно было через каменную в крепостной стене отступить на территорию крепости. С одной стороны, таким образом, видимо, пытались решить проблему дефицита свободной площади под строительство на основной территории крепости, с другой — устраняли возможность для нападавших сосредоточить свои силы на имеющейся здесь террасе для штурма относительно слабого участка обороны. Строительные работы на этом склоне, где вплоть до начала III века ссыпали золу и бытовые отходы, судя по находкам монет, производились не ранее времени правления царя Ининфимея (234—238), когда на Боспоре вообще велись значительные фортификационные работы.

Несомненно, это было связано с подготовкой к отражению новых варварских нападений, но не они предопределили дальнейшую судьбу Илурата. Вмешался природный фактор: в середине III века многие города и поселения Европейского Боспора пострадали от разрушительного землетрясения. Даже если стены и башни Илурата хотя бы частично пострадали в результате подземных толчков, восстановить их в условиях нестабильной обстановки и финансовых затруднений в государстве вряд ли представлялось возможным. Это объясняет, почему нормальная жизнь в крепости протекала только до середины III века. Уже в первые годы раскопок анализ вещевых находок в илуратских домах показал, что с начала второй половины этого столетия Илурат перестал быть тем, чем он был до этого, — важным опорным пунктом на западных подступах к столице Боспора.

Это не значит, что жизнь в городе полностью замерла. В нем продолжало обитать рядовое население. Но здесь уже не было той командной верхушки, которая играла руководящую роль в Илурате в период его функционирования в качестве важного звена оборонительной системы Боспорского царства. Богатые большие дома центральных кварталов в завершающий период существования Илурата были уже покинуты их бывшими владельцами. Пришедшие в плохое состояние, лишенные своего внутреннего убранства и обстановки, они использовались рядовыми горожанами, продолжавшими жить здесь на свой страх и риск в то беспокойное

время. Но когда военно-политическая ситуация на Боспоре в связи с походами готов и других германских племен внезапно обострилась, последние обитатели полуразрушенной крепости не стали защищать ее и покинули свои дома в спешном порядке.

О времени, когда погиб Илурат, мы знаем благодаря кладу монет, найденному случайно в центре города, на уже раскопанном участке. Монеты, 66 статеров прекрасной сохранности, сохранили форму истлевшего мешочка, который владелец второпях засунул под каменную плиту в помещении для содержания скота. Они относятся к периоду с 242 до 267 год. Поскольку в последующие семь лет в монетном деле Боспора наблюдается перерыв, клад мог быть сокрыт именно в эти годы. Судя по отдельным находкам, кто-то из прежних обитателей Илурата еще возвращался на родное пепелище и даже жил здесь, но оборонительные сооружения так и остались лежать в руинах.

Крепости Азиатского Боспора

На восточном берегу Керченского пролива, где отсутствует высококачественный строительный камень, для возведения фортификационных сооружений часто использовались конструкции из сырцового кирпича с использованием деревянных балок. Характерным примером в этом отношении являются крепости, входившие в созданную при Асandre систему обороны Фанталовского полуострова: Патрей, «Батарейка I», у поселка Красноармейское и др.¹¹⁵

На первом этапе строительства этих укреплений с помощью рва намечались их будущие границы. Добытый таким образом грунт шел на сооружение вала, достигавшего высоты 3 метра при ширине основания до 10 метров. Второй этап был связан с возведением башен на специальных фундаментах из рваного камня. Кладка башен состояла из сырцовых кирпичей на глинистом растворе с равными им по толщине деревянными брусьями, уложенными вдоль и поперек в целях повышения прочности всего сооружения. На третьем этапе по той же схеме строились куртины — оборонительные стены между башнями. Наконец, в ходе дальнейших работ

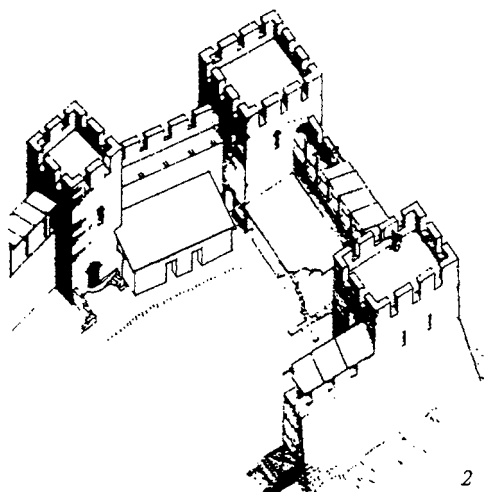
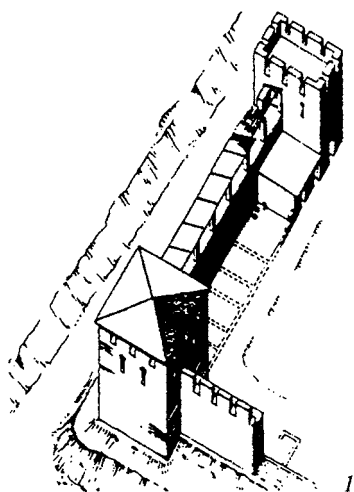
к башням и куртинам с внутренней стороны пристраивались глиняные платформы шириной 8–9 метров, усиленные кладками из сырцового кирпича и бутового камня. Нетрудно представить, насколько это должно было затруднить действие вражеских таранов или подведение осадных подкопов. Башни с толщиной стен до 3 метров имели не менее трех этажей высотой 3–5 метров каждый и, как и куртины, в большинстве случаев были снабжены кровлями. Об этом свидетельствуют использовавшиеся для их утепления пласты морской травы — камки, обнаруженные у их подножия. Конструкция крепостных ворот известна пока только по раскопкам Патрея. Как в Илурате, они имели с внешней стороны пилоны и, видимо, перекрывались арочным полуциркульным сводом надвратной башни. Не исключено, что для защиты проема ворот помимо створок, запиравшихся деревянной балкой, дополнительно применялась падающая решетка-катаракта.

Крепости Фанталовского полуострова просуществовали около 150 лет и погибли в пламени пожаров в начале II века н. э., когда при царе Савромате I вновь обострились отношения с варварами. Результаты раскопок говорят о том, что связанные с этим события развивались стремительно. Оставленные гарнизонами крепости были подожжены вместе с хранившимися в них запасами зерна и масла и затем целенаправленно разрушены с помощью стенобитных машин. В дальнейшем оборонительная система Фанталовского полуострова так и не возродилась. Зато все большее внимание стало уделяться укреплению таких крупных стратегических пунктов на границах Боспорского царства, как Танаис и Горгиппия.

Глава 5

Боспор на пути от независимости к статусу вассального царства

Для характеристики военно-политической ситуации на Боспоре после смерти Митридата VI Евпатора имеются лишь отрывочные данные. В основном они касаются собы-

Крепости Азиатского Боспора. I век до н. э. — I век н. э.:
1 — «Батарейка I»; 2 — «Батарейка II» (по В. П. Толстикову)

тий, которые напрямую затрагивали интересы Рима. Система отношений между двумя государствами устоялась далеко не сразу.

«Друг римлян» Фарнак

Начало было положено в 63 году до н. э., когда боспорский трон занял Фарнак, хорошо зарекомендовавший себя перед Римом благодаря мятежу, поднятому против отца (App. Mithr. 113; Dio Cass. XXXVII, 14, 2). Гней Помпей даровал ему статус «друга и союзника римского народа», но при этом предоставил автономию самому крупному городу Азиатского Боспора — Фанагории. Фарнак смирился с этим, ведь в остальном договор с Римом мало чем ограничивал его реальную власть. Тогда нога римского солдата еще не ступала на берега Боспора Киммерийского, и молодой царь чувствовал себя в относительной безопасности, отделенный от владений своего могучего «союзника» Черным морем и дикими племенами кавказского побережья. Судя по официальным надписям, он даже не включил наименование «друг римлян» в свою официальную титулатуру, что, как правило, было обязательным для вассальных правителей. Более того, спустя несколько лет он начинает чеканить золотые статеры с надписью «великий царь царей».

Очевидно, за это время Фарнак сумел овладеть восточным побережьем Меотиды вплоть до Танаиса (Strab. XI, 2, 11), силой подчинив ряд местных племен. Особенно упорное сопротивление оказали ему дандарии, обитавшие в районе современного устья Кубани. Для их покорения потребовалось направить реку в другое русло, чтобы затопить земли непокорных варваров.

Окончательной смене политического курса, очевидно, способствовали события на Востоке, где парфяне в 55 году до н. э. вторглись в Армению, а затем в битве при Каррах нанесли поражение легионам Марка Лициния Красса. Теперь единственным препятствием на пути Фарнака к осуществлению замыслов о возвращении всего отцовского наследства была только свобода Фанагории. Царская армия окружила город со всех сторон. Осада затянулась, и призрак голодной

смерти вынудил фанагорийцев решиться на сражение, которое они проиграли. Ограничившись взятием заложников, Фарнак формально сохранил автономию города, разрушив при этом его оборонительные стены¹¹⁶. Теперь он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы начать борьбу за все наследие отца.

«Пришел, увидел, победил» — это принадлежащее Юлию Цезарю выражение, символизирующее быструю и сокрушительную победу, связано с его победой над Фарнаком в Малой Азии, в битве при Зеле. Собрав значительные военные силы, в том числе за счет союзных сарматских племен, царь двинул их вдоль восточного берега Понта. В короткие сроки он захватил Колхиду, Малую Армению и Каппадокию, изгнав оттуда сторонников Помпея и местных правителей Дейотара и Ариобарзана. В задуманной им политической игре это выглядело как действия в поддержку Цезаря в начавшемся в 49 году до н. э. противостоянии с Гнеем Помпеем; соответственно Фарнак рассчитывал на благосклонность Цезаря в отношении расширения подвластных ему земель. Но у Цезаря был свой взгляд на пределы возможного компромисса. Он поручил Домицию Кальвину добиться возврата союзникам и друзьям римского народа их владений; правда, Колхида при этом не упоминалась. Фарнак вывел войска из Каппадокии, но сохранил за собой Малую Армению. Римляне сочли это недостаточным, и против него выступил XXXVI легион под началом Домиция Кальвина, к которому позже добавились четыре легиона, набранные из обученных по римскому образцу жителей Понта и Галатии. Боевые качества этих новобранцев оставляли желать лучшего. В аналогичной ситуации применительно к событиям более позднего времени Тацит пишет: «Хотя этим солдатам недавно дали римское гражданство, значки и оружие, принятые в нашей армии, они, по сути дела, остались прежними ленивыми, распущенными греками» (Тас. Hist. III, 47).

Две армии встретились в сражении у Никополя (De bello Alex. 36–40; Dio Cass. XLII, 42, 2; App. Bell. Civ. II, 91; App. Mithr. 120). Численность войска Фарнака неизвестна, но инициатива, безусловно, была в его руках. Когда Кальвин подошел ближе к Никополю и разбил лагерь прямо напротив

города, Фарнак, вызывая противника на битву, выстроил свои войска по системе, которую, очевидно, уже успел опробовать в других сражениях. Строй боспорских воинов представлял собой прямую линию, за которой на флангах и в центре размещались с соответствующими промежутками по три резервные линии. Фланги этого построения защищала конница. Но Кальвин не ответил на вызов и продолжил строительство лагерных укреплений. Тут, однако, из перехваченного следующей ночью письма Фарнак узнал, что Цезарь, оказавшийся в сложной ситуации в Александрии, требует, чтобы Кальвин явился к нему на помощь. Царь сразу переменял тактику: поскольку Кальвин поневоле должен был скоро уйти, оставалось только не торопить события. На пути вероятного отступления римлян Фарнак приказал вырыть на небольшом расстоянии друг от друга два рва глубиной более метра. Между ними он выстроил свою пехоту, а многочисленную конницу оставил на флангах за пределами рвов. Наконец все римское войско вышло из лагеря в полном боевом порядке. Самый надежный XXXVI легион занял позицию на правом фланге, понтийский — на левом, а два легиона галатского правителя Дейотара расположились в центре. Почти одновременно с обеих сторон раздался сигнал к бою. XXXVI легион атаковал царскую конницу, потеснил ее и, форсировав ров, ударил Фарнаку в тыл. Но это был, пожалуй, единственный успех римлян. На другом фланге понтийский легион сделал попытку перейти через ров, но был обстрелян камнями из пращей и стрелами из легких катапульт и затем почти полностью уничтожен. Легионы Дейотара также понесли большие потери. Таким образом, большая часть римского войска была рассеяна.

Опьяненный этим успехом Фарнак снова занял Каппадокию, а затем Понт и Вифинию. Здесь он, видимо, пополнил свою армию и, используя старые царские арсеналы, обзавелся серпоносными колесницами. На этом, однако, полоса его везения закончилась. Многие понтийские города не открыли перед ним ворота, а террор в отношении завоеванных областей не способствовал его популярности среди местного населения. Кроме того, в его собственном царстве вспыхнул мятеж во главе с оставленным им наместником Асандром. Впрочем, когда Цезарь, завершив Александрийскую войну,

прибыл в Малую Азию, Фарнак начал с ним переговоры, похвляясь через своих послов, что его войско двадцать два раза было в сражении и всегда побеждало. Он даже предложил римскому полководцу породниться через брак с его дочерью. Очевидно, это была Динамия, которая впоследствии не раз становилась разменной монетой в планах закрепления боспорского трона за тем или иным правителем.

Ответом Цезаря стало требование покинуть территорию Понта. Подчинение означало крах всей политики Фарнака, и он решил испытать судьбу в битве. Противники столкнулись у небольшого города Зела, где когда-то был побежден Митридатом римский военачальник Триарий. Цезарь, действуя быстро и внезапно, захватил возвышенность в миле от неприятельского лагеря, располагавшегося на самом высоком холме в долине у Зелы, и стал возводить там укрепления. Следуя благоприятным для него птицегаданиям и другим предзнаменованиям, Фарнак на рассвете 2 августа 47 года до н. э. двинул войска в атаку. Римляне сначала расценили это как маневр с целью помешать их фортификационным работам, но затем поняли, что Фарнак задумал дать решающее сражение. Застигнутый врасплох Цезарь отдал приказ выводить против врага легионы, но легионеры еще не успели построиться, когда на них обрушились серпоносные колесницы, вооружение которых состояло из расположенных по обе стороны от ярма двух изогнутых на конце лезвий и двух прикрепленных к концам оси серпов каждый длиной около 90 сантиметров. Это была последняя в истории военного искусства атака подобного рода.

За колесницами шла неприятельская пехота. Развернулся ожесточенный рукопашный бой, продолжавшийся четыре часа. Однако ни внезапность нападения, ни психологический эффект, произведенный колесницами, не помогли Фарнаку — сражение закончилось победой римлян. После разгрома Фарнак бежал в Синопу и оттуда отплыл на Боспор. Лишившемуся всего царю еще удалось при помощи скифов и сарматов захватить Феодосию и Пантикапей, но затем он, геройски сражаясь, погиб в битве. После этого ничто не препятствовало Асандру, женившись на Динамии, закрепить свои права на трон.

Рука боспорской царицы
на весах римской политики

Стремление римских властей, начиная с Юлия Цезаря, иметь на Боспоре в лице дружественного правителя «оплот против варварских и враждебных царей» (*De bello Alex.* 78) вполне понятно, но достигнуть этой цели удалось далеко не сразу. Асандр сохранил свою власть вопреки воле Рима, разгромив войско пытавшегося лишить его власти Митридата Пергамского, личного друга Цезаря. Три года спустя он принял титул царя, и Риму пришлось с этим согласиться. Новый боспорский царь активно занялся укреплением границ своего государства (*Strab.* VII, 4, 6; XI, 11, 11). Ему удалось привлечь на военную службу варваров — аспургиан, выходцев из сарматской кочевой среды. В том, что аспургиане появились на Боспоре именно при Асандре, а не ранее, убеждает найденная на Таманском полуострове, в резиденции некоего Хрисалиска, плита с надписью, упоминающей самого владельца и царя Асандра. Когда-то она была вмонтирована в стену на видном месте, над входом в дом. Ошибки, допущенные при изготовлении надписи, говорят о том, что обитатели крепости, которых достаточно обоснованно считают аспургианами, плохо владели греческим языком, то есть находились на начальной стадии превращения их в боспорцев¹¹⁷.

Наиболее вероятным представляется, что аспургиане продвинулись к границам Боспора из Нижнего Поволжья, где, судя по ситуации, описанной Тацитом (*Tac. Ann.* VI, 33), действовали независимо друг от друга много сарматских вождей (скептухов), самостоятельно заключавших военные союзы с правителями соседних стран. Неизвестно, с чьей стороны в данном случае исходила инициатива, ведь кочевники часто стремились занять определенную территорию для постоянного проживания. Например, кутригуры, вынужденные после поражения в войне с утигурами покинуть принадлежавшие им земли в Причерноморье, выговорили себе право расселиться в пределах Византийской империи с обязательством защищать границу от других варваров. Любопытна реакция их победителей на это. Они испытали страшную зависть: «Этим кутригурам дается возможность наедаться

хлебом, они имеют полную возможность напиваться допьяна вином и выбирать себе всякие приправы. Конечно, они могут и в банях мыться, золотом сияют эти бродяги, есть у них и тонкие одеяния, разноцветные и разукрашенные золотом», в то время как утигуры должны жить «в хижинах в стране пустынной и во всех отношениях бесплодной» (Проспер. Саес. Bell. VIII, 19). Эта речь, обращенная к византийскому императору, ярко характеризует представления кочевников о жизни близ центров цивилизации, недоступной при постоянном перемещении с места на место. Точно так же аварские послы на приеме в Константинополе обещали, что они готовы стать защитниками империи, если будут ежегодно получать драгоценные подарки и деньги и будут поселены в плодородной земле.

Вероятно, название «аспургиане» произошло от топонима, связанного с неким Аспургом и его воинами¹¹⁸, которым Асандр предоставил территорию для поселения между Фанагорией и Горгиппией (Strab. XI, 2, 11; XII, 3, 29). Отсутствие аспургиан в списке племен, подвластных Боспору в I веке н. э., говорит скорее о политическом, а не этническом характере данного термина. Судя по всему, Асандр в данной ситуации действовал так же, как и его младший современник Ирод Великий (37—4 годы до н. э.). Иосиф Флавий сообщает, что, желая укрепить свои позиции на восточных границах подвластных ему земель, иудейский царь предоставил там область для поселения некоему вавилонянину, перешедшему «через Евфрат во главе пятисот вооруженных луками всадников и около ста родственников... Этим он желал не только оградить свою собственную страну, но и иметь пункт, откуда он мог бы быстро нападать на врагов своих», а также «создать оплот лично для себя. Вместе с тем он объявил эту область свободной от всех налогов и обычных повинностей и предоставил ее ему (то есть вавилонянину. — *Авт.*) в безвозмездное пользование» (Jos. Fl. Ant. XVII, 2, 1). Такие привилегии могли получить и аспургиане, которые стали для правящей династии надежной опорой на Азиатском Боспоре. Возможно, связи вождя аспургиан с правящей династией, по примеру Митридата Евпатора (App. Mithr. 102), были дополнительно укреплены родственными отношениями. Так поступали мно-

гие правители и позднее: например, грузинский царь Давид Строитель, в начале XII века предложивший половецкому хану Атраку с пятью тысячами отборных бойцов переселиться на южную и восточную границы своего государства, выдал замуж за него дочь Гурандухт и фактически сделал его своей правой рукой в борьбе с турками-сельджуками и непокорными местными феодалами.

Пока Римскую державу сотрясали гражданские войны, Боспорское царство вело совершенно самостоятельную политику. Оно попадает в относительную зависимость от своего могущественного соседа, видимо, только после 22 года до н. э., когда император Август занялся на Востоке реорганизацией вассальных государств. Показательно, что термин «любящий римлян» применительно к Асандру впервые появляется только в посвящении наварха Панталеонта, относящемся к последним годам его царствования. В этом посвящении упоминается и царица Динамия. О факте соправления Динамией и Асандра, по крайней мере с 21 года до н. э., свидетельствует статер с именем царицы, найденный в святилище на Гурзуфском седле близ Ялты. Не вдаваясь в дискуссию относительно начала чеканки монеты самого Асандра, которую теперь принято относить к 50/49 году до н. э. (соответственно сдвигается и дата его смерти на тридцатом году правления), заметим, что от прежней датировки правления Асандра на Боспоре отказываться пока рано. Трудно предположить передачу Фарнаком права чеканки золотых монет другому, пускай даже влиятельному, лицу за три года до смерти, на волне роста своего могущества, позволившего вступить в противоборство с Римом за понтийское наследство. Таким образом, посвящение Панталеонта скорее всего было сделано между 21 и 17 годом до н. э., с которого началось самостоятельное правление Динамией, что свидетельствует об отсутствии наследника, способного занять трон.

Отношение Августа к царице Динамией как внучке Митридата Евпатора наиболее образно выразил М. И. Ростовцев: «Вручить ей одной Боспор было неосторожно, не считаться с нею невозможно»¹¹⁹. Римские власти, надо полагать, опасались возрождения на Боспоре митридатовских традиций, то

есть усиления местных правителей главным образом за счет опоры на варварскую периферию и военно-хозяйственных поселенцев. Это могло рассматриваться как потенциальная угроза северо-восточным границам империи.

Еще при жизни Асандра на Боспоре появился некий Скрибоний, объявивший себя внуком Митридата VI Евпатора и утверждавший, что сам Август пожелал сделать его царем (Dio Cass. LIV, 24, 4). Царица Динамия, не желая углублять конфликт, вышла за него замуж, но реальной властью новый правитель не пользовался. Тем не менее последовало прямое вмешательство Рима. Полководец Марк Випсаний Агриппа, зять Августа, от его имени решавший на Востоке дела римских провинций и вассальных государств, в 14 году до н. э. поручил понтийскому царю Полемону устранить Скрибония. Боспорцы, не желая войны, скорее всего при поддержке Динамии, сделали это сами и попытались помешать Полемону утвердиться на Боспоре. Тогда Агриппа решил поддержать своего ставленника и предпринял поход против непокорного царства. Корабли Агриппы сосредоточились у Синопы, откуда пролегал краткий морской путь к северным берегам Понта, в херсонесскую гавань и далее в Феодосию и Пантикапей. Ранее по этому маршруту, очевидно, уже проследовал Полемон, получивший от Херсонеса военную поддержку. На данное обстоятельство указывает надпись в честь местного гражданина, возглавившего вспомогательный отряд, отправленный Полемону на помощь (IRE, I². 419). Из сообщения Диона Кассия, который не вдается в подробности, следует, что уже сама угроза римского вторжения побудила враждебные Полемону силы сложить оружие и подчиниться (Dio Cass. LIV, 24, 4).

Между тем Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» повествует о присоединившейся у Синопы к Агриппе флотилии царя Ирода и далее о том, что «во время этого похода Ирод был неотлучно с ним, являясь его союзником в боях, советником в серьезные минуты... всегда и везде был он с ним, деля с ним все тягости...», пока не «окончилось у них то дело на Понте, ради которого Агриппа был послан туда» (Jos. Fl. Ant. XVI, 2, 2). Отметим также свидетельства таких поздних авторов, как Евтропий, включивший в перечисление

стран и народов, побежденных при Августе, все города Понта, «среди которых наиболее известными были Боспор и Пантикапей» (Eutrop. VII, 9), и Орозий, сообщаящий о военной победе Агриппы над боспорскими народами (Oros. VI, 21, 28). Об успешных действиях Агриппы на Боспоре говорит и тот факт, что по возвращении в Рим сенат назначил ему триумф, который, впрочем, так и не был отпразднован (Dio Cass. LIV, 24, 10). Согласно традиции, право на триумф имел полководец, который в качестве главнокомандующего одержал решительную победу в объявленной войне с внешним врагом. Следовательно, можно говорить о том, что, по крайней мере на первых порах, Боспор был приведен к покорности с помощью самого Агриппы. В этой связи обращает на себя внимание находка в святилище у перевала Гурзуфское седло крупной бронзовой пластины-лунницы с посеребренной лицевой поверхностью, которая определяется как деталь сигнума — воинского знака когорты или манипулы. Она хорошо известна по монетам времен Марка Антония и Августа с фигурами сигниферов (знаконосцев) и датируется двумя последними десятилетиями I века до н. э. Лунница могла попасть в качестве приношения в святилище не позднее рубежа нашей эры как трофей, взятый одним из участников бурных событий, связанных с воцарением Полемона. Утрата воинского знака считалась самым большим позором и влекла за собой достаточно серьезные последствия вплоть до лишения соответствующего подразделения названия и распределения солдат между другими военными частями.

Археологические исследования зафиксировали крупные разрушения или гибель в пожаре целого ряда поселений Европейского Боспора. Где-то после правления Асандра, судя по находкам его монет, гибнет крепость Порфмий в районе переправы через пролив. На другой стороне пролива следы разрушений отмечены в ряде районов Фанагории и восточнее, на Семибратнем городище. В то же время Пантикапей не пострадал — он, очевидно, действительно сдался, покончив дело миром. Так или иначе, результат был достигнут: во главе царства оказался римский ставленник. Полемон никогда не забывал, кому он был обязан властью на Боспоре, и, видимо, сразу после смерти Агриппы в 12 году до н. э.

демонстративно переименовал Гермонассу в Кесарию, а Фанагорию — в Агриппию.

Относительно дальнейшей судьбы Динамии мы можем только догадываться. Если ее брак с Полемоном и состоялся, как об этом сообщает Дион Кассий, то он был весьма непродолжительным. Существует предположение, что она отправилась в качестве заложницы в Рим, где и пребывала вплоть до смерти Полемона в 8 году до н. э. Тогда по крайней мере понятно, почему, женившись по указанию Августа на Пифодориде, внучке Марка Антония, Полемон до своей смерти в 8 году до н. э. успел произвести на свет двух сыновей и дочь.

Положение нового царя не было достаточно прочным, особенно в азиатской части Боспора. Очевидно, уже в ходе военных действий 14 года до н. э. в борьбу против Полемона и римлян активно включились аспургиане, у которых, видимо, были на то свои причины. Не исключено, что Динамия отправилась в Рим не одна. Ч. Роуз, исследовавший южный фриз Алтаря Мира, воздвигнутого в Риме к 9 году до н. э., предположил, что рядом с Агриппой здесь изображена боспорская царица с сыном¹²⁰. Мальчик лет пяти, увенчанный диадемой, имеет явно варварские черты и носит на шее гривну. Напрашивается еще одно предположение: в критический момент уже немолодая Динамия, которой к моменту завершения работы над Алтарем Мира было больше 50 лет, могла официально усыновить отпрыска одного из знатных аспургианских семейств, ставшего впоследствии царем Аспургом, чтобы обеспечить поддержку его сильных в военном отношении сородичей. Если это так, то она добилась своей цели — аспургиане последовательно боролись с навязанным Боспору римским ставленником.

Война на Азиатском Боспоре после ухода римлян затянулась надолго. Полемон совершил поход против Танаиса и подверг его разгрому (Strab. XI, 2, 3), следы которого зафиксированы раскопками. В конце I века до н. э. погибли резиденция Хрисалиска, крепость на юго-западном берегу Ахтанизовского лимана, крепость у станицы Анапской близ Горгиппии, Раевское городище и поселение у Широкой балки. Очевидно, Полемон вовсе не собирался гарантировать

особый статус аспургиан в своем царстве, хотя, возможно, переговоры об этом велись. О финале этого противостояния Страбон сообщает следующее: «Когда царь Полемон, напав на них под предлогом заключения договора о дружбе, не сумел, однако, скрыть свои намерения, они перехитрили его и, захватив в плен, убили» (Strab. XI, 2, 11).

Скорее всего одним из аспургианских вождей, сыгравшим важную роль в этих событиях, был Матиан, сын Заидара, известная надгробная стела которого была поставлена от имени царицы Динамии «памяти ради». Для Боспора это уникальный случай постановки надгробия от имени царствующего лица, что предполагает особые заслуги погребенного и особый характер его отношений с правящим домом. Вряд ли надгробие Матиана было установлено в период борьбы с Полемоном. И действительно, если придерживаться давней гипотезы о втором единоличном правлении Динамии в 8 году до н. э. — 7 году н. э., становится понятным большое количество надписей, сделанных от ее имени или в ее царствование. Их девять в отличие от двух, относящихся к Асандру, и четырех — к Аспургу, а ведь эти цари пребывали у власти достаточно долгое время. Если допустить личное знакомство царицы с Августом и Ливией, вполне логичным становится решение римским принцепсом вопроса о власти над Боспором после смерти Полемона в ущерб интересам его вдовы Пифодориды. Отсюда и благодарность Динамии, выразившаяся в установке статуй императорской четы в трех крупных городах царства — Пантикапее, Фанагории и Гермонассе, и чеканка, начиная с этого времени, золотых статеров с портретами Августа и Агриппы. Кроме того, статус союзного царства обязывал боспорских правителей участвовать в формировании подразделений вспомогательных войск для римской армии, и уже с 8/7 года до н. э. боспорские вспомогательные части появляются в Малой Азии, что засвидетельствовано надписью из Антиохии Писидийской, где упоминается префект Боспорской когорты.

В период правления Динамии и позднее часть аспургиан, видимо, находилась на военной службе в столице в качестве царской гвардии. Некоторые из них вошли в состав правящей элиты, восприняв греческие имена, язык и отчасти религи-

озные представления. Данное обстоятельство в дальнейшем облегчило приход к власти на Боспоре представителя сарматской династии.

Аспург: «сармат» на троне боспорских царей

Основателем династии, имевшей сарматские корни, стал уже упоминавшийся Аспург. Вероятно, этому предшествовали военные действия против других претендентов на трон. Во всяком случае, если судить по золотым и медным монетам, выпущенным на Боспоре начиная с 8 года н. э., у него был по крайней мере один предшественник. Непокойно на Боспоре было и в 14 году н. э., в период поездки Аспурга в Рим, где Тиберий закрепил за ним титул царя. Это совершенно определенно явствует из горгиппийского декрета, в котором говорится, что город в отсутствие царя оставался спокойным, видимо, в отличие от других областей государства.

В пышной официальной титулатуре Аспург именуется великим царем, другом цезаря и другом римлян, царствующим над всем Боспором, Феодосией, синдами, меотами, торетами, псессами, тарпетами и танаитами; причем последние два племена при прежних правителях в титулатуру не включались. В надписях отмечается, что он подчинил скифов и тавров, которые ранее не раз беспокоили своих соседей неожиданными набегами и нападениями.

Напряженная ситуация на западных рубежах Боспора возникла еще в конце I века до н. э., но только Аспургу удалось усмирить непокорных соседей. Об этом мы знаем из посвяtitельной надписи Менестрата, носившего титул начальника острова (КБН № 40); и другого посвящения, датированного 23 годом (КБН № 39). С победой Аспурга над скифами и таврами можно связать установку его статуи в Херсонесе (IRE, I², 704) и появление на боспорских монетах времени его правления головы бога войны Ареса и трофея. Согласно монетной практике того времени, это свидетельствовало об успешном ведении войны. О событиях военного характера, связанных с Неаполем Скифским, свидетельствуют и археологические материалы, которые дают основание говорить об усилении в начале I века н. э.

местной оборонительной системы, пожарах в городе и пригороде и последующем восстановлении построек во второй четверти того же столетия.

Правда, вряд ли можно говорить об оккупации Боспором всей или почти всей крымской части скифского царства, включая его столицу. Не исключено, что Аспургу удалось добиться утверждения у скифов своего ставленника и создания хотя бы временного боспоро-скифского союза. Эта точка зрения находит подтверждение в надписи из Неаполя Скифского, где упоминается царь Ходарз, сын Омпсалака, при этом шрифт надписи имеет «наиболее близкие палеографические параллели в лапидарных документах времени Динамии и Аспурга»¹²¹.

В это время Боспор, по-видимому, представлял собой серьезную силу, которая контролировала военно-политическую ситуацию во всем Северо-Восточном Причерноморье. Были установлены дружественные отношения с варварским окружением на азиатской стороне Боспора (этим можно объяснить первоначальное отсутствие укреплений в Танаисе, восстановленном после полемоновского разгрома), укреплены контакты с Римом, в результате чего в 23 году н. э. в титулатуре Аспурга появляется такой элемент, как *φίλοςκαισαρ* — «друг цезаря» (КБН № 40). Возможно, с этим титулом связано принятие Аспургом имени Тиберий Юлий. По-видимому, это сопровождалось дарованием ему и его будущему потомству звания и привилегий римского гражданина. Как бы то ни было, имя Тиберий Юлий стало династическим для правителей Боспора вплоть до начала VI века н. э. Включение в царскую титулатуру наименования «друг цезаря и друг римлян» означает, что римско-боспорские отношения строились на основе договора, который при вступлении на престол нового царя требовал обновления и подтверждения полномочий очередного претендента.

Впрочем, Аспург опирался не только на поддержку Римской империи; в его распоряжении был неисчерпаемый военный потенциал сарматского кочевого мира. Его положение еще больше упрочилось после женитьбы на представительнице фракийского царского дома — Гипепии, которая подарила ему двух сыновей. Старший сын получил иранское имя

Митридат, младший — фракийское имя Котис. Как показали последующие события, они отличались не только именами, но и своим отношением к зависимости Боспора от Рима.

Потомок великого Ахемена
и Боспорская война 45–49 годов

После смерти Аспурга судьба боспорского трона снова решалась в Риме, где к власти пришел новый император, свенравный Калигула, требовавший, чтобы ему поклонялись как богу. У него были свои виды на Боспорское царство, и решение затянулось. Данные нумизматики свидетельствуют, что контроль над царством, по крайней мере на полтора года, перешел не к наследнику трона Митридату, а к вдове Аспурга, продолжавшей чеканить на своих золотых монетах портрет покойного Тиберия. Такая ситуация свидетельствует об отсутствии молодого Митридата на родине. Вероятно, как наследнику вассального царя ему пришлось провести в Риме довольно продолжительное время, в чем не было ничего необычного. Скорее всего судьба боспорского трона была определена одновременно с решениями, вынесенными в 38 году в отношении ряда других зависимых от Рима восточных государств. Так Агриппа стал правителем двух тетрархий, а затем и царем Иудеи (Jos. Fl. Ant. XVIII, 6, 10). По соседству была образована Иудейская Аравия, а царская власть над ней дарована Соэму. Антиоху Коммагенскому вернули владения его отца (Suet. Calig. 16). Реметалку III достался фракийский престол, Котису IV — Малая Армения, а наследственные владения в Понте получил Полемон II (Dio Cass. LIX, 12, 2).

Права на боспорский трон — видимо, после некоторых колебаний, — официально были утверждены за Митридатом VIII. В пользу этого свидетельствует помещение на аверсе его золотых статеров 39–41 годов изображения правящего императора. Несомненно, молодой царь обязан был рьяно демонстрировать лояльность своему благодетелю. Но, вероятно, уже тогда у наследника имени великого противника Рима зрели мысли о более самостоятельной, а в перспективе и независимой политике. В этом отношении он делал ставку на укрепление союзных отношений с варварскими

племенами. Не исключено, что следами такого рода дипломатических контактов являются находки серебряной тарелки с именем царицы Гипепирии в столице поздних скифов Неаполе (на месте современного Симферополя) и золотых монет, отчеканенных в правление Митридата, в таврском святилище на Гурзуфском седле в Крымских горах. Вероятно, уже тогда среди союзников мятежного царя находилось могущественное сарматское племя сираков на восточных границах государства. Достаточно показательна надпись того времени, где Митридат именуется «другом союзников и другом отечества»¹²².

Вместе с тем он не стремился раньше времени обострить отношения с Римом. Когда после убийства Калигулы императором стал Клавдий, к нему был отправлен Котис, чтобы выразить от лица царя верноподданнические чувства. Однако у него имелись свои виды на эту поездку. Котис постарался «открыть глаза» императору на истинную подоплеку деятельности Митридата, обвинив брата в подготовке войны против Рима. Очевидно, его подталкивала к такому решению оппозиция политике Митридата в лице матери и части состоятельных боспорских горожан, не заинтересованных в конфликте с империей. Об этом вполне определенно говорит восходящий к Диону Кассию (Dio Cass. LX, 28, 7) отрывок из сочинения византийского автора VI века Петра Патрикия: «Митридат задумал повернуть дело и стал готовиться к войне против римлян. Когда же мать воспротивилась этому и, не сумев убедить его, захотела бежать, Митридат, желая скрыть задуманное, но продолжая свои приготовления, посылает брата Котиса послом к Клавдию с дружескими изъяснениями. Котис же, презрев посольские обязанности, все открыл Клавдию и стал царем...» Насколько серьезными были аргументы Котиса, трудно сказать. При всем известной подозрительности Клавдия (Suet. Claud. 37) вызвать его резкую реакцию на действия вассальных правителей могло даже просто накопывание оружия или усиление крепостных стен (Jos. Fl. Ant. XIX, 7, 2).

Так или иначе, обострение боспоро-римских отношений произошло, что существенно повлияло на монетное дело периода правления Митридата VIII. Вместо оживления вы-

пуска золотых статеров, как это обычно происходило при восшествии на престол нового императора, чеканка золота после 42/43 года прекращается, а на реверсе медных монет, по-видимому, именно в это время вместо бюста Гипепирии появляются атрибуты божественных предков боспорских царей — Геракла и Посейдона: лук в колчане, палица, львиная шкура и трезубец. Официально провозглашенный независимый политический курс, судя по тому, что Клавдием еще долго владели «горечь нанесенных ему оскорблений и жажда мести» (Тас. Ann. XII, 20), вполне вероятно, сопровождался рядом антиримских акций, например, демонстративным уничтожением памятников искусства, связанных с представителями династии Юлиев-Клавдиев, подобно тому, как это сделали жители Эфеса со статуями римлян в начале Первой Митридатовой войны (App. Mithr. 21).

Вряд ли ответные действия Рима последовали сразу, поскольку трудно представить, чтобы какая-то крупная внешнеполитическая акция началась одновременно с вторжением римских легионов в Британию в 43 году. К тому же мы знаем, что поход на Боспор с целью утверждения там царем проримски настроенного Котиса возглавил один из участников военной операции в Британии — Авл Дидий Галл, ставший в 44 году наместником провинции Мёзия. Титул *dux*, с которым он упоминается у Тацита (Тас. Ann. XII, 15), предполагает, что из Мёзии против Митридата были отправлены военные силы числом не менее легиона. Возможно, это был переведенный в Мёзию в 45 году VIII Августов легион. К нему нужно добавить несколько когорт, прибывших из Вифинии. Это вполне согласуется с указанием Вегеция, что при небольших войнах римляне «считали достаточным один легион с присоединением к нему вспомогательных отрядов, то есть 10 000 пехоты и 2 000 всадников» (Veget. III, 1).

Сборным пунктом переправленных морем в Таврику военных сил, видимо, стал Херсонес, всегда тяготившийся зависимостью от Боспора и скорее всего выделивший отряд вспомогательных войск для участия в походе. В любом случае переброска армии вторжения и дальнейшие военные действия должны были потребовать привлечения значительного количества военных и транспортных кораблей, часть кото-

рых, несомненно, была затребована у греческих городов понтийского побережья. В этой связи заслуживает упоминания сообщение Тацита об освобождении на пять лет от податей жителей Византия, потому что они были истощены боспорской и фракийской войнами (Тас. Анн. XII, 63).

На первом этапе Боспорской войны Митридат потерпел поражение, утратил столицу и, будучи свергнут с престола, бежал на азиатскую сторону своего государства. Тогда же он, вероятно, лишился и флота. По крайней мере одно морское сражение должно было состояться, ведь позднее Митридат скажет, что его «на протяжении стольких лет на суше и на море преследуют римляне» (Тас. Анн. XII, 18). К сожалению, та часть «Анналов» Тацита, где содержался рассказ о низложении Митридата и воцарении Котиса, утрачена, и конкретный ход войны может быть только приблизительно реконструирован.

Ранее считалось, что уже к началу 46 года весь Европейский Боспор оказался под контролем римлян. Именно этим временем датируются первые золотые статеры с именем царя Котиса I. К тому же в 46 году Фракия была преобразована в римскую провинцию, а часть бывшего Одрисского царства вошла в состав провинции Мёзия. Такое развитие событий требовало присутствия ее наместника Авла Дидия Галла. Видимо, он действительно покинул театр военных действий, возложив их завершение на Гая Юлия Аквилу, прибывшего с несколькими когортами из провинции Вифиния-Понт. Но как показали недавние раскопки цитадели на городище Артезиан, в это время в непосредственной близости от Пантикапея, всего в 30 километрах к западу от него, оставалось еще много сторонников свергнутого царя. Они хорошо подготовились к осаде: многие помещения были заполнены тоннами зерна и запасами копченого или вяленого мяса. Тем не менее крепость после непродолжительного штурма пала и полностью сгорела. Судя по находкам в слое пожара большого количества монет Митридата VIII и его уникального золотого статера¹²³, скорее всего это произошло осенью 47 года. Та же судьба ожидала и многие другие крепости, расположенные в этом районе вдоль имевших стратегическое значение дорог (городища

Багерово Северное, Ново-Отрадное, Маяк, Тасуново, Михайловское и др.).

Полученные в ходе этой карательной операции географические сведения мог использовать Плиний Старший при написании своей «Естественной истории», поскольку он прямо указывает, что при исчислении расстояний между городами и поселениями Боспора дает «размеры, определенные в наше время, когда даже в самом Киммерийском устье велась война» (Plin. Nat. Hist. VI, 3). Данное обстоятельство представляется не случайным. Ведь в римской армии точно составленным планам предполагаемого театра военных действий придавалось огромное значение (Veget. III, 6). При этом данные Плиния для европейской части царства имеют высокую точность, тогда как описание городов азиатской стороны Боспора отличается значительно меньшей определенностью.

Между тем Митридат не собирался складывать оружие. Поскольку продолжение борьбы за Европейский Боспор не имело никаких перспектив, он перебрался на другую сторону пролива — скорее всего к своим союзникам сиракам. Обращает на себя внимание фраза Тацита применительно к событиям 49 года, что царь сираков Зорсин «возобновил враждебные к ним (Аквиле и Котису. — *Авт.*) отношения» (Тас. Анн. XII, 15). Это заставляет предполагать для данного периода военную поддержку сираками антиримского выступления Митридата VIII — впрочем, непродолжительную. Далее, по словам Тацита, царь «блуждал по разным местам», очевидно, за пределами Сиракены и своих бывших владений. Не исключено, что в конце концов он обосновался в области, которая в «Географии» Птолемея (Ptol. Geogr. V, 8, 23–24) обозначена как «страна Митридата». Определенным ориентиром в локализации этой «страны Митридата» и «савроматов», к которым бежал, а возможно, даже стал их царем, непримиримый враг римлян, служат указания Плиния Старшего. Со слов самого Митридата, он сообщает, что они живут за сарматским народом епагиритами, обитающим в Кавказских горах недалеко от Питиунта (Plin. Nat. Hist. VI, 15–16), то есть речь, видимо, идет о районе среднего течения Кубани.

Оставшихся на Боспоре римлян и Котиса Митридат не считал серьезными противниками. Дальнейшие его действия

фактически укладываются у Тацита в одну фразу: «он принимается возмущать племена и сманивать к себе перебежчиков» (Тас. Ann. XII, 15). Очевидно, речь идет о племенах на восточных границах Боспора, а также о связанных с правящей династией аспургианах. После того как под началом Митридата оказалось достаточно большое войско, был предпринят следующий шаг, создавший непосредственную угрозу для римлян и их ставленника: он «прогоняет царя дандариев и захватывает его престол». На волне этих успехов Митридату удалось вновь привлечь к антиримскому союзу царя сираков Зорсина. В 49 году создалась ситуация, когда Котис со дня на день мог ожидать вторжения, ведь область дандариев находилась в низовьях Кубани, в непосредственной близости от городских центров Азиатского Боспора.

Предупреждая нападение Митридата, Котис и его союзники выступили первыми. Тацит в «Анналах», говоря об их войске, упоминает помимо римлян только вооруженных по римскому образцу боспорцах. Далее римский историк пишет, что молодой боспорский царь и Аквила, «не рассчитывая на свои силы... стали искать поддержки извне и направили послов к Эвнону, правившему племенем аорсов». Необходимость союза с аорсами, очевидно, диктовалась отсутствием у Котиса и римлян достаточного числа всадников, способных противостоять коннице противника. В том, что аорсы все-таки примкнули к союзу, направленному против Митридата, конечно, сыграли свою роль не столько выгоды союза с Римом, сколько давнее соперничество этого племени с сираками за контроль над предкавказскими степями.

После удачного завершения переговоров все было готово к походу, в котором аорсы должны были противостоять вражеской коннице, а римляне заниматься осадой городов. Походный порядок союзной армии был следующим: «Впереди и в тылу находились аорсы, посередине — когорты и вооруженные римским оружием отряды боспорцев» (Тас. Ann. XII, 15). В таком тактическом построении, несомненно, был учтен военный опыт, накопленный боспорской армией в столкновениях с кочевниками. Возможно, одним из участников похода 49 года, имевших такой опыт, был Юлий Каллисфен, погребение которого, с набором предметов наступательного

и защитного вооружения, было открыто в одном из склепов пантикапейского некрополя в 1894 году. Иначе трудно объяснить наличие на левой руке этого имевшего римское гражданство боспорца золотого перстня с портретом императора Клавдия на аметистовой гемме работы мастера Скилакса, ведущего резчика при дворах Клавдия и Нерона.

Вряд ли Аквила и Котис могли выступить против основных сил Митридата, оставив у себя в тылу территорию, контролируемую аспургианами. Поэтому они начали с военных действий против них; с этим, видимо, следует связывать разрушение целого ряда укрепленных построек: усадеб на Семибратнем городище и хуторе Рассвет, домов-башен около станицы Анапской, на поселениях Цемдолинское и Владимировка близ Новороссийска. Скорее всего в этих акциях приняли участие и аорсы, с которыми можно предположительно связать погребение воина у поселка Мысхако, датируемое благодаря золотому статеру Котиса I чеканки 48/49 года. В этом погребении были найдены характерные для тяжеловооруженного всадника втульчатый наконечник копья длиной почти полметра и железный кавалерийский меч. Возможно, война затронула и соседние земли торетов, поскольку среди препятствий, которые преодолело римское оружие в период кампании 49 года, Тацит упоминает «труднодоступные и высокогорные местности» (Тас. Ann. XII, 17). В связи с этим можно упомянуть обнаруженный в районе Сочи бронзовый имперско-галльский шлем середины I века н. э. характерной полусферической формы с плоским вытянутым назатыльником.

На пути в страну дандариев римско-боспорская армия успешно провела одно или несколько сражений с войском Митридата VIII. Когда она подошла к городу Созы, царя там уже не было. Римляне без особого труда овладели городом и оставили здесь свой гарнизон. После этого военные действия переместились на земли сираков. Видимо, с ними можно связать присутствие в погребальных комплексах на территории Усть-Лабинского района Краснодарского края трофейного навершия римского знамени и бронзовой пластины от перекрестья римского меча первой половины I века н. э.

Поворотным моментом в ходе всей кампании стала осада города Успы, точное местонахождение которого до сих пор неизвестно. Тем не менее дать хотя бы приблизительную привязку этого населенного пункта к современной карте, на наш взгляд, вполне возможно. Из рассказа Тацита мы знаем, что Успа находилась на возвышенности, за рекой Пандой, в трех днях пути от Танаиса (Тас. Ann. XII, 16–17). Конечно, «день пути» расстояние достаточно условное, но, по Вегецию, скорость движения римских подразделений военным шагом составляла примерно 5,9 километра в час (Veget. I, 9), что при продолжительности дневного марша шесть-семь часов дает до 35–40 километров в сутки. Таким образом, с учетом крайнего разброса цифр, Успа находилась в 105–120 километрах от дельты Дона. Если сопоставить эти данные с археологической картой Восточного Приазовья, то в указанных пределах оказывается группа городищ по реке Кирпили (Панда?), а между ней и Доном поселения этого периода вообще отсутствуют. К тому же к северу от Кирпили местность в отличие от более южных равнинных районов становится пересеченной, с высотными отметками до 50 метров. Расположенные здесь городища представляют собой холмы с четко выраженными цитаделями и глубокими рвами.

Главный город сираков, по Тациту, был окружен рвами и стенами «не из камня, а из сплетенных прутьев с насыпанной посередине землей» (Тас. Ann. XII, 16). Высота подобных оборонительных сооружений, в качестве основы которых использовались турлучные конструкции, вряд ли превышала 4 метра. Несмотря на известную примитивность таких укреплений, не рассчитанных на правильную осаду, с ходу взять их не удалось. Согласно римской тактике захвата городов, если попытка первого штурма не завершилась успехом, начинались инженерные работы под прикрытием легковооруженных войск и метательных машин. Под Успой они заняли лишь часть дня. Город был обложен со всех сторон; подвижные башни высотой от 15 метров, которые упоминает Тацит, были сооружены достаточно быстро из заранее заготовленного материала, перевозившегося в обозе. С них римляне забросали защитников Успы пылающими факелами и копьями. Штурм прервало только наступление

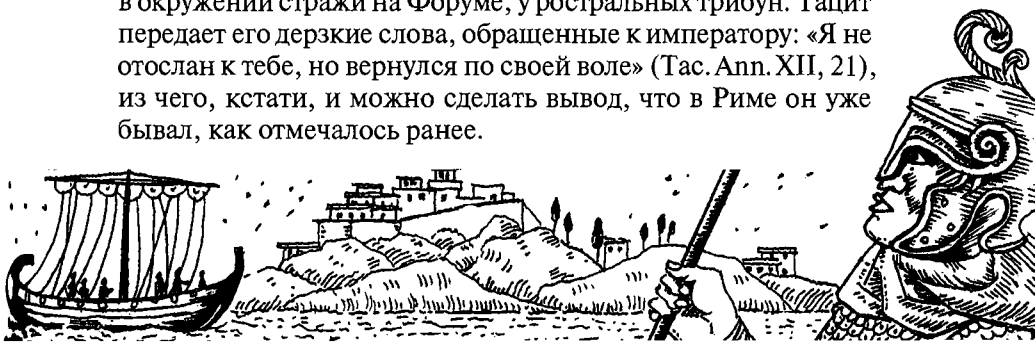
темноты. На следующий день римляне проникли в город с помощью осадных лестниц и закончили дело беспощадной резней. Массовое истребление жителей Успы заставило сираков задуматься о том, стоит ли продолжать войну. В конце концов Зорсин «дал заложников и простерся ниц перед изображением Цезаря, что принесло великую славу римскому войску» (Тас. Ann. XII, 17). Утрата сиракской конницы в скором времени вынудила Митридата VIII к капитуляции, что лишний раз подчеркивает значение контингентов союзной варварской кавалерии в случае ведения масштабной войны на границах Боспора.

Что еще оставалось делать покинутому всеми Митридату? Брату и римлянам он не доверял и поэтому решил прибегнуть к заступничеству царя аорсов, который не питал к нему личной вражды. Неожиданно появившись в ставке Эвнона, беглец припал к его коленям и сказал: «Пред тобою добровольно явившийся Митридат, которого на протяжении стольких лет на суше и на море преследуют римляне; поступи по своему усмотрению с потомком великого Ахемена (к этому предку через Митридата VI Евпатора и персидского царя Дария I возводил он свой род. — *Авт.*) — лишь одного этого враги не отняли у меня» (Тас. Ann. XII, 18). Эти слова произвели должное впечатление на Эвнона, и он обратился с просьбой к императору Клавдию, чтобы сдавшемуся в плен боспорскому царю сохранили жизнь и не заставили участвовать в триумфальном шествии. Клавдий ради окончания войны согласился на эти условия, и пленник был доставлен в Рим Юнием Цилоном, прокуратором провинции Понт, находившейся на южном берегу Черного моря.

Впрочем, коль скоро Митридат был римским гражданином, его в любом случае должны были представить на суд императора. Несчастья не поколебали гордый дух бывшего боспорского царя. Он сохранял бесстрастное выражение лица даже когда стоял, выставленный напоказ народу, в окружении стражи на Форуме, у ростральных трибун. Тацит передает его дерзкие слова, обращенные к императору: «Я не отослан к тебе, но вернулся по своей воле» (Тас. Ann. XII, 21), из чего, кстати, и можно сделать вывод, что в Риме он уже бывал, как отмечалось ранее.

Митридату пришлось провести здесь долгие годы, о которых мы почти ничего не знаем. Одно время он встречался с таким выдающимся ученым, как Плиний Старший, интересовавшимся тем, что происходило на далекой окраине римского мира, и сообщил ему некоторые сведения из личного опыта. Вероятно, знатный пленник жадно ловил любое известие с далекой родины и мечтал когда-нибудь вернуться назад. Скорее всего именно эти надежды на перемены к лучшему подвигли Митридата на участие в заговоре префекта претория Нимфиция Сабина против императора Гальбы в 68 году — видимо, в том самом году, когда на Боспоре скончался его брат.

Он не обольщался насчет нового претендента на власть, человека низкого происхождения, но Гальба был для него совершенно неприемлемой фигурой. Плутарх пишет, что многие в Риме осмеивали императора, но в этом отношении особенно выделялся бывший боспорский царь. Потешаясь над плешью и морщинами Гальбы, не утративший дерзкого остроумия Митридат говорил: «Теперь он еще что-то значит для римлян, но пусть только они увидят его собственными глазами — они сразу поймут, что Гальба будет всегдашним позором тех дней, в которые носил имя Цезаря» (Plut. Galba. 13). Но заговор не удался: вместо того чтобы провозгласить Нимфидия императором, солдаты убили его. Среди осужденных тогда без суда на казнь «людей отнюдь не безвестных» оказался и Митридат Боспорский.

Глава 6

Между империей и варварами

В союзе с Римом

При Котисе I (45/46—67/68 годы) Боспор последовательно выступает как союзное Риму государство и проводит соответствующую политику. Боспорский царь всячески старался продемонстрировать свою лояльность и даже стал первосвященником императорского культа. Судя по росписи

одного из боспорских склепов, в это время на Боспоре входят в употребление обычные для римлян развлечения: гладиаторские бои и травля диких животных.

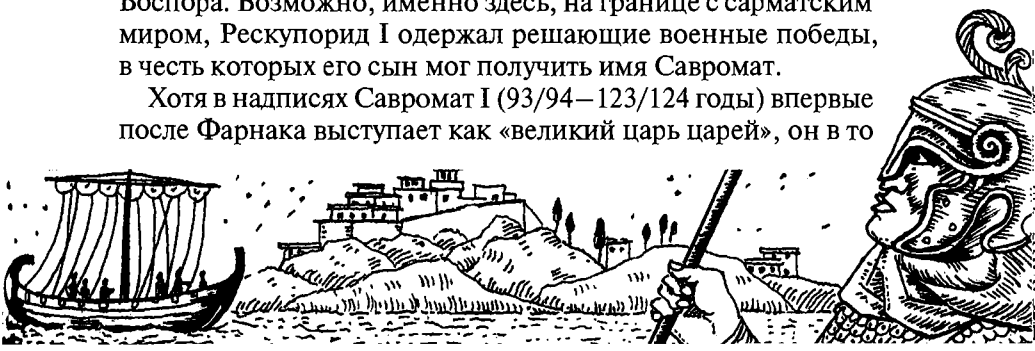
Рим был заинтересован в обеспечении безопасности Боспорского царства, сдерживавшего натиск варваров, которые могли угрожать и границам империи. Поэтому Котис и его преемники могли получать финансовую и иную поддержку.

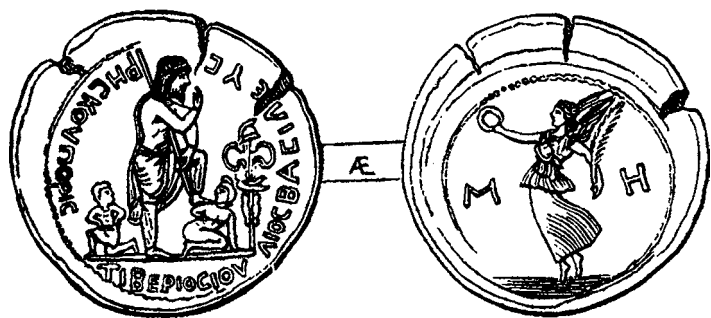
Время действительно было беспокойным. В Северном Причерноморье росла активность варварских племен. Соответственно спешно укреплялись такие окраинные города Боспорского царства, как Танаис и Горгиппия. Около 62 года скифы осадили Херсонес, которому Боспор не сумел помочь. Потребовалось организовать специальную военную экспедицию наместника провинции Нижняя Мёзия Плавтия Сильвана, чтобы снять эту угрозу.

В дальнейшем основные силы империи были заняты на дунайской границе и в Иудее, и она уже не могла жестко контролировать ситуацию на северных берегах Понта. Видимо, практически самостоятельно вел войны с варварами сын Котиса — Рескупорид I (68/69—91/92 годы), величавший даровавшего ему власть императора Веспасиана «господином всего Боспора» (КБН № 1047). Этому царю удалось нанести врагам несколько серьезных поражений. Во всяком случае, на медных монетах конца его правления появляются изображения самого правителя Боспора на скачущем коне с поднятой правой рукой; его же, попирающего у победного трофея коленопреклоненного пленника; скачущего с копьем всадника; богини победы Ники и конной статуи над воротами крепости. Правда, такие средства наглядной пропаганды игнорировали поражения...

Скорее всего именно при Рескупориде I подверглись разрушению такие укрепления на подступах к Пантикапею, как крепость Илурад и поселения у деревни Либкнехтовка и в Андреевке Северной. Пострадали и многие крепости Азиатского Боспора. Возможно, именно здесь, на границе с сарматским миром, Рескупорид I одержал решающие военные победы, в честь которых его сын мог получить имя Савромат.

Хотя в надписях Савромат I (93/94—123/124 годы) впервые после Фарнака выступает как «великий царь царей», он в то

Сестерций царя Рескупорида I с военной тематикой
(по П. О. Бурачкову)

же время характеризуется как «выдающийся друг императора и римского народа». Мы знаем о его победоносной войне со скифами в Таврике примерно в 94–97 годах (КБН № 981). При нем позднее серьезная опасность угрожала Боспору на азиатской стороне, из-за чего было развернуто фортификационное строительство. Особенно грандиозные работы проводились в Горгииппии, где найдена мраморная плита со следующими строками: «Происходящий от предков царей великий царь Тиберий Юлий Савромат, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник августов и благодетель отечества, снесенные стены города воздвиг от основания, дав их городу преумноженные по сравнению с границами предков...» (КБН № 1122). В это время за счет царской казны была усилена оборона Танаиса в устье Дона, а в Кепях сооружен мощный земляной вал, который, однако, не спас город от захвата неприятелем. Был разрушен также Патрей и не менее семи укреплений на Фанталовском полуострове. Скорее всего это сделали псеханы, против которых в 109–113 годах Савромату I пришлось предпринять несколько походов (КБН № 980, 981, 1048).

Атмосферу напряженной военной обстановки на границах царства передает найденная в Керчи пространная надпись, восхваляющая некоего крупного государственного и военного деятеля, бывшего воспитателя царя Савромата I¹²⁴. В ней говорится о поездке чествуемого лица к императору с сообщением о каком-то великом событии (военной победе над варварами?). Далее речь идет о вызове к императору и указаниях с его стороны относительно урегулирования отношений между Боспором и аланами. Кроме того, подробно перечисляются воинские должности и награды этого деятеля: хилиархия, командование фракийской спирой и гоплитами, золотые почетные знаки за воинскую доблесть. Что это были за знаки, остается только догадываться. В римской армии из золота изготавливали наградные браслеты, шейные гривны и медальоны-фалеры с изображениями императоров. В этой связи заслуживает упоминания такая редкая для боспорской скульптуры деталь, как гривна, изображенная на мраморной статуе Неокла, наместника Горгииппии, и, возможно, дарованная ему в качестве воинской награды.

Рим, заинтересованный в спокойствии на своих восточных границах, всегда внимательно наблюдал за развитием военно-политической ситуации на Боспоре. С информацией о боспоро-римских дипломатических контактах из керченской надписи перекликается сообщение о срочном посольстве, отправленном Савроматом I в столицу империи, которое сохранилось в переписке наместника провинции Вифиния Плиния Младшего с императором Траяном (Plin. Sec. Epist. X, 63, 64, 67). В частности, Плиний извещает: «Царь Савромат написал мне, что ты должен как можно скорее о чем-то узнать». Не о том ли великом событии, о котором упоминается в надписи? Наиболее вероятным представляется, что эта дипломатическая миссия была возложена на влиятельного царского сановника и военачальника, победителя скифов Ульпия Парфенокла (КБН № 32, 628), вероятно, получившего от императора Траяна римское гражданство и его родовое имя.

Возвращаясь к керченской надписи, отметим, что, выполняя волю Савромата I, чествуемый предпринял поход против скифов через Таврику и оказался близ Херсонеса. Здесь он встретил царей, очевидно, скифов и тавров, направлявших для заключения союза с аланами, и не только отвратил варварских вождей от подобных намерений, но и взял с них клятвы верности. Далее упоминается племя псеханов как объект пристального внимания самого царя, и прямо говорится о войне со скифами и подчинении тавров.

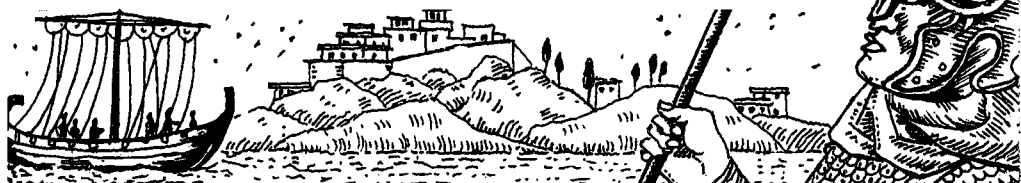
С этими сведениями можно сопоставить обрывочную надпись того же времени из Херсонеса (IPE, I². 369), в которой говорится о нападении на город и его сельскую округу соседних варваров — скифов, савроматов и их союзников (тавров?). Далее упоминается некто, прибывший на двенадцатый день и принявший необходимые меры. Такая оперативная военная помощь могла быть оказана только Боспором. В заключительной части надписи, видимо, идет речь о мирных переговорах со скифским царем, возглавлявшим этот поход¹²⁵.

Личное участие Савромата I в военных действиях и проявленная им «доблестная отвага» были увековечены на средства хранителя дворцовой казны Тиберия Юлия Фавмаста в картине, помещенной в специально выстроенное для нее

сооружение (КБН № 45). В данном случае он следовал существовавшей в Риме практике, когда заказывались и выставлялись картины с изображением подвигов императора (Ср.: *Scriptores Historiae Augustae*. XII, 10). Судя по одной из посвячительных надписей (КБН № 44), другим памятником военным успехам царя могло стать основание на Таманском полуострове — видимо, на месте победоносного сражения, — города Никеи.

Впрочем, эти успехи не избавили западную границу государства от новых нападений. Еще раз усмирять скифов пришлось — на первом году правления — сыну Савромата — Котису II (123/124—132/133 годы), о чем говорится в посвящении его наварха Трифона. Но в целом в это время положение Боспора было достаточно прочным. Ему удавалось удерживать в орбите своего влияния Херсонес, с которым уже при следующем царе Риметалке был заключен оборонительный союз для отражения нападений варварских племен (IPE, I². 423). Натиск тавроскифов пришлось испытать тогда и Ольвии, куда затем был введен римский гарнизон. Постоянная угроза с их стороны привела к усилению римского военного присутствия и в Крыму, где на мысе Ай-Тодор была возведена крепость Харакс. Усилилось в эти годы и давление на границы Боспора и восточные провинции Римской империи воинственных аланов.

В начале 170-х годов пришел в движение варварский мир Северного Причерноморья к западу от Танаиса. Натиску сарматских племен в это время не раз подвергались дунайские провинции империи. Та же судьба, вероятно, постигла владения Херсонеса и Боспора. Скорее всего не случайно между 170/171 и 173/174 годами прекратилась боспорская монетная чеканка. Незадолго до 174 года в Херсонес прибыл римский прокуратор Тит Аврелий Кальпурний Аполлонид со своей женой Паулиной. Из декрета, изданного в его честь городскими властями, где он назван «спасителем», следует, что непосредственной причиной прибытия в Таврику высокопоставленного представителя императора стала необходимость появления здесь римского военного отряда из-за возникновения со стороны варваров угрозы Херсонесу и Хараксу. Очевидно, натиск варваров сдержать удалось, и не

случайно именно в 174 году Коммод, сын знаменитого «философа на троне», императора Марка Аврелия, принимает титул *Sarmaticus* в связи с победой над сарматским племенем языгов.

Савромат II и Вторая Боспорская война

В конце II века из-за Дона пришла новая волна сарматских племен. Для поздних скифов этот натиск сарматов завершился гибелью их государства. В последующий период их столица, подвергшаяся разгрому, судя по разрушениям и множеству останков погибших людей, лишилась оборонительных стен и была застроена достаточно примитивными постройками.

В недавно найденном в Болгарии латинском посвящении ветерана I Италийского легиона упоминается ранее неизвестная Боспорская война. Поскольку Савромат II явно делал ставку на укрепление связей с империей, мы вправе предполагать, что название войны связано с театром военных действий. Приходится сделать вывод, что в 186–193 годах крупномасштабные военные действия затронули основную территорию Боспора. Для предотвращения угрозы извне, видимо, потребовались совместные действия боспорской армии и солдат I Италийского легиона, поскольку военнослужащие именно этого подразделения составляли основу наиболее близко расположенных к Восточному Крыму гарнизонов Херсонеса и Харакса. Возможно, как и ранее в экстренных случаях, были привлечены вспомогательные войска из провинции Вифиния-Понт, откуда осуществлялся военно-политический контроль за ситуацией в Боспорском царстве. Не исключено, что с этими событиями связаны два надгробия солдат IV Кипрской когорты Луция Волузия и Гая Меммия (КБН № 691, 726), похороненных в Пантикапее. Немногочисленность надписей с упоминанием военнослужащих римской армии объясняется непродолжительностью военных действий, в которых они принимали участие.

Скорее всего итоги именно этой Боспорской войны отразила дошедшая до нас надпись 193 года из Танаиса, которая повествует о том, что Савромат II, «завоевав сираков

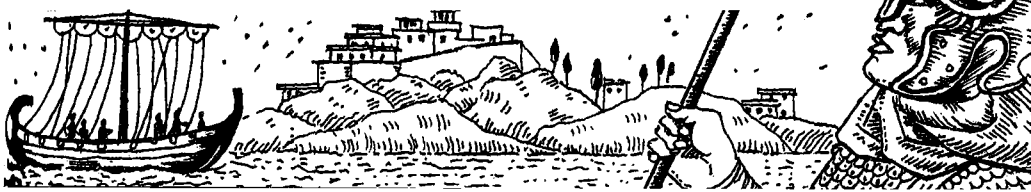
и скифов и Таврику присоединив по договору, сделал море свободным для мореплавания в Понте и Вифинии...» (КБН № 1237). Она посвящена царским наместником Зевсу, Аресу и Афродите, но сам Савромат II, видимо, в связи с теми же событиями, отдельно почтил бога войны, отремонтировав его храм и находящуюся в нем статую (КБН № 63). Святилище Ареса в столице боспорских царей упоминает в одном из своих сочинений и старший современник Савромата II — Лукиан (Лус. Тох. 50). В связи с этим можно вспомнить, что Арес был одним из официальных богов-покровителей Митридата VI Евпатора и его потомков.

Это было время наивысшего расцвета военной мощи Боспора в первые века нашей эры, и скорее всего уцелевшие скифы были вынуждены признать над собой его власть. Это положение сохранялось и позднее, при Рескупориде II, который назван в надписи царем Боспора и тавроскифов (КБН № 1008). Видимо, угроза скифских нападений к этому времени была полностью ликвидирована, а западная граница Боспора установилась где-то в районе Старого Крыма (КБН № 953), а может быть, и западнее. Во всяком случае, обращает на себя внимание почти столетней давности находка посвяtitельной надписи в поселке Партенит у подножия горы Аю-Даг, где «Тиберий Юлий царь Савромат (II. — *Авт.*), друг цезаря и друг римлян, благочестивый, личную свою и своего царства благодетельницу (почтил?)...» (КБН № 955). Речь здесь, видимо, идет о римской императрице, скорее всего Юлии Домне, жене императора Септимия Севера (193—211 годы). При этом, по-видимому, на восточных рубежах государства продолжались контакты с аланами. Иначе трудно объяснить появление на Боспоре, согласно надписи 208 года из Гермонассы, должности главного аланского переводчика (КБН № 1053).

На тройных сестерциях этого времени чеканится изображение римского орла с победным венком в клюве. Начинается выпуск нового для Боспора номинала — двойных денариев, высшего номинала обращавшейся тогда в пределах царства меди. Все сюжеты этой серии так или иначе связаны с военной тематикой. Мы видим здесь заимствованные из римского монетного дела типы *Adventus* (Прибытие) и *Adlocutio*

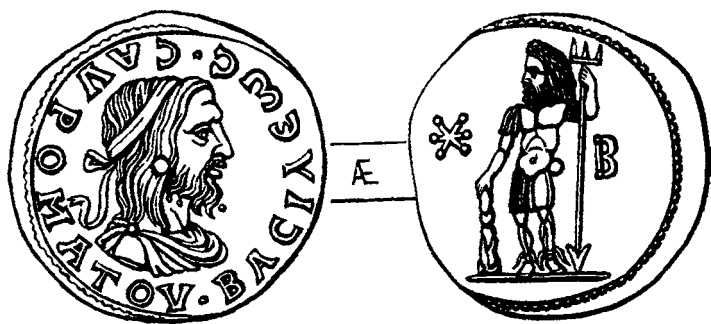
(Обращение), где царь в военном облачении представлен на коне с поднятой правой рукой. Обычно такие изображения связаны с прибытием к войску или обращением с речью к солдатам. Также Савромат II предстает опирающимся на палицу и трезубец, то есть уподоблен божественным предкам Гераклу и Посейдону, атрибуты которых он себе присвоил. В отдельных случаях царя увенчивает Ника. Это совсем не удивительно, ведь, судя по фанагорийскому посвящению занимавшего многие важные государственные должности Юлия Менестрата, царь был обожествлен еще при жизни. К тому же почитание Геракла было «модно» в годы правления императора Коммода (180–192 годы), который претендовал на роль «римского Геркулеса» и не возражал, если ему приносили жертвы как бору (*Scriptores Historiae Augustae*. XVII, 8–12).

Укреплению престижа правившей на Боспоре династии должна была служить и парадная серия монет с изображением подвигов Геракла, проводившая прозрачную параллель между победами Савромата II и деяниями его легендарного прародителя. Эти монеты были отчеканены в небольшом количестве и могли использоваться как награды для участников военных действий. Раздача таких монет должна была способствовать единению царя-полководца с войском. Таким образом правитель Боспора добивался сразу двух целей: роста своей популярности в армии и осуществления наглядной политической пропаганды.

Занявший трон после смерти Савромата II Рескупорид II продолжил проримскую политику своего отца. Он, как и отец, успешно противостоял соседним варварам. Его победы были увековечены выпуском монет с изображением трофея и пленника, царя и Ники у трофея, всадника с поверженным врагом.

Смутные времена

В конце правления Савромата II и при его непосредственных преемниках экономическое положение государства резко ухудшилось, что выразилось в увеличении объема монетной чеканки и резком снижении содержания золота в статерах.

Двойные денарии Савромата II,
изображенного с атрибутами Геракла и Посейдона
(по П. О. Бурачкову)

Показательно, что уже с конца II века боспорские цари, ранее периодически выделявшие средства на укрепление фортификационных сооружений, все чаще стремились переложить это тяжкое бремя на плечи городских жителей. При этом обострилась внешнеполитическая обстановка. В этих условиях постоянным становится институт соправительства, что в любом случае обеспечивало продолжение правящей династии и позволяло быстрее реагировать на ситуацию, складывавшуюся в пограничных районах, где пришел в движение варварский мир.

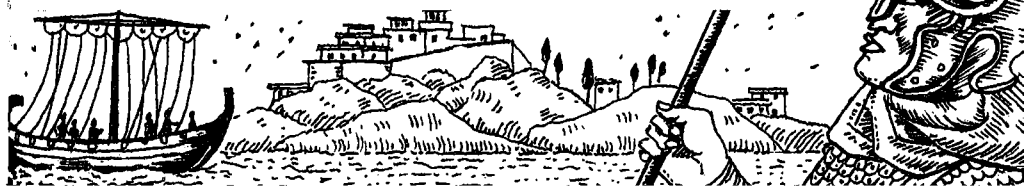
Очевидно, уже к концу первой четверти III века к границам Боспора из Северо-Западного Причерноморья продвинулись германские племена готов, герулов и боранов¹²⁶. О военной опасности свидетельствуют монетные клады, зарытые в предгорном Крыму. Римляне к этому времени оставили большую часть Дакии (совр. Румыния) и отвели часть гарнизонов из Северного Причерноморья. Боспорское государство фактически осталось один на один с новыми врагами. Судьба боспорских городов Горгиппии и Танаиса, которые были первыми разрушены в результате нападения племен готского союза, настраивала далеко не на оптимистический лад.

О ситуации, сложившейся на Боспоре в этот период, повествует византийский автор V века Зосим: «Когда у них [боспорцев] царская власть переходила от отца к сыну, то по дружбе с римлянами, из-за торговых выгод и посылаемых им каждый год даров — они преграждали путь скифам (этот термин здесь следует понимать скорее в географическом аспекте, в другом месте говорится о «скифах, именуемых готами». — *Авт.*), желающим переправиться в Азию; когда же после гибели царского рода к власти пришли некие неблагородные и негодные люди, то из страха за себя они открыли скифам проход через Боспор в Азию и дали им для переправы свои суда» (Zosim. I, 31). К числу этих «неблагородных людей», видимо, можно отнести некоего Фарсанза, чеканившего статеры в 253/54–254/55 годах, хотя на троне продолжал пребывать Рескупорид IV (242/43–276/77 годы). В любом случае в период ожесточенного натиска готов на границы Римской империи Боспор был охвачен какой-то

внутренней борьбой, о конкретном содержании которой мы можем только догадываться. В итоге, очевидно, было достигнуто соглашение: варвары оставляют в покое царские владения, получая взамен возможность использовать боспорский флот для пиратских действий.

Первый морской поход с территории Боспора, главной ударной силой которого было германское племя боранов, состоялся в 255/256 году и был направлен на Пителиунт (совр. Питуунда). Выбор оказался не очень удачным. Этот хорошо укрепленный опорный пункт римлян на кавказском побережье защищал сильный гарнизон под командованием военачальника Суккессииана. Варвары смело бросились на город, но, получив достойный отпор, сами оказались в сложном положении. Дело в том, что сразу по прибытии, понадеявшись на свои силы, они разрешили кораблям отплыть назад. Теперь бораны могли рассчитывать только на себя. Им удалось захватить первые попавшиеся корабли в районе Пителиунта и, преодолев массу трудностей, вернуться к берегам Меотиды (Азовского моря). Трудности их вполне понятны, если учесть, что жестокая осенняя непогода унесла в этом районе Черного моря немало жизней мореходов. Ведь на кавказском побережье при сильном шторме далеко не везде можно пристать к берегу.

На следующий год «скифы» снова отправились в плавание. Теперь путь их лежал дальше, к берегам реки Фасис, где находился одноименный город, известный богатствами своего храма. Захватить его с ходу не удалось, а условия местности — болотистой, жаркой и дождливой — не позволяли развернуть долговременную осаду. Надо полагать, что крепость с гарнизоном из 400 отборных воинов, стенами и башнями из обожженного кирпича и двойным рвом также не вызвала энтузиазма у любителей легкой добычи. Тогда было принято решение взять реванш в Пителиунте. К тому же наверняка варварам стало известно, что герой прошлого года Суккессииан был отозван императором Валерианом в Антиохию, на театр военных действий против Персии. Скорее всего никто в городе не рассчитывал, что бораны и их союзники отважатся напасть снова, и соответственно не готовились к обороне. Последствия этого заблуждения были весьма печальны: бо-

раны без малейшего затруднения захватили городские укрепления, вырезали бывший там гарнизон и двинулись дальше.

Получив в свое распоряжение прекрасную гавань и дополнительные суда, они напали на Трапезунт. Несмотря на размещенное там более чем десяти тысячное войско, боевой дух защитников крепости оставлял желать лучшего. Многие предавались развлечениям и пьянству, бросив службу на произвол судьбы. Бораны не преминули этим воспользоваться. Ночью они поднялись на стены по заранее подготовленным бревнам и открыли ворота. Толпы варваров хлынули в город, громя храмы и подвергая все безудержному грабежу. С бесчисленными сокровищами и пленными, захватив огромное число кораблей, они вернулись назад, обогатившись опытом осады крупных римских городов.

В это время рубежи империи подверглись нападению и других врагов: персов на востоке, готов во Фракии, франков в Галлии, аламаннов в Северной Италии. В результате всего этого Рим был значительно ослаблен. Этим можно объяснить успех нового похода варварских «друзей Боспора», совершенный в 264 году, когда они опустошили не только прибрежные, но и глубинные районы Малой Азии. Спустя три года нападению германского племени герулов, также использовавших берега Меотиды как свою базу, подверглись многие города Греции. Сохранились сообщения о 500 судах варваров, отправившихся в плавание. Несмотря на всю условность этой цифры, численность их войска вряд ли насчитывала менее 25 000 человек. Поскольку в Малой Азии взять уже было нечего, флотилия появилась близ устья Дуная и подвергла разгрому прилегающую местность. Затем ожесточенные сражения развернулись в районе черноморских проливов. В одной из морских битв даже пал командующий римскими кораблями Венериан. Был взят штурмом Византий — будущий Константинополь. Вслед за этим герулы миновали Пропонтиду, захватили крупнейший город Вифинии Кизик и вышли на простор Эгейского моря, где принялись грабить остров за островом. Огромные культурные ценности Афин, Элевсина, Коринфа и Аргоса, оваянная древней славой Спарта — все было обречено на беспощадный разгром.

В конце концов римскому флоту удалось нанести варварам несколько поражений и вынудить их отправиться в обратный путь по суше через Беотию, Эпир, Македонию и Фракию. Сам император Галлиен (260—268 годы) пожелал стяжать лавры в борьбе с варварской угрозой. Со своей армией он напал на врагов, которые, отступая, оставили на поле боя три тысячи убитых. В этой ситуации один из герульских вождей даже перешел на сторону Галлиена, и впервые в римской истории варвар получил знаки консульского достоинства. Оставшиеся герулы продолжали с боями отступать на север. Их положение облегчил срочный отъезд императора в Италию, где против него вспыхнул мятеж. Переброска значительной части войск под Милан дала «скифам» возможность прорваться через Дунай и вернуться к берегам Меотиды. Озлобленные неудачей и потерей большей части награбленного уцелевшие варвары обрушились на города и поселения Таврики.

Последующие годы также были далеко не лучшими для населения царства. Морские походы варваров продолжались. Последний из них, нацеленный на римские провинции Малой Азии, состоялся в 275—276 годах.

В том же году соправителем царя Рескупорида IV Тиберием Юлием Тейраном (275/76—278/79 годы) была одержана какая-то крупная победа, судя по надписи на постаменте памятника «богам небесным, Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице» (КБН № 36), равносильная спасению государства. Очевидно, в этот период власть боспорских царей, которые снова начинают именоваться «друг цезаря и друг римлян», восстанавливается в полном объеме, но с военной организацией государства в ее прежнем виде было покончено навсегда.

Военная история Боспорского царства демонстрирует интересный пример трансформации системы военного дела древнегреческих колоний под влиянием местных варварских племен Северного Причерноморья. Это государство стало для античного мира своего рода полигоном в установлении взаимоотношений с кочевниками бескрайних евразийских степей, военные достижения которых в отдельных случаях заимствовались и перерабатывались. Имеющиеся памятники археологии позволяют проследить здесь скифские, сарматские, меотские и прочие влияния. Адаптация прежде всего выразилась в возрастании роли конницы, лучников и т. п. Особенно восприимчивой к этим влияниям, если судить по знаменитым боспорским курганам, была греческая аристократия. Дружеские связи с варварским миром, практика смешанных браков, о которых сообщают письменные источники, закономерно вели к тому, что здесь быстро стала формироваться смешанная по своему составу греко-варварская элита Боспора Киммерийского.

Под властью Спартокидов Боспор стал самым крупным государством региона, включившим в свой состав как ранее независимые полисы, так и некоторые из местных племен. Боспорское государство при этом сформировалось как наследственная монархия; проходили века, менялись династии, но в этой системе, по существу, ничего не менялось. Одним из проявлений этого процесса при Спартокидах стало уменьшение роли гражданского ополчения. Следует отметить при этом, что, несмотря на все трансформации военного дела, происходившие под влиянием различных факторов, армия

Боспора не стала вариантом скифской или сарматской. Она всегда оставалась армией греческой, армией античного мира, которую от вооруженных формирований варварских племен и государств отличали ряд весьма важных моментов, касающихся системы вооружения, характера боевого построения, способа ведения военных действий и т. д. Постоянная живая связь Боспора со Средиземноморьем осуществлялась и в военной сфере. Боспорские цари охотно приглашали к себе на службу наемников. На различных исторических этапах в этом качестве выступали выходцы из различных районов Древней Греции, а также фракийцы и, по всей видимости, кельты (галаты).

Сочетание в армии Боспора при Спартокидах трех обозначенных компонентов — аристократической боспорской конницы, отрядов греческих и прочих наемников, а также контингентов, предоставленных союзными варварскими племенами, — определило ее своеобразие и, в общем, на протяжении почти трех столетий позволяло решать весьма сложные проблемы, которые ставили перед государством глобальные военно-политические и этнические перемены в Северном Причерноморье (к примеру, во второй четверти III века до н. э.). Лишь системный экономический и политический кризис, который разразился на Боспоре, как и в других греческих государствах Северного Причерноморья, во второй половине II века до н. э., привел к падению Спартокидов и переходу власти к Митридату VI Евпатору. Вполне допустимо считать, что одной из важных причин такого развития событий стало то обстоятельство, что в среде варваров региона просто не нашлось надежной опоры для долговременного союза, который мог бы стать гарантом стабильности как на Боспоре, так и в прилегающих к нему областях.

После Митридатовских войн Боспор оказался в ситуации, когда при всей значимости взаимодействий с варварским миром определяющим фактором для его внешней политики стали отношения с Римом. Этот период в истории Боспора можно разделить на два этапа. В первом из них Боспорское государство прошло путь от фактической независимости к окончательному обретению статуса вассального царства. Стремление римских властей иметь здесь в лице дружествен-

ного правителя оплот против варваров и враждебных царей вполне понятно, но для достижения этой цели потребовалось почти целое столетие: с середины I века до н. э. до завершения Боспорской войны 45–49 годов.

Начиная со второй половины I века, Боспорское царство существовало в условиях прочного военно-политического союза с Римом. Уже в начале этого этапа ухудшилась обстановка на дунайской границе империи, а близ рубежей Боспора появились аланы, представлявшие угрозу и для восточных римских провинций. Это способствовало формированию более взвешенной политики империи по отношению к Боспору как вассальному государству и отказу от постоянного присутствия здесь римских войск. К их помощи боспорские цари обращались только в условиях ведения масштабных военных действий, как это было в период Боспорской войны конца II века. Сложившаяся на протяжении нескольких столетий система римско-боспорских отношений была нарушена во времена готских походов середины III века, в которых благодаря временной политической анархии активно использовался боспорский флот. В этот период хорошо налаженная, глубоко эшелонированная оборона пограничных рубежей была частично разрушена и пришла в упадок, а в дальнейшем уже никогда не была восстановлена в прежнем объеме.

Командная структура военных сил Боспора римского времени включала ряд должностей, традиционных для эллинистических армий: хилиарх, стратег, наварх, лохаг. В то же время в пехотных отрядах, примерно равных по численности римской когорте (*греч.* «спира»), существовали такие должности, как спирах и *κεντυρίων 'ο καὶ πρίνκιψ* (= centurio princeps в римских вспомогательных войсках).

Относительно состава боспорской армии следует отметить, что на рубеже нашей эры, в условиях постоянных военных столкновений с кочевниками, в ней еще более возрастает значение кавалерии. К этому времени в состав местной правящей элиты вошли выходцы из сарматской среды (аспургиане), что позднее привело к изменениям в комплексе наступательного и защитного вооружения боспорской армии, когда отряды катафрактариев стали формироваться из состава боспорских горожан. К числу заимствований из во-

оружения сарматских катафрактариев можно отнести использование длинных мечей без металлического навершия, длинной пики, лука «гуннского» типа, шлемов каркасной конструкции и длинного пластинчатого доспеха с воротом, прикрывающим шею.

Стратегия, применявшаяся боспорским командованием в ходе военных операций, в большинстве случаев, видимо, носила оборонительный характер. Достаточно эффективную оборону государства, не требующую содержания большой армии, обеспечивали линии земляных валов и опорных пунктов в виде крепостей и укрепленных поселений, находившиеся в постоянной боевой готовности. В первые века нашей эры масштабные наступательные действия, несомненно, должны были согласовываться с римской администрацией или непосредственно с императором. Тактику боспорской армии на поле боя можно охарактеризовать следующим образом: координация действий пехоты как основы боевого порядка с тяжелой и более многочисленной легкой конницей.

К сожалению, военное дело и военно-политическая история Боспора, самого крупного политического образования античного периода на северном побережье Черного моря, освещены имеющимися в нашем распоряжении источниками далеко не равноценно. Порой при отсутствии письменных и эпиграфических свидетельств динамика военных событий или культурные взаимодействия в военной сфере просматриваются только через соответствующий археологический материал: остатки фортификационных сооружений, надгробные рельефы, росписи склепов, находки оружия, доспехов и т. д. Можно отметить, что наиболее конкретные результаты имеются в отношении вооружения боспорских воинов, которое находит прямые параллели в скифской, меотской или сарматской среде. Население Боспорского царства отчасти перерабатывало многие достижения своих воинственных соседей. Обладая собственной металлургической базой и развитым ремесленным производством, это государство, в свою очередь, очевидно, поставляло различные предметы вооружения союзным варварам.

Конечно, мы не можем в полной мере рассмотреть многие проблемы, касающиеся военной истории Боспорского

царства, и эта книга, отражая современное состояние наших знаний об этом предмете, вполне определенно демонстрирует необходимость дальнейших поисков в данном направлении. Остается надеяться, что новые эпиграфические, изобразительные и археологические материалы прольют свет на неизвестные страницы военно-политической истории государства, в течение столетий успешно балансировавшего на зыбкой грани между античным и варварским миром.

Примечания

- ¹ Блаватский, 1954; Петерс, 1984. Следует отметить также несколько специальных статей: Сокольский, 1954; 1955; Григорьев, 2000.
- ² Горончаровский, 2003; Виноградов, 2004; Виноградов, Горончаровский, 2009.
- ³ Подробнее об этом см.: Виноградов, 2005. С. 49–59.
- ⁴ Хазанов, 2008. С. 245–248; см. также: Виноградов, 2009. С. 42–51.
- ⁵ О военном деле скифов см.: Мелюкова, 1964; Черненко, 1981.
- ⁶ Бессонова, 1973. С. 250. Рис. 6.
- ⁷ По описанию Полибия (VI, 29), наконечник пилума и его древко имели равную длину — около 1,35 метра, при этом древко на половину длины вставлялось во втулку наконечника. Таким образом, получалась трехчастная конструкция общей длиной около 2,1 метра, в которой из трех равных по длине частей самой тяжелой была центральная (втулка со вставленным в нее древком). Такое устройство обеспечивало оптимальный режим полета копья. При этом, даже если противник не был поражен и пилум втыкался в щит, его тонкий наконечник сгибался, а длинное древко мешало свободному движению вражеского воина.
- ⁸ Об этой войне см.: Черненко, 1984.
- ⁹ О походе Зопириона см.: Виноградов, 2006, с. 98–110.
- ¹⁰ Толстиков, 2015. С. 29.
- ¹¹ Там же. С. 35.
- ¹² Виноградов, 2008. С. 49–54.
- ¹³ Грач, 1999. С. 28.
- ¹⁴ См.: Иванова, 1948; Соколов, 1972. С. 184–191; Толстиков, 1999. С. 122–137.
- ¹⁵ Галанина, 1965. С. 5–27.
- ¹⁶ Виноградов, 1999. С. 141–146.
- ¹⁷ Виноградов, 2006. С. 38.
- ¹⁸ Григорьев, 2000. С. 32.
- ¹⁹ Vernant, 1982. P. 25.
- ²⁰ Черненко, 1979. С. 185–186.

- ²¹ Виноградов Ю. Г., 1983. С. 394–419.
- ²² Толстиков, 1984. С. 24–59; Шелов-Коведяев, 1985. С. 58–70; ср.: Виноградов, 2005. С. 260–262.
- ²³ Гайдукевич, 1952. С. 89.
- ²⁴ Виноградов, 2001. С. 77–78; 2005. С. 245–252.
- ²⁵ Силантьева, 1959. С. 5–107.
- ²⁶ Тохтасьев, 1998. С. 286–301.
- ²⁷ См.: Риджвей, 1999. С. 64–65. Рис. 2.
- ²⁸ См.: Толстиков, 1999. С. 122–137.
- ²⁹ Рабинович, 1941. С. 166.
- ³⁰ Dintsis, 1986. S. 123, No. 63; Taf. 12, 3. Можно также отметить, что три подобных шлема были обнаружены в кладе около села Олонешты (Молдова), состоявшем из шести греческих бронзовых шлемов и шести пар поножей. Есть предположение, что этот клад был оставлен военачальниками Зопириона. См.: Сергеев, 1966. С. 132–142.
- ³¹ Рабинович, 1941. С. 151.
- ³² Ростовцев, 1918. С. 93.
- ³³ В связи с этим уместно будет указать, что именно таким образом встал персидский царь Дарий в битве с Александром Македонским при Иссе (Арриан, II, 8, 11).
- ³⁴ Блаватский, 1954. С. 85–88.
- ³⁵ Черненко, 1984. С. 39–75. Из схемы Е. В. Черненко понятно, что он придерживался гипотезы о том, что Евмел был поддержан фатеями. Еще раз подчеркнем, что эта гипотеза вызывает очень большие сомнения, так что на воспроизведенном рисунке слово «фатеи» следует заменить на «сираки».
- ³⁶ Rostovtzeff, 1930. P. 577.
- ³⁷ Об этом кургане см.: Бутягин, Виноградов, 2014. С. 53–110.
- ³⁸ Смирнов, 1980. С. 40. Рис. 2, 22.
- ³⁹ Черненко, 1968. С. 37.
- ⁴⁰ Gajdukevič, 1971. S. 142.
- ⁴¹ Масленников, 1997. С. 63, 65.
- ⁴² Масленников, 1998. С. 88.
- ⁴³ Масленников, 1996. С. 75–79.
- ⁴⁴ Вахтина, 2009. С. 100–102, 121. Рис. 28.
- ⁴⁵ Худяк, 1962. С. 35.
- ⁴⁶ Höckmann, 1999.
- ⁴⁷ Марченко, Житников, Копылов, 2000. С. 252–258.
- ⁴⁸ Шелов, 1970. С. 23.
- ⁴⁹ Масленников, 1998. С. 211–216.
- ⁵⁰ Раев, Симоненко, Трейстер, 1990. С. 117–135.
- ⁵¹ Грач, 1984. С. 81–88.

- ⁵² Толстиков, 1976. С. 80–90.
- ⁵³ Пругло, 1970. С. 205–214.
- ⁵⁴ Treister, 1993. P. 791.
- ⁵⁵ См.: Алексинский, 2013. С. 61–63.
- ⁵⁶ Обломок лобной части шлема был обнаружен в слое разрушения поселения на Чокракском мысу (Азовское побережье), которое, как считают исследователи, произошло в самом конце I века до н. э. Эта находка еще раз позволяет убедиться в верности наблюдения, что шлемы, как, впрочем, и другие предметы защитного вооружения, могли переходить из рук в руки, многократно менять своих владельцев и, в общем, находиться в употреблении в течение столетий. См.: Масленников, Трейстер, 1997. С. 144–149.
- ⁵⁷ Виноградов, 1998. С. 62–68.
- ⁵⁸ Виноградов, 2007. С. 118–139.
- ⁵⁹ Десятчиков, 1973. С. 131–144.
- ⁶⁰ Молев, 1994. С. 22.
- ⁶¹ Сокольский, 1976. С. 107, 116.
- ⁶² Зайцев, 2003. С. 43.
- ⁶³ Виноградов Ю. Г., 1999. С. 62, прим. 2,
- ⁶⁴ Жебелёв, 1953. С. 82 и след.
- ⁶⁵ Виноградов Ю. Г., 1987. С. 79–80, 86.
- ⁶⁶ Молев, 1995. С. 45.
- ⁶⁷ Gajdukevič, 1971. S. 318.
- ⁶⁸ Молев, 1976. С. 46; ср.: Молев, 1995. С. 45.
- ⁶⁹ См.: Виноградов, 2005.
- ⁷⁰ Виноградов Ю. Г., 1991. С. 104–124.
- ⁷¹ Сапрыкин, 1996. С. 276.
- ⁷² Там же. С. 159.
- ⁷³ Яйленко, 1985. С. 618.
- ⁷⁴ Гайдукевич, 1949. С. 305.
- ⁷⁵ Бенгтсон, 1982. С. 321.
- ⁷⁶ Масленников, 1998. С. 216.
- ⁷⁷ Толстиков, 1985. С. 360.
- ⁷⁸ Фанагория, 2008. С. 61.
- ⁷⁹ Там же. С. 63.
- ⁸⁰ Доманский, Фролов, 1995. С. 94.
- ⁸¹ Блаватский, 1954. С. 141–142.
- ⁸² Сапрыкин, 2005. С. 45 сл.
- ⁸³ Зубарь, 1998. С. 84.
- ⁸⁴ Гайдукевич, 1948. С. 385.
- ⁸⁵ Зубарь, Симоненко, 1984. С. 152.
- ⁸⁶ Руденко, 1962. С. 50. Табл. XXIV, 3.

- ⁸⁷ Dixon, Southern, 1997. P. 73. Fig. 43.
- ⁸⁸ Марченко, 1997. С. 231. Рис. 12.
- ⁸⁹ Сокольский, 1976. С. 95. Рис. 47, 1.
- ⁹⁰ Соколов, 1973. С. 147. Илл. 157.
- ⁹¹ Подробнее см.: Горончаровский, Тихонова, 2005. С. 121–124.
- ⁹² Кругликова, 1982. С. 120–121. Рис. 3, 1.
- ⁹³ Чубова и др., 1985. С. 95. Рис. 45.
- ⁹⁴ Галут, Новичихин, 2017. С. 48–49.
- ⁹⁵ Сокольский, 1954. С. 151. Рис. 6.
- ⁹⁶ Симоненко, 1989. С. 60–63.
- ⁹⁷ Сокольский, 1971. С. 228. Рис. 68, 1.
- ⁹⁸ Brown, 1937. P. 1–3. Pl. I–III.
- ⁹⁹ Крыганов, 1996. С. 344–352.
- ¹⁰⁰ Никоноров, Худяков, 1999. С. 144. Рис. 3, 1; 4, 2.
- ¹⁰¹ Черненко, 1981. С. 118 сл.
- ¹⁰² James, 1987. P. 77–83.
- ¹⁰³ McLeod, 1965. P. 11.
- ¹⁰⁴ Литвинский, 2001. С. 116.
- ¹⁰⁵ Десятчиков, 1972. С. 71.
- ¹⁰⁶ Сазонов, 1992. С. 248 сл. Рис. 9, 5; 11, 4; 15. 1.
- ¹⁰⁷ Ростовцев, 1913. С. 352.
- ¹⁰⁸ Тематически к этой группе примыкает описанное выше изображение таких же воинов во главе со знаменосцем на западной стене центральной ниши.
- ¹⁰⁹ Ланцов, 1999. С. 132 сл.
- ¹¹⁰ Онайко, Дмитриев, 1982. С. 107 сл.
- ¹¹¹ Масленников, 1998. С. 261.
- ¹¹² Дюбрюкс, 2010. С. 307.
- ¹¹³ Гайдукевич, 1958. С. 20.
- ¹¹⁴ Эллинистическая техника, 1948. С. 292.
- ¹¹⁵ Толстиков, 1992. С. 44 сл.
- ¹¹⁶ Цветаева, 1965. С. 234 сл.
- ¹¹⁷ Сокольский, 1976. С. 106 сл.
- ¹¹⁸ Яйленко, 1987. С. 35–39.
- ¹¹⁹ Ростовцев, 1918. С. 146.
- ¹²⁰ Rose, 1990. P. 453–467.
- ¹²¹ Виноградов, 1994. С. 155.
- ¹²² Болтунова, 1954. С. 176.
- ¹²³ Абрамзон, Винокуров, Трейстер, 2012. С. 713 сл.
- ¹²⁴ Сапрыкин, 2005. С. 179–180.
- ¹²⁵ Соломоник, 1990. С. 28.
- ¹²⁶ Ременников, 1954; Буданова. 1990.

Список сокращений

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- КБН — Корпус боспорских надписей. М. — Л. 1949.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- РА — Российская археология.
- СА — Советская археология.
- СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
- AJA — American Journal of Archaeology.
- ИРЕ, I² — В. Latyshev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916. Vol. 1. Ed. 2.

Библиография

1. Письменные источники

- Amm. Marc. = Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994.
- App. Bell. Civ. = Гражданские войны // Аппиан. Римские войны. СПб., 1994.
- App. Mithr. = Митридатовы войны // Аппиан. Римские войны. СПб., 1994.
- Arist. Pol. = Политика // Аристотель. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М., 1983.
- Caes. De bello Gall. = Гай Юлий Цезарь. О галльской войне // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1991.
- De bello Alex. = Об Александрийской войне // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1991.
- Dio Cass. = Дион Кассий. Римская история // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. СПб., 1890.
- Diod. = Диодор Сицилийский. Библиотека // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I: Греческие авторы. Вып. 2. СПб., 1896.
- Eutrop. = Евтропий. Бrevиарий истории Рима от основания города. СПб., 2001.
- Flor. = Луций Анней Флор. Две книги римских войн // Малые римские историки. М., 1996.
- Jos. Fl. Ant. = Иосиф Флавий. Иудейские древности. Минск, 1994.
- Jos. Fl. Bell. Jud. = Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск, 1991.
- Heliod. = Гелиодор. Эфиопика // Античный роман. М., 2001.
- Isocr. Trapedz. = Трапедзитик (Банкирская речь) / Исократ. Речи // ВДИ. 1968. № 4. С. 209–216.
- Liv. = Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. I–III. М., 1989–1993.
- Luc. Tox. = Токсарис // Лукиан Самосатский. Сочинения. Т. I. СПб., 2001.

- Memn. = Мемнон. О Геракле // ВДИ. 1951. № 1. С. 289–316.
- Oros. = Павел Орозий. История против язычников. Кн. VI–VII. СПб., 2003.
- Plin. Nat. Hist. = Плиний Старший. Естественная история // Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Plin. Sec. Epist. = Письма Плиния Младшего. М., 1983.
- Plut. Alex. = Александр // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. М., 1964.
- Plut. Crass. = Красс // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2.
- Plut. Galba. = Гальба // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 3. М., 1964.
- Plut. Luc. = Лукулл // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2.
- Plut. Pomp. = Помпей // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2.
- Polyaen = Полиен. Стратегемы. СПб., 2002.
- Procop. Caes. Bell. = Прокопий Кесарийский. Война с готами. Т. 1–2. М., 1996.
- Ptol. Geogr. = Клавдий Птолемей. География // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. СПб., 1890.
- Scriptores Historiae Augustae = Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.
- Strab. = Страбон. География. Л., 1964.
- Suet. Calig. = Калигула // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Suet. Claud. = Божественный Клавдий // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей.
- Tac. Agr. = Жизнеописание Юлия Агриколы // Корнелий Тацит. Сочинения. Т. 1. Л., 1969.
- Tac. Ann. = Анналы // Корнелий Тацит. Сочинения. Т. 1.
- Tac. Hist. = История // Корнелий Тацит. Сочинения. Т. 2. Л., 1969.
- Veget. = Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела. СПб., 1996.
- Zosim. = Зосим. Новая история // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. СПб., 1890.

2. Эпиграфические источники

- Корпус боспорских надписей. М. — Л., 1965.
- B. Latyshev.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I, II, IV, I². Petropoli, 1885–1916.

3. Научная и научно-популярная литература

- Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.
- Абрамзон М. Г.* Отношения Рима с союзными городами Причерноморья по нумизматическим данным // РА. 1996. № 1.
- Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю.* Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 2012. № 3.
- Абрамова М. П.* О мечях синдо-меотского типа // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М., 2004.
- Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.
- Алексинский Д. П.* Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа. СПб., 2013.
- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Бессонова С. С.* Погребение IV в. до н. э. из Трехбратного кургана // Скифские древности. Киев, 1973.
- Блаватский В. Д.* О боспорской коннице // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 96–100.
- Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
- Блаватский В. Д.* О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Болтунова А. И.* К надписи IosPE II, 400 // ВДИ. 1954. № 1.
- Боспорские надгробные рельефы. Л., 1990.
- Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.
- Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Ч. I. Одесса, 1884.
- Бутягин А. М., Виноградов Ю. А.* Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь — Керчь, 2014.
- Вахтина М. Ю.* Порфмий — греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. 2009. Вып. 22.
- Виноградов Ю. А.* О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // Stratum plus. СПб. — Кишинев, 1997.
- Виноградов Ю. А.* О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // Таманская старина. Вып. 1. СПб., 1998.

- Виноградов Ю. А.* Новые находки оружия на городище Мирмекий // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. I. СПб. — Псков, 1999.
- Виноградов Ю. А.* Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (Своеобразие стабилизации в регионе второй половины III — первой половины II в. до н. э.) // *Hurebogueus*. 1999. Vol. 5, 1.
- Виноградов Ю. А.* Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского (Опыт интерпретации) // ВДИ. 2001. № 4.
- Виноградов Ю. А.* «Там закололся Митридат...» Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI—I вв. до н. э.). СПб. — М., 2004.
- Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Виноградов Ю. А.* Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // Скифия, Фракия и эллинский мир. *Stratum plus*. 2003–2004. № 3. СПб. — Кишинев — Бухарест, 2005.
- Виноградов Ю. А.* Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). СПб., 2006.
- Виноградов Ю. А.* Северное Причерноморье в условиях кризиса второй половины II в. до н. э. // Из истории античного общества. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 2007.
- Виноградов Ю. А.* Некоторые итоги археологических исследований в районе акрополя Мирмекия (По материалам раскопок 1992–1994 гг.) // ВДИ. 2008. № 1.
- Виноградов Ю. А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. Вып. XXII. 2009.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб., 2009.
- Виноградов Ю. А., Тохтасьев С. Р.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1.
- Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983.
- Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикалея и проблемы истории Скифии и Боспора // ВДИ. 1987. № 1.
- Виноградов Ю. Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4.
- Виноградов Ю. Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2.

- Виноградов Ю. Г.* Разгром сарматами Великой Скифии: следы орды ведут в Таврику // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М. — Л., 1949.
- Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
- Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. // МИА. 1958. № 85.
- Галанина Л. К.* Греческие поножи Северного Причерноморья // АСГЭ. Вып. 7. 1965.
- Галль Х. фон.* Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (истоки восприятия одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. 1997. № 2.
- Горелик М. В.* Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластине из Геремесова кургана // СА. 1971. № 3.
- Горончаровский В. А., Никоноров В. П.* Илуратский катафрактарий (к истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1.
- Горончаровский В. А.* Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб. — М., 2003.
- Горончаровский В. А.* Военно-политическая история Боспорского царства со второй половины I до середины III в. н. э.: от прочного союза с Римом до Готских войн // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2005. Вып. 4.
- Горончаровский В. А.* Аспургiane и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже н. э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII—I вв. до н. э. СПб., 2006.
- Горончаровский В. А.* К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2010. Вып. 9.
- Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1.
- Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Григорьев Д. В.* Состав войска и его тактика в VI—V вв. до н. э. на Боспоре // РА. 2000. № 3.
- Десятчиков Ю. М.* Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4.
- Десятчиков Ю. М.* Сатархи // ВДИ. 1973. № 1.
- Доманский Ю. В., Фролов Э. Д.* Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII—I вв. до н. э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.

- Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. Т. I. СПб., 2010.
- Жебелёв С. А.* Северное Причерноморье. М. — Л., 1953.
- Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь, 2003.
- Зинько В. Н.* Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II. Симферополь — Керчь, 2014.
- Зубарь В. М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
- Иванова А. П.* Новая скульптурная находка в Керчи // КСИИМК. Вып. XXIII. 1948.
- Иванова А. П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.
- Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. № 3. С. 35.
- Крыганов А. В.* Налучья и их ношение раннесредневековыми кочевниками Евразии // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996.
- Ланцов С. Б.* Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинеоне (?) псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. № 1.
- Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.
- Маринович Л. П., Кошеленко Г. А.* О боспорских валах // Древности Боспора. 2000. Вып. 3.
- Марченко И. И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1997.
- Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. М., 2000.
- Масленников А. А.* Новые материалы к истории военного дела античного Боспора // ВДИ. 1996. № 1.
- Масленников А. А.* Исследование сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы в конце века // РА. 1997. № 3.
- Масленников А. А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Масленников А. А., Трейстер М. Ю.* Фрагмент аттического шлема из раскопок поселения на Чокракском мысу // Археология. 1997. № 1. Киев, 1997.
- Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М., 1964.
- Молев Е. А.* Митридат Евпатор. Саратов, 1976.
- Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Молев Е. А.* Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995.
- Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2.

- Петерс Б. Г.* Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Пругло В. И.* Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М., 1970.
- Рабинович Б. З.* Шлемы скифского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. I. Л., 1941.
- Раев Б. А., Симоненко А. В., Трейстер М. Ю.* Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954.
- Риджвей Б. С.* Стела из Музея изобразительных искусств, найденная на Тамани // Таманский рельеф. М., 1999.
- Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914.
- Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Ростовцев М. И.* Государство и культура Боспорского царства: 2. Государство и социальный строй эпохи римского протектората // ВДИ. 1989. № 3–4.
- Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров. М., 1996.
- Сапрыкин С. Ю.* Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1.
- Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Сапрыкин С. Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2.
- Сазонов А. А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992.
- Сергеев Г. П.* Олонештский античный клад // ВДИ. 1966. № 2.
- Симоненко А. В.* 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. № 69. 1959.
- Смирнов К. Ф.* О мечях синдо-меотского типа // КСИА. Вып. 162. 1980.
- Соколов Г. И.* Фанагорийский известняковый шлем // СА. 1972. № 2.
- Соколовский Н. И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.
- Соколовский Н. И.* О боспорских щитах // КСИИМК. 1955. Вып. 58.
- Соколовский Н. И.* Валы в системе обороны Европейского Боспора // СА. 1957. Т. XXVII.
- Соколовский Н. И.* Крепость аспургин на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143.

- Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
- Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990.
- Толстиков В. П. Надгробие воина из Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1976. № 1.
- Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. 1984. № 3.
- Толстиков В. П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. Вып. 10.
- Толстиков В. П. Костюм и вооружение на Таманской стеле воинов // Таманский рельеф. М., 1999.
- Толстиков В. П. Пантикапей. К археологическому портрету столицы Боспора Киммерийского. Симферополь, 2015.
- Толстиков В. П., Журавлёв Д. В., Ломтадзе Г. А. Многокамерные строительные комплексы и система застройки акрополя Пантикапея VI—V вв. до н. э. // ВДИ. 2013. № 1.
- Тохтасьев С. Р. К чтению и интерпретации посвяtitельной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Nuretboreus*. Vol. 4/2. СПб., 1998.
- Фанагория. По материалам Таманской экспедиции Института археологии РАН. М., 2008.
- Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Худяк М. М. Из истории Нимфея в VI—III вв. до н. э. Л., 1962.
- Цветаева Г. А. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий // Новое в советской археологии. М., 1965.
- Цветаева Г. А. Боспор и Рим. М., 1980.
- Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Черненко Е. В. Влияние военного дела скифов на военное дело античных колоний Северного Причерноморья. Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.
- Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Черненко Е. В. Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.
- Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2.
- Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—V вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985.

- Шукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе. СПб., 1994.
- Эллинистическая техника. М. — Л., 1948.
- Яйленко В. П. Новые эпиграфические памятники о Митридате Евпаторе и Фарнаке // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.
- Яйленко В. П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987.
- Dintsis P. Hellenistische Helme. I—II. Roma, 1986.
- Dixon K. R., Southern P. The Roman cavalry. London, 1997.
- Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- Höckmann O. Naval and Other Graffiti from Nymphaion // Ancient Civilizations from Scythia to Sideria. Vol. 5/4. Keiden, 1999.
- James S. Dura-Europos and the Introduction of the «Mongolian Release» // Roman Military Equipment; the accoutrements of war BAR International Series. 336.
- Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrusland. Berlin, 1909.
- McLeod W. The Range of the Ancient Bow // Phoenix. Vol. XIX. 1965. № 1.
- Mielczarek M. The Army of the Bosporan kingdom. Lodz, 1999.
- Nikonov V. P. Cataphracti, Catafractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of Their Identification // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.
- Robinson H. R. The Armour of Imperial Rome. London, 1975.
- Rose Ch. B. «Princes» and Barbarians on the Ara Pacis // AJA. 1990. Vol. 94. No. 3.
- Rostovtzeff M. Pontus and Its Neighbours: the First Mithridatic War // Cambridge Ancient History. Vol. IX. Cambridge, 1932.
- Rostovtzeff M. The Bosporan Kingdom // Cambridge Ancient History. Vol. VIII. Cambridge, 1930.
- Teister M. Ju. The Celts in the north Pontic Area: a reassessment // Antiquity. Vol. 67 (No. 257). Oxford, 1993.
- Vernant J.-P. Myth and Society in Ancient Greece. London, 1982.

Содержание

Введение	5
----------------	---

Часть I

Военная история и военное дело Боспора
от времени греческой колонизации до завершения
Митридатовых войн

Глава 1

Боспор Киммерийский во время греческой колонизации	11
--	----

Греки и варвары. Проблемы сосуществования	11
---	----

Военное дело скифов	16
---------------------------	----

Греки на Боспоре. Первые шаги	20
-------------------------------------	----

Глава 2

Боспор при Археанактидах и ранних Спартокидах	36
---	----

Объединение во главе с Археанактидами и борьба со скифской агрессией	36
---	----

Спартокиды создают державу	42
----------------------------------	----

Усобица сыновей Перисада I	53
----------------------------------	----

Глава 3

Боспор между скифами и сарматами	61
--	----

Боспор после падения Великой Скифии	61
---	----

Относительная стабилизация военно-политической обстановки во второй половине III — первой половине	
---	--

II века до н. э.	68
-----------------------	----

Спартокиды накануне падения	78
-----------------------------------	----

Глава 4	
Боспор в составе державы Митридата Евпатора	85
Подчинение Боспора понтийскому царю	85
Боспор и Митридатовы войны	94
Часть II	
Военное дело и военно-политическая история	
Боспорского царства от правления Фарнака	
до начала Готских войн	
Глава 1	
Организация и состав боспорской армии	104
Командный состав и комплектование армии	105
Конница	113
Пехота	121
Глава 2	
Оружие и доспехи	124
Наступательное вооружение	124
Защитное вооружение	142
Глава 3	
Боспорская армия на полях сражений	152
Глава 4	
Система обороны границ государства	159
Рубежи обороны	159
Крепость Илурат	163
Крепости Азиатского Боспора	171
Глава 5	
Боспор на пути от независимости к статусу	
вассального царства	172
«Друг римлян» Фарнак	174
Рука боспорской царицы на весах римской политики	178
Аспург: «сармат» на троне боспорских царей	185
Потомок великого Ахемена и Боспорская война	
45—49 годов	187

Глава 6	
Между империей и варварами.	196
В союзе с Римом	196
Савромат II и Вторая Боспорская война	202
Смутные времена.	204
Заключение.	210
<i>Примечания . . . . .</i>	<i>215</i>
<i>Список сокращений . . . . .</i>	<i>219</i>
<i>Библиография. . . . .</i>	<i>220</i>

Виноградов Ю., Горончаровский В.

В49 Военная история Боспорского царства / Юрий Виноградов, Владимир Горончаровский. — М. : Ломоносовъ. — 2017. — 240 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-386-5

Около 480 года до н. э. объединились в единое государство греческие колонии, основанные на берегах Керченского пролива, называвшегося тогда Боспором Киммерийским. Так началась тысячелетняя история Боспорского царства, частью которой стали сложные, подчас враждебные отношения с варварскими племенами, борьба с другими античными городами за право властвовать в Крыму и даже соперничество с Римской империей. Отсюда последний великий царь эллинистического Востока Митридат VI Евпатор готовил поход на Рим, но завершилось это тем, что римляне явились на Боспор сами и превратили его в форпост империи в Северном Причерноморье. Авторы рассматривают военную историю Боспорского царства на широком культурном фоне, привлекая как многочисленные античные источники, так и достижения современных наук — археологии, лингвистики, этнологии.

Юрий Виноградов и Владимир Горончаровский — доктора исторических наук, сотрудники Института истории материальной культуры РАН, специалисты в области античной археологии.

УДК 94(47).01

ББК 63.3(0)32

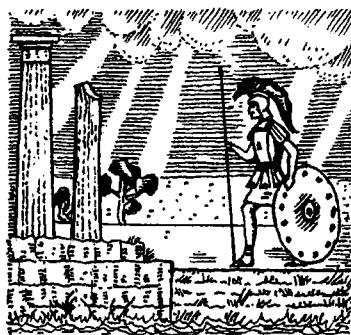
Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Юрий Виноградов

Владимир Горончаровский

Военная история Боспорского царства

Редактор М. Черепнин

Верстка А. Петровой

Корректор М. Малоян

Подписано в печать 30.08.2017.

Формат 60×90/16. Тираж 1500 экз. Заказ 5911

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8 (499)270-73-59

Скан, pdf — valeryk64 15.11.2020

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолен Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

- 27 Стаффан Скотт. Династия Бернадотов: короли, принцы и прочие...
- 28 Геннадий Левицкий. Самые богатые люди Древнего мира
- 29 Георгий Вернадский. Монголы и Русь
- 30 Наталья Пушкарева. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница
- 31 Виталий Белявский. Вавилон легендарный и Вавилон исторический
- 32 Олег Ивик. История и зоология мифических животных
- 33 Лев Карсавин. Монашество в Средние века
- 34 Владислав Петров. Древняя история смерти
- 35 Олег Ивик. Еда Древнего мира
- 36 Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана
- 37 Вашингтон Ирвинг. Жизнь пророка Мухаммеда
- 38 Владимир Новиков. Русская литературная усадьба
- 39 Отечественная война 1812 года глазами современников
- 40 Наталья Пушкарева. Частная жизнь русской женщины XVIII века
- 41 Сергей Ольденбург. Конфуций. Будда Шакьямуни
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простых вещей
- 43 Генрих Бёмер. История ордена иезуитов
- 44 Алексей Смирнов. Скифы
- 45 Андрей Снесарев. Невероятная Индия: религии, касты, обычаи
- 46 Генри Чарлз Ли. Возникновение и устройство инквизиции
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. Хазары
- 48 Вячеслав Шпаковский. История рыцарского вооружения
- 49 Лев Ельницкий. Великие путешествия античного мира
- 50 Юрий Чернышов. Древний Рим: мечта о золотом веке
- 51 Виктор Бердинских. Русская деревня: быт и нравы
- 52 Сергей Макеев. Дело о Синей Бороде

- 53 Борис Романов. Люди и нравы Древней Руси
- 54 Печенеги
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
- 56 Алексей Смирнов. Несостоявшийся русский царь
Карл Филипп, или Шведская интрига Смутного времени
- 57 Александр Куланов. Обнаженная Япония
- 58 Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
- 59 Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц
- 60 Владислав Петров. Древняя история секса в мифах и легендах
- 61 Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
- 62 Константин Кудряшов. Александр I и тайна
Федора Козьмича
- 63 Виктор Калашников. Русская демонология
- 64 Рафаил Нудельман. Прогулки с Библией
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
- 66 Георгий Вернадский. Русское масонство в царствование
Екатерины II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. Сюнну, предки гуннов,
создатели первой степной империи
- 68 Константин Иванов. Трубадуры, труверы, миннезингеры
- 69 Галина Шебалдина. Заложники Петра I и Карла XII
- 70 Тамерлан — покоритель Азии
- 71 Василий Смирнов. Крымское ханство в XVIII веке
- 72 Яков Канторович. Процессы о колдовстве в Европе
и Российской империи
- 73 Татьяна Георгиева. Русская повседневная культура
- 74 Александр Васильев. Византия и крестоносцы.
Падение Византии
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простой еды
- 76 Геннадий Левицкий. Великое княжество Литовское

- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ
И ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокщанин, Олег Непомнин. ЛИКИ СРЕДИННОГО
ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ:
СХВАТКА ЗА ЛИВонию
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
- 93 Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ
- 94 Олег Ивик, Владимир Ключников. ГУННЫ
- 95 Геннадий Левицкий. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА
- 96 Исаак Фильштинский. АРАБЫ И ХАЛИФАТ
- 97 Алексей Шкваров. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
- 98 Илья Кораблев. ГАННИБАЛ
- 99 Дмитрий Боровков. ВЛАДИМИР МОНОМАХ, КНЯЗЬ-МИФОТВОРЕЦ
- 100 Петр Черкасов. ШПИОНСКИЕ И ИНЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ АРХИВОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ
- 101 Владимир Горончаровский. РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ:
ЖИЗНЬ НА ГРАНИ СМЕРТИ

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 102 Виктор Бердинских. Тайны русской души
- 103 Ауртни Бергманн. Торвальд Странник
- 104 Геннадий Коваленко. Великий Новгород
в иностранных сочинениях
- 105 Людмила Ивонина. Драма династии Стюартов
- 106 Игорь Тантлевский. История Древнего Израиля и Иудеи
- 107 Станислав Чернявский. Антиох Великий, «царь Азии»
- 108 Георгий Вернадский. Звенья русской культуры
- 109 Владимир Соколов. Занимательная история
Древней Церкви. От гонений к триумфу
- 110 Антон Горский. Средневековая Русь
- 111 Вера Курская. История лошади в истории человечества
- 112 Антон Горский. Москва и Орда
- 113 Александр Васильев. История Византии от основания
Константинополя до эпохи Крестовых походов.
324—1081 годы
- 114 Дмитрий Занков. Русь за трапезой
- 115 Людмила Морозова. Андрей Дёмкин. Русские царицы
и царевны XVII века
- 116 Виктор Бердинских. Русские у себя дома
- 117 Михаил Мочалов, Дмитрий Полежаев. Держава Сасанидов.
224—652 годы
- 118 Станислав Чернявский. Митридат Великий,
«последний эллин»
- 119 Московское государство XV—XVII веков
по сказаниям современников-иностранцев
- 120 Владимир Соколов. Занимательная история Древней Церкви.
На пути к расколу
- 121 Елена Смилянская. Волшебники, богохульники, еретики
в сетях российского сыска XVIII века
- 122 Варвара Пономарева, Любовь Хорошилова.
Мир русской женщины: семья, профессия,
домашний уклад. XVIII — начало XX века

- 123 Андрей Дёмкин. ЛЕЙБ-КОМПАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
- 124 Лариса Печатнова. ДРЕВНЯЯ СПАРТА И ЕЕ ГЕРОИ
- 125 Татьяна Лабутина. МИР АНГЛИЙСКОЙ ЛЕДИ. ВОСПИТАНИЕ,
ОБРАЗОВАНИЕ, СЕМЬЯ. XVII — начало XVIII века
- 126 Георгий Вернадский. РУССКИЕ ЗЕМЛИ В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 127 Нонна Марченко. БЫТ И НРАВЫ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ
- 128 Наталья Петрова. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ
- 129 Дмитрий Расовский. ПОЛОВЦЫ, ТОРКИ, ПЕЧЕНЕГИ, БЕРЕНДЕИ
- 130 Олег Ивик. ТРОЯ. Пять тысяч лет реальности и мифа
- 131 Юрий Селезнёв. РУССКИЕ КНЯЗЬЯ ПРИ ДВОРЕ ХАНОВ
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
- 132 Владимир Безгин. ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ
ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ
- 133 Светлана Плетнева. КОЧЕВНИКИ РУССКИХ СТЕПЕЙ IV—XIII век
- 134 Андрей Дёмкин. ИСТОРИИ РУССКИХ ФРЕЙЛИН
- 135 Ирина Опимах. ХУДОЖНИЦЫ, МУЗЫ, МЕЦЕНАТКИ
- 136 Анатолий Новосельцев. ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ
- 137 Георгий Вернадский. МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО
- 138 Эрнест Альфред Уоллис Бадж. РЕЛИГИЯ И МАГИЯ
ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 139 Георгий Федотов. СВЯТЫЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 140 Владислав Смирнов. ОБРАЗЫ ФРАНЦИИ.
ИСТОРИЯ, ЛЮДИ, ТРАДИЦИИ
- 141 Мария Сергеенко. ПОМПЕИ
- 142 Ольга Добиаш-Рождественская. ЭПОХА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ
И ЕЕ ГЕРОИ
- 143 Нина Пигулевская. КУЛЬТУРА СИРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 144 Илья Шифман. НАБАТЕЙСКОЕ ЦАРСТВО
- 145 Владимир Печенкин. ИСТОРИЧЕСКИЕ КАМНИ.
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ
- 146 Георгий Вернадский. ДРЕВНЯЯ РУСЬ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Юрий
Виноградов
Владимир
Горончаровский

Военная
история
Боспорского
царства

Около 480 года до н. э. объединились в единое государство греческие колонии, основанные на берегах Керченского пролива, называвшегося тогда Боспором Киммерийским. Так началась тысячелетняя история Боспорского царства, частью которой стали сложные, подчас враждебные отношения с варварскими племенами, борьба с другими античными городами за право властвовать в Крыму и даже соперничество с Римской империей. Отсюда последний великий царь эллинистического Востока Митридат VI Евпатор готовил поход на Рим, но завершилось это тем, что римляне явились на Боспор сами и превратили его в форпост империи в Северном Причерноморье. Авторы рассматривают военную историю Боспорского царства на широком культурном фоне, привлекая как многочисленные античные источники, так и достижения современных наук — археологии, лингвистики, этнологии.

Юрий Виноградов и Владимир Горончаровский — доктора исторических наук, сотрудники Института истории материальной культуры РАН, специалисты в области античной археологии.

ISBN 978-5-91678-386-5

9 785916 783865